

КУРСЪ
ИСТОРИИ
Русскаго Военнаго Искусства.

Выпускъ I.

Отъ начала Руси до Петра Великаго.

Ординарный профессоръ
Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба
Полковникъ **А. БАЮВЪ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія ГР. СКАЧКОВА, Владимірокій пр., 7.

1909.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	СТР.
Предисловіе	III
Литература	VI
I. Отъ начала русскаго государства до половины XI вѣка.	
Образованіе вооруженной силы	1
Составъ вооруженныхъ силъ	4
Вооруженіе войскъ	6
Устройства войска	6
Численность войскъ	7
Строй и образъ дѣйствій войскъ	7
Нравственный элементъ въ русскихъ войскахъ	8
Походы Святослава	9
Заключеніе объ эпохѣ	12
II. Съ половины XI вѣка до половины XIII вѣка.	
Общія условія, влияющія на развитіе военнаго искусства въ Россіи	13
Составъ вооруженныхъ силъ	16
Вооруженіе	16
Общій характеръ военнаго искусства	17
Походы 1224 года и битва на р. Калкѣ	18
Заключеніе объ эпохѣ	19
III. Съ половины XIII вѣка до половины XIV вѣка.	
Общія условія, влияющія на развитіе военнаго искусства	20
Составъ вооруженныхъ силъ	26
Вооруженіе	29
Строй и образъ дѣйствій войскъ	29
Нравственный элементъ въ русскихъ войскахъ	30
Общій характеръ военнаго искусства	36
Походы Александра Невскаго	51
Заключеніе объ эпохѣ	51
IV. Съ половины XIV вѣка до половины XV вѣка.	
а) Общія условія влияния на развитіе военнаго искусства	38
б) Устройство вооруженныхъ силъ. Составъ войска	38
— Главные роды войскъ	40
— Вооруженіе	40
— Численность арміи	41
— Организация войска	42
— Управленіе вооруженными силами	42
— Строй и образъ дѣйствій войскъ	48
— Нравственный элементъ войска и его боевая подготовка	45
в) Куликовскій походъ Дмитрія Донскаго	46

II

V. Съ половины XV и до конца XVI вѣка.

1. Общія условия, влияющія на развитіе военнаго искусства	57
2. Устроѣство вооруженныхъ силъ	66
Составъ войска по порядку образованія и по роду службы	66
Составъ войска по родамъ	71
Вооруженіе	73
Организація войскъ	76
Управленіе вооруженными силами	77
Обмундированіе	78
Довольствіе войскъ	78
Боевая подготовка войскъ	79
Образъ дѣйствій войскъ	81
Духъ и дисциплина войскъ	86
Заключеніе объ эпохъ	86
3. Казанскія операція 1552 г.	88

VI. Смутное (время конецъ XVI и начало XVII вѣка).

1. Общія условия, влияющія на развитіе военнаго искусства	111
2. Состояніе вооруженныхъ силъ. Общая характеристика	118
„Воинская книга“ и „Уставъ дѣль ратныхъ“	119
Вооруженіе и укрѣпленіе границъ	121
Духъ и дисциплина войскъ	122
Скопининъ-Шуйскій и князь Иожарскій	122

VII. XVII вѣкъ.

1. Общія условия, влияющія на развитіе военнаго искусства	124
2. Организація, составъ и управленіе войсками. Составъ войска	123
Организація вооруженныхъ силъ и управленіе ими	132
Вооруженіе	135
Довольствіе войскъ	136
Центральное управленіе вооруженными силами	136
3. Боевая подготовка, тактика, духъ и дисциплина войскъ	139
Боевая подготовка войскъ	139
Дисциплина и духъ арміи	146
Заключеніе объ эпохъ	147
Выводы о значеніи эпохи для развитія военнаго искусства	148
4. Шереметевскій походъ 1680 года	149

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій „курсъ“ является результатомъ моихъ лекцій въ младшемъ классѣ Николаевской Академіи генеральнаго штаба въ теченіе трехъ учебныхъ годовъ.

Вполнѣ сознавая, что за такой короткій срокъ невозможно установить курсъ „исторіи русскаго военнаго искусства“ за время отъ начала нашего государства и почти до послѣднихъ дней, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь его напечатать, руководствуясь слѣдующими соображеніями: во 1-хъ, необходимостью дать учебное руководство для офицеровъ академіи, и во 2-хъ, — желаніемъ расширить свою аудиторію и сдѣлать ознакомленіе съ исторіей нашего военнаго искусства возможнымъ для каждаго офицера нашей арміи. Это тѣмъ болѣе желательно, что съ одной стороны знаніе прошлаго нашего военнаго искусства у насъ, къ сожалѣнію, распространено весьма мало, а съ другой стороны, въ послѣднее время, какъ мнѣ кажется, интересъ къ этому прошлому значительно возросъ и было-бы положительно тяжкимъ грѣхомъ не удовлетворить его.

Не смотря на столь вѣскія соображенія, побуждающія меня выпустить настоящій „курсъ“, я едва-ли, однако, рѣшился бы на это послѣ столь короткаго срока занятія мною соотвѣтствующей кафедры въ академіи, если-бы не могъ опереться въ этомъ отношеніи на труды моихъ предшественниковъ по кафедрѣ, каковыми являются профессора: Д. Ф. Масловскій, А. З. Мышлаевскій и М. В. Алексѣевъ.

Будучи ученикомъ ихъ еще на школьной скамьѣ, усвоивъ ихъ методъ, я на кафедрѣ являюсь лишь ихъ послѣдователемъ и продолжателемъ, что, конечно, не исключаетъ того, что нѣкоторые вопросы „курса“ мною понимаются и освѣщаются нѣсколько иначе, вслѣдствіе чего и выводы мои не всегда

согласуются съ выводами высокочтимыхъ мною моихъ предшественниковъ.

Во всякомъ случаѣ считаю долгомъ еще разъ здѣсь указать, что, только благодаря работѣ по кафедрѣ Д. Ф. Масловскаго, А. З. Мышлаевскаго и М. В. Алексѣева, я могу составить настоящій курсъ.

Курсъ составленъ, за однимъ небольшимъ исключеніемъ, по программѣ, утвержденной конференціей Николаевской академіи генеральнаго штаба. Утверждая программу, конференція относительно курса исторіи русскаго военнаго искусства въ академіи высказала слѣдующее:

1) цѣлью курса должно служить:

а) изученіе прошлаго нашего военнаго искусства и дѣятельности нашихъ выдающихся полководцевъ.

б) Подтвержденіе всѣхъ основъ военнаго дѣла на дѣятельности нашихъ полководцевъ и нашихъ войскъ.

в) Подтвержденіе того, что нашъ историческій фондъ, въ связи съ нашими національными особенностями, представляетъ достаточно данныхъ, чтобы мы могли самостоятельно развивать русское военное искусство на вполне правильныхъ началахъ.

г) Утвержденіе уваженія къ нашему прошлому и развитіе на этой почвѣ политическаго самосознанія.

д) Болѣе близкое знакомство съ замѣчательными русскими дѣятелями на поприщѣ военнаго искусства и съ ихъ историческимъ значеніемъ.

е) Указаніе тѣхъ путей, по которымъ намъ слѣдуетъ идти, чтобы русское военное искусство развивалось бы самостоятельно и самобытно.

2) По объему курсъ долженъ обнимать собою время съ XVII столѣтія и по XIX вѣкъ включительно.

3) По характеру своему курсъ долженъ быть по возможности краткимъ, доступнымъ по изложенію, свободнымъ отъ спорныхъ мѣстъ, полемики и ненужныхъ подробностей, обзорнымъ главныхъ основъ предмета.

При составленіи настоящаго курса я и держался указанныхъ выше положеній, и уклонился отъ нихъ лишь въ томъ

отношеніи, что начинаю его не съ XVII столѣтія, а отъ начала нашего государства.

Включеніе въ курсъ обзора состоянія военнаго дѣла у насъ въ XVII вѣкѣ конференціей академіи обусловливалось тѣмъ соображеніемъ, что этотъ обзоръ подводилъ-бы слушателей къ сознательному отношенію къ реформамъ Петра Великаго. Но наше военное дѣло, какимъ оно было въ XVII столѣтіи, въ значительной своей части окончательно сложилось еще въ XVI столѣтіи, а основы получило даже гораздо ранѣе; съ другой стороны несомнѣнно, что обзоръ состоянія нашего военнаго искусства, съ первыхъ-же дней существованія Руси, для насъ, русскихъ, должно представлять собой значительный интересъ, сообщая этимъ свѣдѣніямъ полноту, систематичность и цѣльность, тѣмъ болѣе, что и въ самой свѣдой нашей старинѣ есть немало поучительнаго даже и для настоящаго времени.

Въ виду этого, а также въ виду тѣхъ цѣлей, ради которыхъ издается этотъ курсъ, я и считаю необходимымъ включить въ него краткія очерки состоянія нашего военнаго искусства съ самаго начала его зарожденія.

Весь курсъ мною будетъ издаваться отдѣльными выпусками, причѣмъ каждый выпускъ будетъ содержать въ себѣ опредѣленную эпоху.

Всего выпусковъ будетъ 9:

- 1) Отъ начала Руси до Петра Великаго.
- 2) Эпоха Петра Великаго.
- 3) Эпоха Минниха (царствованіе Императрицы Анны Ивановны).
- 4) Эпоха Императрицы Елизаветы.
- 5) Эпоха Императрицы Екатерины II.
- 6) Эпоха Императора Павла.
- 7) Эпоха Императора Александра I.
- 8) Эпоха Императора Николая I.
- 9) Эпоха Императора Александра II.

Изданіе всего курса рассчитываю закончить въ настоящемъ году.

А. Байковъ

Для составления настоящего выпуска „Курса“ были использованы следующие источники:

- 1) АФАНАСЬЕВЪ, В. Къ 350-лѣтнюю покореніи Казани 1552—1602 г. Подлинная о Казанскомъ походѣ запись Царственной книги 1552 г. и ея выписки Книжи Курбскаго о покореніи Казани. Москва. 1902 г.
- 2) ВАРСОВЪ: Къ пятистолѣтнюю Куликовской битвы 8 сентября 1800 г. Варшава 1880 г.
- 3) БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ, К. Русская исторія. Т. т. 1 и 2. СПб. 1872 г.
- 4) БОГДАНОВСКИЙ. Инженерно-историческій очеркъ осады Казани въ 1552 г. Инженерный журналъ 1896 г. №№ 8 и 9.
- 5) BRIX VON. Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderung.
- 6) БЪЛЯЕВЪ, И. О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Федоровича и послѣ него до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. Москва. 1846 г.
- 7) БЪЛЯЕВЪ, И. О сторожевой, стамичной и полевой службѣ на Польской Украинѣ Московскаго государства. Москва.
- 8) ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ Россійскаго государства. СПб. 1839 г.
- 9) РЕЙДЕНШТЕЙНЪ РЕЙНГОЛЬДЪ. Записки о Московскои войнѣ (1678—1692) СПб. 1899 г.
- 10) ГЕЙСМАНЪ. Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка (VI - XVIII). СПб. 1907 г.
- 11) ГЕЙСМАНЪ, П. А. Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902 г. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба до конца царствованія Императора Александра I включительно. СПб. 1902 г.
- 12) ГЕРБЕРШТЕЙНЪ, Сигизмундъ, баронъ. Записки о московскихъ дѣлахъ. Переводъ Малюха. СПб., 1908 г.
- 13) ГОЛИЦЫНЪ, Н. С. князь. Русская военная исторія. Ч. ч. I и II. СПб. 1877 г.
- 14) ГОЛОВИНЪ. Сказаніе о побойцѣ Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскаго. Москва. 1835 г.
- 15) ДЪЯКОНОВЪ, В. Власть московскихъ государей. СПб. 1899 г.
- 16) ЖОЛКЕВСКИЙ, гетманъ. Записки о Московскои войнѣ. СПб. 1871 г.
- 17) ИЛОВАЙСКИЙ, Д. Исторія Россіи. Т. т. 1, 2, 3 и 4. Москва. 1876, 1894, 1890, 1894 гг.
- 18) ИСТОРИЯ военнаго искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія Государя Алексея Михайловича. Военный Журналъ 1836 г. №№ 1, 3, 4.
- 19) ИСТОРИЯ о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія по двумъ стариннымъ спискамъ. СПб. 1791 г.

- 20) КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. т. 1—12. СПб. 1802 г.
- 21) КЛЮЧЕВСКІЙ, В. Куроръ русской исторіи. Т. т. 1 и 2. Москва, 1807 г.
- 22) КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Собраніе сочиненій. Т. т. 3, 4, 5, 6 и 18. СПб. 1903—1905 г.
- 23) КОТОШИХИНЪ, Григорій. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. СПб. 1884 г.
- 24) КУНЦЕНИЧЪ, Г. З. Исторія о Казанскомъ царствѣ или Казанскій лѣтописецъ. СПб. 1905 г.
- 25) ЛАСКОВСКІЙ, Ф. Материалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. I. СПб. 1858 г.
- 26) МАЙЕРВЕРТЪ, Путешествіе въ Московію барона Августа Мапперберга и Горациа Виллгельма Кальлунчъ къ царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу въ 1661 г. Москва. 1874 г.
- 27) МАЙКОВЪ, А. О Святыхъ московскихъ митрополитахъ, Петрѣ и Алексѣѣ, и о сланномъ Маматовѣ побойщѣ. СПб. 1869 г.
- 28) МАРЖЕРЕТЪ, Капитанъ. Состояніе Россійской державы и Великаго Княжества Московскаго. СПб. 1880 г.
- 29) МАСЛОВСКІЙ, Д. Ф. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I. СПб. 1891 г.
- 30) МАСЛОВСКІЙ, Д. Ф. Куликовская битва. Военный Сборникъ. 1891 г. № 8 и 9.
- 31) МЯСЛОВЪ, П. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. СПб. 1892 г.
- 32) МИХНЕВИЧЪ, И. П. Основы русскаго военнаго искусства. СПб. 1898 г.
- 33) МИХНЕВИЧЪ, И. П. Столѣтіе Военнаго Министерства. 1802—1902. Вооруженныя силы Россіи до царствованія Императора Александра I. СПб. 1902 г.
- 34) МИШЛАЕВСКІЙ, А. З. Офицерскій вопросъ въ XVII вѣкѣ. СПб. 1899 г.
- 35) НЕВОЛЬСИНЪ, Павелъ. О русскихъ солдатахъ и другихъ военныхъ чинахъ до Петра Великаго (Современникъ, 1869 г.)
- 36) ОПОЛЕНСКІЙ, Д. Д. князь. Куликово поле. Историческіи Вѣстникъ. 1903 г. № 9.
- 37) ОВРУЧЕВЪ, поручикъ. Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 г. СПб. 1855 г.
- 38) ОЛЕАРИЙ, Адамъ. Описание путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Переводъ А. М. Ловягина. СПб. 1906 г.
- 39) ПЛАТОНОВЪ, С. Ф. Лекціи по русской исторіи. СПб. 1900 г.
- 40) РЫЧКОВЪ, Петръ. Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ. СПб. 1767 г.
- 41) СИЛЬВАНСКІЙ, Н. П. Феодалнамъ въ древней Руси. СПб. 1907 г.
- 42) СНЕГИРЕВЪ, Древнее сказаніе о побѣдѣ Дмитрія Донскаго. Москва. 1829 г.
- 43) СОЛОВЬЕВЪ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. т. I—XI. СПб. Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.
- 44) СУХОТИНЪ, Н. Н. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Ч. IV, кн. I—II. СПб. 1898 г.
- 45) ТАТИЩЕВЪ, В. Н. Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Т. т. I—IV. 1768—1784 г.
- 46) ТРОФИМОВЪ, Вл. Походъ подъ Казань, ея осада и взятіе въ 1552 г. Казань. 1890 г.

- 47) УСПЕНСКИЙ, Гаврииль. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Ч. ч. 1 и 2. Харьковъ. 1818 г.
- 48) УСТЯЛОВЪ, Н. Исторія царствованія Петра Великаго. Т. I. СПб. 1858 г.
- 49) УСТЯЛОВЪ, Н. Славанія князя Курбскаго. СПб. 1868 г.
- 50) УЧЕНІЕ и ХИТРОСТЬ ратнаго строенія пѣхотныхъ людей 1647 г. СПб. 1904 г.
- 51) ФЛЕТЧЕРЪ. О государствѣ русскомъ. СПб. 1906 г.
- 52) ЦАРСТВЕННАЯ КНИГА, т. е. лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича отъ 7042 году до 7061 г. СПб. 1769 г.
- 53) ЧЕРТКОВЪ, А. Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 гг. Москва. 1843 г.

I. Отъ начала русскаго государства до половины XI вѣка.

Образованіе вооруженной силы.

Предки наши, восточные славяне, приблизительно къ началу II столѣтія до Р. X. обитая по среднему и нижнему Дунаю въ предѣлахъ Дакийскаго царства, около этого времени начали выдѣляться изъ сарматской массы и обособляться въ отдѣльное племя. Въ началѣ II вѣка славяне подъ гнетомъ римлянъ, разрушившихъ царство даковъ, вынуждены были покинуть свои дунайскія жилища и перекочевать къ сѣверу, въ Карпатскій край. Отсюда, начиная съ III вѣка, карпатскіе славяне постоянно вторгались за Дунай и разоряли Восточную Римскую Имперію. Для вторженія въ предѣлы Восточной Имперіи карпатскіе славяне образовывали вооруженныя ватаги или дружины, въ составъ которыхъ входили представители отъ разныхъ племенъ. Въ VI вѣкѣ нѣкоторыя изъ этихъ дружинъ соединяются въ большой военный союзъ.

Этотъ военный союзъ восточныхъ славянъ, по мнѣнію профессора Ключевского, и есть фактъ, который можно поставить въ самомъ началѣ нашей исторіи, начавшейся, слѣдовательно, въ VI вѣкѣ на склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ въ области обширнаго водораздѣла, откуда берутъ начало Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припечи и верхней Вислы.

И такъ, образованіе военного союза нѣкоторыми племенами восточныхъ славянъ для веденія наступательной борьбы предшествовало образованію нашего государства, послуживъ его началомъ.

Въ VII вѣкѣ авары и восточные славяне изъ Карпатскаго края двинулись на востокъ и сѣверо-востокъ въ такъ называемую русскую равнину. Движеніе это продолжалось въ теченіе VII и VIII вѣковъ.

Перекочевавъ въ русскую равнину, восточные славяне заняли мѣстность по теченію р. Днѣпра, по которой съ незапамятныхъ временъ велась оживленная торговля, начатая еще греками. Естественно, что восточные славяне, сѣвъ на Днѣпръ, скоро втянулись въ существовавшее здѣсь торговое движеніе.

Одновременно съ расселеніемъ восточныхъ славянъ по западной лѣвостой части русской равнины въ восточной степной, ея части

стала распространяться новая азиатская орда, хозары, которые въ VIII вѣкѣ покорили племена восточныхъ славянъ, жившія близко къ степямъ, а именно: подпнгъ, сѣверянъ и вятичей.

Вслѣдствіе характера хозарь подчиненіе имъ славянъ лишь способствовало расширенію ихъ торговли, открывъ для нея степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ.

Успѣхи восточной торговли славянъ, завязавшейся въ VIII вѣкѣ, привели къ возникновенію на Руси торговыхъ городовъ, какъ-то: Кіева, Переяславля, Чернигова, Смоленска, Любеча, Новгорода, Ростова, Полоцка, которые были расположены главнымъ образомъ по главному рѣчному пути изъ Варягъ въ Греки, т. е. по линіи Днѣпра—Волхова.

Города эти являлись торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Между тѣмъ, въ началѣ IX вѣка на востокѣ, въ тылу у хозарь, появились новыя орды печенѣговъ и слѣдовавшихъ за ними узовъ-торковъ.

Хозары, будучи народомъ по преимуществу торговымъ и вовсе не воинственнымъ, уже въ половинѣ IX вѣка оказались не въ силахъ противодѣйствовать натиску варваровъ, которые въ это время и прорвались черезъ хозарскія поселенія на западъ за Днѣпръ.

Такимъ образомъ, хозарская власть уже не была въ состояніи оберегать восточно-славянскихъ купцовъ на Востокѣ. Приходилось объ этомъ позаботиться самимъ, и вотъ главные торговые города восточныхъ славянъ берутъ на себя защиту своей торговли и торговыхъ путей. Съ этого времени они начали вооружаться, окружаться стѣнами, вводить у себя военное устройство, собирать ратныхъ людей. Такимъ образомъ, промышленные центры, склады товаровъ превращались въ укрѣпленные пункты, вооруженныя убѣжища, положивъ начало образованію вооруженныхъ силъ будущей Руси и послѣдующей Россіи.

Почти въ это же время, около половины IX вѣка, въ городахъ по Днѣпровью стали появляться заморскіе пришельцы съ Балтійскаго моря, изъ Скандинавіи, которые получили здѣсь названіе варяговъ.

Эти варяги представляли собой преимущественно вооруженныхъ купцовъ, стремящихся пробраться въ богатую Візантію; но значительная часть ихъ задерживалась въ большихъ торговыхъ городахъ восточныхъ славянъ и здѣсь они входили въ составъ существовавшего тамъ класса вооруженныхъ купцовъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ городахъ образовался изъ туземцевъ и пришельцевъ военно-промышленный классъ, представляющій достаточно вооруженную силу.

Воспользовавшись этимъ, города не только перестали платить дань, сдѣлались независимыми отъ хозарь сами, но и подчинили себя вполнѣ свои торговые округа, которые вмѣщали въ себя одно или нѣсколько восточно-славянскихъ племенъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ городовъ варяги, скапливаясь въ очень значительномъ количествѣ, съ роли торговыхъ товарищей туземцевъ и наемныхъ охранителей торговыхъ путей переходили въ роль владельцев; вожди-же варяговъ при этомъ становились военными начальниками занятыхъ ими городовъ. Такіе вожди стали называться князьями и витязями.

Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ вооруженныхъ городовъ со своими областями попали въ руки заморскихъ пришельцевъ и превращались во владѣнія варяжскихъ князей.

Такихъ варяжскихъ княжествъ въ области, занимаемой восточными славянами въ IX вѣкѣ, было уже нѣсколько: княжество Рюрика въ Новгородѣ, Синевосо—до Бѣломъ озеръ, Труворово—въ Изборскѣ, Аскольдово—въ Кіевѣ.

Изъ всѣхъ городовъ восточныхъ славянъ, благодаря своему географическому положенію, наибольшее значеніе имѣлъ Кіевъ.

Кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ главныхъ воротъ русской торговли и ключъ обороны всей страны отъ вѣнскихъ покушеній. Отсюда, съ одной стороны, стремленіе всѣхъ варяжскихъ князей, появившихся на сѣверѣ, владѣть Кіевомъ, а съ другой стороны,—стремленіе самого Кіева не оставаться лишь въ роли главнаго города одного изъ мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ: будучи важнѣе въ экономическомъ и военномъ отношеніяхъ для всѣхъ восточныхъ славянъ (русскихъ), Кіевъ неминуемо долженъ былъ стать и центромъ политическаго объединенія этихъ народовъ.

Уже первые Кіевскіе князья это понимали и потому наряду съ ихъ дѣятельностью по охранѣ вѣнскій безопасности своего княжества они стремятся къ подчиненію сосѣднихъ племенъ, къ расширенію своихъ владѣній.

Овладевая понемногу сосѣдними землями, Кіевскіе князья въ подчинявшихся имъ городовыхъ областяхъ по городамъ сажали своихъ намѣстниковъ, посадниковъ, которыми были или ихъ сыновья и родственники или особо выбранныя лица.

Намѣстники эти по существу были такіе-же князья, какъ и князь Кіевскій, но послѣдній считался старшимъ между ними и назывался Великимъ княземъ русскимъ, и всѣ подвластныя ему племена и земли—Великимъ Кіевскимъ княжествомъ или Русскимъ государствомъ, которое около половины XI вѣка было довольно обширно и населено весьма пестрымъ населеніемъ.

Владѣя Киевомъ, подчиняя себя племена восточныхъ славянъ, ставя ихъ въ экономическую зависимость отъ себя, сближая вообще ихъ интересы со своими, Великіе князья Киевскіе этимъ самымъ брали на себя обязательство всецѣло заботиться объ охранѣ торговыхъ путей къ заморскимъ рынкамъ, объ оборонѣ предѣловъ подвластныхъ имъ земель отъ вѣщнихъ нападений и, наконецъ, о приобрѣтеніи новыхъ заморскихъ рынковъ, что въ результатѣ привело къ желанію покореніемъ Византіи овладѣть выходомъ изъ Чернаго моря въ Средиземное.

Стремленіе варяжскихъ князей завладѣть Киевомъ вызывало вооруженныя нападенія на него. Стремленіе варяжскихъ князей, овладѣвшихъ Киевомъ, удержать его за собой, а въслѣдствіи, пользуясь его положеніемъ, сдѣлать центромъ обширнаго государства подъ своей властью, вызывало столкновенія съ сосѣдними племенами. Стремленіе Киевскихъ князей, сначала мѣстныхъ, а потомъ и—Великихъ, обезпечить Киевское княжество, а въслѣдствіи и Великое Киевское княжество отъ нападеній различныхъ степныхъ кочевниковъ вызывало борьбу съ этими кочевниками. Наконецъ, стремленіе Киевскихъ князей сначала прочно установить торговыя сношенія съ Византіей, а затѣмъ и покорить ее—вызывало походы на Царь-градъ.

Для проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ стремленій Киевскихъ князей, очевидно, требовалось имѣть хоть какъ-нибудь организованную вооруженную силу и умѣнье пользоваться этою силой для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Составъ вооруженныхъ силъ.

Несомнѣнно, что уже у варяжскихъ князей, пришедшихъ съ сѣвера въ русскую равнину въ половинѣ IX вѣка, была такая военная сила, которою служили приводимые князьями съ сѣвера отряды вооруженныхъ людей. Отряды эти назывались дружинами и естественно въ первое время набиралась исключительно изъ народа, которому принадлежали самѣ князья, т. е. изъ варяговъ. Съ теченіемъ времени въ составъ дружины мало по малу стали входить славяне, и къ концу X и особенно къ половинѣ XI вѣка дружины были преимущественно славянскія.

Дружина дѣлилась на высшую и низшую. Высшая состояла изъ княжихъ мужей или бояръ, низшая—изъ дѣтей ихъ и отроковъ, и сначала носила названіе гридь или гридба, а въслѣдствіи—дворъ или слуги.

Взаимоотношенія дружины и князей складывались слѣдующимъ образомъ: служба князю орудіемъ управленія и защиты земли, старшая дружина, бояре, составляла думу князя, его, такъ сказать, государ-

ственный советъ. Обязанные князю определенной службой, за что получали отъ князя полное содержаніе, всѣ члены дружины во всемъ остальномъ пользовались полной свободой.

Дружина представляла собой военный классъ, который занимался исключительно войной и торговлей, но не былъ совершенно, по крайней мѣрѣ, до конца XI вѣка, землевладельческимъ классомъ.

Всѣ предпріятія, не требовавшія особаго напряженія силъ, исполнялись при помощи дружины, которая всегда находилась въ готовности и въ распоряженіи князя.

Но наряду съ дружиной въ древней Руси существовало еще земское городское войско, вои, которое являлось какъ результатъ военного устройства торговыхъ городовъ. Въ составъ этого войска входили всѣ горожане, способные носить оружіе, за исключеніемъ самаго младшаго изъ взрослыхъ сыновей въ каждой семьѣ. Сельскіе жители привлекались въ составъ войска весьма рѣдко и всегда въ крайне ограниченномъ числѣ.

Земско-городское войско (вои) созывалось въ случаѣ трудныхъ предпріятіи, крупныхъ операцій, для выполнения которыхъ княжеская дружина была недостаточна. Вопросъ о созывѣ земско-городского войска и о количествѣ его рѣшался вѣчемъ, причѣмъ при несогласіи посѣдняго въ войнѣ участвовали только охотники изъ народа по вызову князя.

По окончаніи предпріятія, ради котораго созывалось вои, они распускались по домамъ.

При совѣстныхъ дѣйствіяхъ дружины и земско-городского войска то и другое называлось общимъ именемъ „вои“.

Кромѣ дружины и воевъ, которые по существу составляли національное русское войско, въ составъ вооруженныхъ силъ Кіевскихъ князей входили также наемники изъ кочевыхъ восточныхъ племенъ: венгровъ, печенѣговъ, позже—половцевъ и т. д.

Въ разсматриваемый періодъ главнымъ родомъ войскъ у русскихъ была пѣхота; лишь отдѣльные лица, какъ-то: самі князья, бояре, знатные и богатые люди, сражались верхомъ. Это объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ варяговъ, необходимостью въ передвиженіяхъ въ значительной степени водными путями, а отчасти дороговизной и трудностью содержанія въ то время коннаго войска. До Святослава, т. е. до половины X вѣка, въ составѣ русскихъ войскъ если и встрѣчается конница, то почти исключительно наемная и притомъ не высокаго качества.

Лишь съ конца X вѣка, уже при Владимірѣ Святославичѣ, вслѣдствіе безпрестанныхъ столкновеній русскихъ съ ихъ степными сосѣдями—ирусами, тюркскими племенами и венграми, сражавшимися на коняхъ, число конницы стало увеличиваться.

Вооруженіе войскъ.

Вооруженіе уже первыхъ русскихъ войскъ рѣзко дѣлилось на два рода: для рукопашнаго боя, какъ-то: копьа, мечи, сѣкиры, топоры, ножи, и для метательнаго боя — луки со стрѣлами.

Въ соответствии съ этимъ, и пѣхота раздѣлялась на лучниковъ или стрѣлковъ и копейщиковъ.

Кромѣ того, имѣлось оборонительное вооруженіе, состоявшее изъ кольчужной брѣни, остроконечныхъ шлемовъ съ кольчужными сѣтками, опускавшимися на лицо и плечи, и большихъ, часто во весь ростъ, деревянныхъ щитовъ.

Въ общемъ, въ этотъ періодъ вооруженіе русскихъ войскъ было довольно простое, малосложное и необременительное: мечъ, копье, лукъ со стрѣлами и щитъ составляли главные виды вооруженія, — однако, отдѣльные предметы его были чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ достатка каждаго воина: простые, болѣе бѣдные воины имѣли и оружіе, болѣе бѣдное, простое и худшаго качества; знатные и богатые люди были вооружены богаче, сложнее и лучше.

Тяжелое оружіе и вооруженіе обыкновенно хранилось въ княжескихъ складахъ и передъ выступленіемъ въ походъ выдавалось воинамъ. Иногда это оружіе доставлялось средствами князя прямо на сборное мѣсто, а иногда для облегченія его везли за воюющими до встрѣчи съ непріятелемъ на подводахъ или сплавляли по рѣкамъ на судахъ. По окончаніи похода оружіе снова отбиралось и складывалось въ особые склады.

Въ первое время появленія у русскихъ конницы князья, какъ оружіе, раздавали такъ-же и лошадей изъ собственныхъ табуновъ.

Устройство войска.

Относительно административнаго устройства русскаго войска съ достовѣрностью можно только сказать, что соединеніе воиновъ одной области или одного города обыкновенно называлось дружиной, а соединеніе нѣсколькихъ дружинъ — ратью, иногда — полками. Дружины, рати и полки носили названія своихъ областей или городовъ. Командный составъ въ общемъ былъ не многослоенъ и не обширенъ, но тѣсно соединенъ съ іерархіей дворцовой и гражданской, а потому и отличался неопредѣленностью. Во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ стоялъ Великій князь, подъ нимъ мѣстные князья, воеводы, тысяцкіе головы, сотники и десятники.

Простые воины назывались ратниками.

Численность войскъ.

Количество войскъ у первыхъ русскихъ князей опредѣлить очень трудно; дружины, повидимому, были не многочисленны, а о войскахъ въ летописяхъ говорится только „вой многи“. Очевидно, что въ различныхъ случаяхъ у Великаго князя собиралось воиновъ разное количество въ зависимости отъ цѣли похода и отъ силъ противника.

Во всякомъ случаѣ съ полной увѣренностью можно сказать, что рати нашихъ первыхъ князей не превосходили 50-60000, а обыкновенно бывали гораздо меньше. Такъ, у Аскольда при его походѣ въ Византію было всего 8000 чел., у Олега и Игоря—значительно больше, у Святослава—своихъ только 10000, но зато наемныхъ печенговъ, печенгивовъ и другихъ—отъ 40 до 50000, у Ярослава—уже въ IX вѣкѣ противъ Болеслава Храбраго—отъ 50 до 60000.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

Строй и образъ дѣйствій войскъ въ различныхъ видахъ полевой службы и въ бою были слѣдующіе:

Войска, предназначенныя въ походъ, собирались къ заранее назначенному сборному пункту. Отсюда шли въ походъ, повидимому, все вмѣстѣ, такъ сказать, одной колонной. Для охраненія движенія впередъ выставлялись особые отряды, которые назывались сторожами или передовой стражей. На обязанности этихъ сторожей, кромѣ охраненія главныхъ силъ рати, лежало еще развѣдываніе о дорогахъ, о неприятелѣ и добываніе изысковъ. За колонной главныхъ силъ слѣдовали обозы съ продовольствіемъ и съ другимъ имуществомъ. Обозы эти вообще были довольно многочисленныя; только у Святослава обозовъ почти совсѣмъ не было.

На почлегѣ войска располагались станомъ, окруживъ себя повозками или тыномъ, и нерѣдко окапывались. Для обезпеченія стана (бивака) иблизн отъ неприятеля выставлялись стражи, дозоры и принимались другія предосторожности.

Въ бою войска сражались пѣшкомъ и притомъ преимущественно въ глубокихъ колоннахъ, дѣйствуя холоднымъ оружіемъ; лишь весьма незначительная часть сражалась въ разсыпномъ строю, дѣйствуя метательнымъ оружіемъ.

Боевой порядокъ русской рати состоялъ изъ трехъ частей: цѣнтры, гдѣ ставился большой полкъ или чело, и двухъ крыльевъ. Большой полкъ составлялся изъ наемниковъ или собственно воиновъ, крылья же изъ дружины. Такимъ образомъ, лучшія войска располагались на флангахъ. Они-то и предназначались для рѣшительнаго удара.

Передъ началомъ боя до Святослава иногда происходило единоборство храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ воиновъ. При Святославѣ этотъ обычай былъ уже оставленъ. Общій бой начинался по приказу князя: первый ударъ производился конями, а затѣмъ рубили мечами причесть порѣдко бойъ былъ крайне ожесточеннымъ и кровопролитнымъ. При такихъ условіяхъ побѣду рѣшали преимущественно числомъ преемуществомъ, физическая сила, ловкость владѣнія оружіемъ и особопно-мужество и храбрость. Но иногда въ бой прибѣгали къ хитростямъ, окруженію противника, заманчивымъ притворнымъ отступленіемъ, вообще говоря, — къ маневрированію, а также къ засадамъ. Для того и другого обыкновенно пользовались крыльями боевго порядка.

Выигравъ бой, побѣдители, по большей части нѣсколько дней оставались на полѣ сраженія, на коихъ-то дѣлать жестокія и правдо-ванія. Въ рѣдкихъ случаяхъ побѣдители преслѣдовали разбитого непріятеля всеми силами до послѣдней крайности.

Необходимость оборонять предѣлы Руси отъ разнородныхъ степныхъ кочевниковъ заставляла князей строить по границѣ укрѣпленные пункты. Уже Олегъ строилъ ихъ вокругъ Кіева. Съ теченіемъ времени, послѣдствіе усиливавшагося напора варваровъ, дѣятельности по-укрѣпленію границъ все болѣе и болѣе развивалась. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми иди, какъ говорить лѣтописецъ, «службами лучшими», набравшимися изъ равнинныхъ какъ славянскихъ, такъ и финскихъ племенъ.

Эти укрѣпленные пункты, — городки или крѣпости, состояли изъ деревянныхъ стѣнъ изъ толстаго лѣса со рвами и валами впереди. Съ теченіемъ времени укрѣпленные мѣста соединялись земляными валами и лѣсными заставками, образуя вдоль границъ укрѣпленную линію.

Враги города русскія войска преимущественно приступомъ, или внезапнымъ нападеніемъ, а иногда хитростью. Если-же городъ былъ слишкомъ сильно укрѣпленъ и хорошо обороняемъ, то его облагали и голодомъ принуждали къ сдачѣ. Съ осаднымъ искусствомъ русскіе въ то время не были знакомы.

Нравственный элементъ въ русскихъ войскахъ.

Что касается нравственнаго элемента русскихъ войскъ въ первые вѣка существованія Россіи, то въ этомъ отношеніи ихъ можно раздѣлить на двѣ части: дружина въ высшей степени обладала воинскими доблестями, какъ-то: мужествомъ и храбростью, твердостью и терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ, лишеній и опасности, суровостью въ образѣ жизни, вѣрностью и преданностью своимъ князьямъ и началь-

никамъ. Земское войско (вои) и наемныя войска нѣми перечисленными качествами обладали въ значительно меньшей степени.

Подчиняясь духу времени и общему въ то время обычаю, русскія войска разсматриваемой эпохи вели войну съ жестокостью, грабл жителями и опустошая край.

Походы Святослава.

Что касается умѣнья первыхъ Киевскихъ князей изъ варяговъ пользоваться бывшею у нихъ въ распоряженіи вооруженной силой, то оно стояло на довольно высокой степени развитія.

Изъ походовъ первыхъ Киевскихъ князей особенно интересно остановиться на походахъ Святослава.

Въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ своего княженія Святославъ ведетъ побѣдоносныя войны съ народами, живущими по Дону, Волгѣ, Кубани, и при Каспійскомъ морѣ. Послѣ этого въ 967 г. онъ, *) по просьбѣ греческаго Императора Никифора, угрожаемаго съ сѣвера болгарами и съ юга—арабами, спустившись по Днѣпру и поднявшись по Дунаю, идетъ къ нему на помощь, разбиваетъ болгарское войско, овладѣваетъ главными пунктами (Доростоль—нынѣшняя Силистрія и Переяславль) и покораивъ всю страну. Утвердившись въ долинахъ Дуная и правильно оцѣнивъ значеніе Болгаріи какъ по ея географическому положенію (близость къ Византіи), такъ и по богатству ея средствъ, необходимыхъ для борьбы съ Греческою Имперіей, Святославъ рѣшаетъ перенести свою столицу на берега Дуная, основавъ здѣсь базу (основаніе дѣйстви) для операцій противъ Царьграда.

Исполнивъ это, Святославъ предпринимаетъ набѣги съ завоевательной цѣлью къ югу отъ Балканъ, и въ 970 г. овладѣваетъ Филиппополемъ и подступаетъ къ Адрианополю.

Однако, на этомъ останавливается успѣхъ Святослава. 80-тысячная его рать, преимущественно пѣшая и составленная главнымъ образомъ изъ наемныхъ болгаръ, венгровъ и печенѣговъ, т. е. слабая числомъ и качествомъ, была внезапно атакована греками, сознавшими опасность, представляемую Святославомъ для Византіи, и послѣ пораженія вынуждена была отступить въ Балканы. Только наличность заранее подготовленной базы на Дунаѣ позволяетъ Святославу сохранить еще настолько грозное положеніе, что греки, не смотря на свой успѣхъ, признали необходимымъ вступить въ переговоры о мирѣ.

*) См. Схему № 1-а.

Миръ былъ заключенъ, военныя дѣйствія прекратились, и въ 972 г. рать Святослава занимаетъ нѣсколько пунктовъ въ Болгаріи, оставляя незащитными проходы черезъ Балканы.

Однако, положение даже разбитаго Святослава было настолько опасно для Византии, что Императоръ Іоаннъ Цимисхій, пользуясь неготовностью русскихъ и незащитомъ ими Балканскихъ проходовъ, вторгается въ Болгарію съ дѣлюю разъ навсегда покончить съ ними.

Святославъ, застигнутый врасплохъ, спѣшно сосредоточиваетъ свой отряды къ Доростолу, въ 17 верстахъ къ югу отъ котораго 23-го апрѣля даетъ бой. Бой этотъ окончился для него неудачей: подавленный численно превосходящимъ врагомъ, обладающимъ массою хорошей греческой конницы, Святославъ вынужденъ былъ отступить и запереться въ городѣ.

Греки облегли Доростолъ со всѣхъ сторонъ и приступили къ осадѣ.

Святославъ велъ обороу города въ высшей степени активно: обезпечивъ городъ отъ нечаяннаго нападенія глубокимъ ровомъ, онъ постоянно производилъ частныя вылазки, которыя, съ одной стороны, пренятствовали осаднымъ работамъ противника, а съ другой стороны — снабжая защитниковъ продовольствіемъ, позволяли имъ упорно держаться въ осажденномъ городѣ.

Тѣмъ не менѣе, однако, не смотря на стойкость и энергію обороны, она становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяжелой: добываніе продовольствія посредствомъ вылазокъ съ теченіемъ времени становилось затруднительнымъ, а сообщеніе съ Русью было прервано греческимъ флотомъ, убыль въ населеніи и въ войскѣ отъ голода и бойзни все увеличивалась, осадныя машины грековъ производили все большее и большее разрушеніе.

При такихъ обстоятельствахъ Святославъ рѣшается на отчаянный бой.

Прежде, чѣмъ выйти изъ города, онъ обращается къ своимъ воинамъ со слѣдующими словами обоудшевленія:

„Выбирать намъ не изъ чего: волеи-неволеи мы должны драться. Не посрамимъ-же земли русской и ляжемъ костями — мертвые срама не имѣютъ. Если-же побѣдимъ, то будетъ намъ стыдно. Не будемъ-же бѣжать, но станемъ крѣпко; я поведу васъ. Если-же я погибну, то вы сами о себѣ заботьтесь“.

На эти слова Святослава воины его отвѣчали: „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ“.

Послѣ этого 24-го іюля Святославъ вывелъ свою рать изъ города и приказалъ запереть всѣ ворота, отнявъ такимъ образомъ у малодушныхъ возможность къ отступленію.

Пользуясь пересыщенной мѣстностью*), которая была удобна для дѣйствій его многочисленной пѣхоты и стѣннала дѣйствія греко-славянской коицины, Святославъ сначала наноситъ грекамъ весьма удачный ударъ, но затѣмъ греки, оттянувъ Святослава отъ крѣпости, выслали для дѣйствій ему во флангъ и тылъ значительный отрядъ. Заключивъ ожесточенный бой, въ которомъ погнбло много русскихъ и самъ Святославъ былъ рапень. Везультатомъ этого боя было отступленіе Святослава въ Доростоль и необходимость для него просить мира. По условіямъ заключеннаго мира русская рать оставила Болгарію, отказавшись отъ завоеваній, и, снабженная продовольствіемъ отъ грековъ, отошла на ладьяхъ къ Днѣпру.

Такимъ образомъ, походъ Святослава окончился неудачно. Однако, это не отнимаетъ у него поучительности и не можетъ умалить военнаго искусства Святослава. Въ этомъ походѣ Святослава, какъ и въ походахъ его предшественниковъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе важность цѣли, обуславливаемой существенными интересами народа, — завоеваніе Византіи, какъ обладательницы выхода изъ Чернаго въ Средиземное море. Далѣе, имѣя конечной цѣлью овладѣніе Византіей, Святославъ удачно пользуется обстоятельствами (приглашеніе Императора Никифора), а устройствомъ промежуточныхъ базъ на Дунаѣ и за Балканами искусно подготавливаетъ себѣ благоприятную обстановку для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Во время операціи Святославъ ведетъ крайне энергично и даже, вынужденный обстоятельствами къ оборонѣ, ведетъ ее чрезвычайно активно. Въ критическую-же минуту, отвергая всѣ малодушныя предложенія, Святославъ прибѣгаетъ къ рѣшительному средству, бою, который, ведетъ съ крайнимъ напряженіемъ. Передъ боемъ Святославъ не упускаетъ изъ вида нравственную подготовку, умѣло затрагивая сердечныя струны своихъ воиновъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣтить и отрицательныя стороны въ боевой дѣятельности Святослава: во 1-хъ, онъ недостаточно оцѣнилъ безопасность своего операціоннаго пути, вследствие чего недостаточно обезпечилъ его, отчего противникъ и имѣлъ возможность въ критическую минуту перервать его. Во 2-хъ, Святославъ не оцѣнилъ несоотвѣтствія поставленной себѣ задачи съ имѣющимися у него средствами. Это и повлекло за собой необходимость пополнить свою рать столь ненадежнымъ элементомъ, какъ болгары, венгры и печенѣги, которые, собственно говоря, представляли собою дикія полчища, способныя скорѣе къ разбойничьей воинѣ. Очевидно, для Руси того времени борьба съ греками была еще не поцъ силу: Русь еще не была готова къ этому. Святославъ не сумѣлъ

*) См. Схему № 2-й.

это одвѣтить. Въ 8-хъ, Святославъ крайне неосмотрительно, послѣ первой неудачи, оставляетъ незащитными проходы черезъ Балканы и даетъ себя захватить врасплохъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что наряду съ тѣмъ, что уже въ самыхъ раннихъ проявленіяхъ военной дѣятельности нашихъ первыхъ князей сказываются особенности искусства, въ дѣйствіяхъ первыхъ русскихъ ратей выказываются полностью національныя черты: энергія, упорство, активность (даже въ оборонѣ), преданность къ князю, любовь къ родинѣ, ревнивое отношеніе къ ея чести и къ своему достоинству.

Заключеніе объ эпохѣ.

Въ общемъ, относительно военнаго искусства русскихъ въ первый періодъ существованія ихъ государства можно сказать, что оно въ своей основѣ имѣло здравыя начала, вытекающія изъ природы войны и различныхъ боевыхъ элементовъ, что оно было до крайности просто какъ въ своей идейной, такъ и въ формальной частяхъ, и, наконецъ, что оно, находясь, по извѣстнымъ причинамъ, подъ вліяніемъ военнаго искусства варяговъ, въ то-же время отличалось яркими національными особенностями, которыя съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія военнаго искусства въ Россіи, выдвигались на первый планъ все болѣе и болѣе, направляя весь ходъ развитія военнаго искусства иначе, чѣмъ это было на западѣ.

II. Съ половины XI вѣка до половины XIII вѣка.

Общая условія, вліяющія на развитіе военнаго искусства въ Россіи.

Въ половинѣ XI вѣка окончательно сформировалось Великое княжество Киевское и въ соответствии съ этимъ Великіе князья русскіе къ этому времени вполне сознали кругъ своихъ обязанностей и опредѣлили ясно свои стремленія какъ лицъ, стоявшихъ во главѣ вполне уже опредѣлившагося политическаго организма.

Слѣдствіемъ наложеннаго и явилась на Руси организованная указаннымъ выше образомъ вооруженная сила.

Съ половины XI вѣка въ жизни Руси стала играть роль новый факторъ, который до нѣкоторой степени вліялъ на политическое устройство русскаго государства, что тотчасъ же отразилось и на организации вооруженной силы Великаго княжества Киевскаго. Факторъ, игравшій такую роль, — это порядокъ княжескаго владѣнія русскою землею, установившійся послѣ Ярослава Мудраго.

Порядокъ этотъ, названный профессоромъ Ключевскимъ очереднымъ, заключался въ томъ, что съ каждой переменою въ наличномъ составѣ княжеской семьи шло передвиженіе по нѣвѣстной очереди оставшихся князей изъ одной волости въ другую, съ младшаго стола на старшій.

Старшимъ столомъ считался Киевскій, который поэтому и долженъ былъ занимать старшій членъ во всемъ княжескомъ родѣ съ титуломъ Великаго князя. Являясь старшимъ, онъ распределялъ владѣнія между младшими родичами, разбиралъ ихъ споры и судилъ ихъ, заботился объ ихъ осиротѣвшихъ семьяхъ и былъ такимъ образомъ руководителемъ и высшимъ попечителемъ всей русской земли.

Такое положеніе Великаго князя Киевскаго, въ связи съ тѣмъ, что, согласно очередному порядку, каждый членъ княжескаго рода при извѣстныхъ условіяхъ могъ достигать старшинства и получить старшій столъ, Киевскій, приводило къ тому, что вся русская земля во всей ея совокупности считалась принадлежащей всему княжескому роду.

Съ другой стороны, очередной порядокъ владѣнія, захватывая всѣ части русской земли, устанавливалъ у нихъ общность интересовъ, чувствъ, заботъ и стремленій; слѣдствиемъ же этого являлось то, что русская земля не дѣлилась на части, обособленные другъ отъ друга, а представляла собой нѣчто цѣлое, единое, если и не съ точки зрѣнія государственности, чему мѣшали многія обстоятельства, то, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія народности.

Очередной порядокъ княжескаго владѣнія съ указанными выше слѣдствіями оказывалъ сильное вліяніе на устройство вооруженной силы на Руси. Заставляя князей постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, онъ дѣлалъ столь же подвижной и княжескую дружину, которая при передвиженіи князя или слѣдовала за нимъ, покидая прежнюю волость, или покидала князя, оставаясь въ прежней волости. Единство княжескаго рода позволяло дружиннику переходить отъ князя къ князю, а единство земли — изъ области въ область, дѣлая такой переходъ вполне нормальнымъ и естественнымъ и не дѣлая переходящаго ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ измѣнникомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этой подвижности, старшіе дружинники, бояре, занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ и черезъ это приобретать прочное мѣстное политическое значеніе въ извѣстной области.

Кромѣ того, благодаря этой подвижности, у дружинниковъ туго развивалось землевладѣніе, вслѣдствіе чего они для полученія доходовъ должны были принимать участіе въ торговыхъ оборотахъ и получать отъ своихъ князей денежное жалованье.

Такимъ образомъ, очередной порядокъ владѣнія князей не измѣнилъ старня взаимотношенія между определеннымъ княземъ и его дружинниками, но въ то же время установилъ право дружинниковъ мѣнять князей.

При первыхъ поколѣніяхъ Ярославичей примѣненіе очереднаго порядка, не вызвало никакихъ недоразумѣній, но съ теченіемъ времени, когда кругъ княжескихъ родичей расширялся, а отношенія родства усложнялись и запутывались, примѣненія основаній очереднаго порядка вызвали споры между князьями.

Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ определенія относительнаго старшинства князей, на которомъ основывалась очередь владѣнія.

Неумѣніе выработать способъ точно определять старшинство вызвало къ дѣйствию условія, которыя мѣшали мирному примѣненію очереднаго порядка владѣнія. Къ главнѣйшимъ изъ такихъ условій относятся: во 1-хъ, стремленіе приобрести старшинство силой вопреки естественнымъ основаніямъ и во 2-хъ, стараніе членовъ княжескаго

рода раздѣлится по волостямъ не по генеалогическому старшинству, а въ тѣхъ, гдѣ сидѣли ихъ отцы и которыми они, такимъ образомъ, владѣли не по очереди старшинства, а по наследству.

Оба же эти условія, въ свою очередь, приводили во 1-хъ, къ тому, что, по мѣрѣ разнѣженія князей, отдѣльныя линіи княжескаго рода все далѣе расходились другъ съ другомъ, отчуждались одна отъ другой; во 2-хъ, къ тому, что одновременно съ распаденіемъ княжескаго рода на мѣстныя линіи и русская земля распалась на обособленныя другъ отъ друга общины: естественнымъ же слѣдствіемъ всего этого явилось ослабленіе родственныхъ чувствъ между членами княжескаго рода, что во многомъ способствовало возникновенію и развитію между князьями усобицъ.

Эти междоусобицы князей, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разрастающіяся, требовали, чтобы каждый князь обладалъ достаточной вооруженной силой, вполне ему преданной. Это же неминуемо влекло за собой прежде всего раздробленіе русской вооруженной силы. Затѣмъ необходимость каждому князю имѣть свое сильное войско заставила ихъ принять мѣры къ тому, чтобы ограничить переходъ дружинниковъ отъ одного князя къ другому, чему такъ способствовали основанія очереднаго порядка. Для этого необходимо было изыскать средства сдѣлать такой переходъ невыгоднымъ, такъ или иначе прикрѣпить дружинниковъ къ себѣ. Такимъ средствомъ являлась земля, и князья для достиженія указанныхъ цѣлей раздають дружинникамъ землю въ помѣстья, взаменъ чего берутъ съ нихъ обязательства не переходить на службу къ другимъ князьямъ. Такимъ образомъ, получаетъ начало сильно развившаяся съ теченіемъ времени помѣстная система, положившая надолго особый отпечатокъ на устройство нашихъ вооруженныхъ силъ.

Но прикрѣпленіе дружинниковъ къ землѣ имѣло и неблагоприятныя слѣдствія: дружинники, съѣвъ на землѣ, проникались хозяйственными интересами, неохотно отрывались отъ земли, постепенно теряли характеръ специально военнаго сословія и мало по малу теряли свои боевыя качества. Впрочемъ, этотъ процессъ идетъ очень и очень медленно.

Другимъ неблагоприятнымъ слѣдствіемъ очереднаго порядка являлся упадокъ авторитета князя. Частыя перемѣны князя и сопровождавшіе эти перемѣны споры приводили къ тому, что областное населеніе вскорѣ перестало видѣть въ князѣ усидчивую мѣстную силу, около которой можно было бы сосредоточиться. Впрочемъ естественно, что, не имѣя такой силы въ лицѣ князя, для обезпеченія своихъ интересовъ населеніе стало искать эту силу и нашло ее въ главныхъ городахъ, которые уже издавна играли роль центровъ сосредоточія. Это еще болѣе подняло значеніе городовъ и имѣетъ

съ ними, въ противозъсь прежней правительственной власти, и городского населения, которое образовывало вѣча. И князья должны были считаться съ этой силой, уже вполне окрѣпнувшей въ концѣ XI вѣка, входить съ ней въ сдѣлки и заключать съ нею политическіе договоры „ряды“. Эти договоры влекли за собой ограниченіе власти вѣстныхъ князей вѣчами волостныхъ городовъ.

Составъ вооруженныхъ силъ.

Слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что князья уже не могли безошибочно рассчитывать на получение съ городовъ необходимаго количества „воевъ“, ратниковъ, и такимъ образомъ, хотя земское войско и продолжаетъ существовать на прежнихъ началахъ, но князья не могутъ включить ихъ въ каждую данную минуту въ желаеомъ количествѣ въ свою рать. Между тѣмъ, необходимость обезпечивать внѣшнюю безопасность своихъ волостей отъ кочевыхъ народовъ юга и востока, а съ другой стороны, постоянная междоусобная борьба требовали именно теперь имѣть значительныя вооруженныя силы. При такихъ обстоятельствахъ князьямъ оставалось только одно: обращаться къ наемникамъ, которыхъ съ этого времени въ ратахъ князей встрѣчается все больше и больше.

Наемники набирались главнымъ образомъ изъ печенѣговъ, половцевъ, торковъ, берендѣевъ и другихъ кочевниковъ тюркскихъ племенъ, кочевавшихъ въ низовьяхъ Днѣпра и Дона. Впрочемъ, часть наемниковъ была изъ венгровъ и поляковъ.

Большое число наемниковъ не могло, конечно, не отразиться на составѣ вооруженной силы того времени, на ея вооруженіи и способѣ дѣйствій.

Въ составѣ войскъ начинаетъ понемногу возрастать численность и значеніе конницы, и къ срединѣ XIII вѣка конница составляла уже значительную часть нашихъ войскъ.

Вооруженіе.

На вооруженіи вліяніе наемниковъ сказалось въ томъ, что въ числѣ оружія у русскихъ войскъ появляются кривыя сабли и кинжалы, которые вскорѣ становятся непримѣнимымъ оружіемъ каждаго коннаго воина; прежніе же большіе и прямые мечи остались преимущественно оружіемъ пѣхоты; что же касается копья и лука, то ими были вооружены какъ пѣхота, такъ и конница, но не вся, а часть. Относительно способа дѣйствій можно сказать, что русскія войска въ это

время стали все больше и больше сражаться въ конномъ строю, дѣйствуя какъ метательнымъ, такъ и рукопашнымъ оружіемъ, причѣмъ дѣйствіи метательнымъ оружіемъ принимаютъ все большіе и большіе размѣры. Въ остальномъ же способъ дѣйствій оставался прежній. Что же касается характера дѣйствій, то война, будучи естественными къ наступательному образу дѣйствій, въ то-же время вынужденна обстоятельствомъ оборонѣ, вели ее съ крайнимъ упрямствомъ.

Въ связи съ удешевленіемъ боевыхъ качествъ дружинниковъ увеличеніе числа наемниковъ ведетъ къ пониженію дисциплины и боевой доброкачественности войскъ. На это оказываетъ также вліяніе ослабленіе княжеской власти и внутрення распри и неурядицы.

Такимъ образомъ, раздробленіе русской вооруженной силы, отсутствіе единначалія, ухудшеніе качества личнаго состава войскъ, увеличеніе числа конницы, нѣкоторое усложненіе въ вооруженіи и начало перехода къ бою въ конномъ строю, таковы важнѣйшіе итоги разсматриваемаго періода (XI—XIII в.в.) съ точки зрѣнія устройства нашихъ вооруженныхъ силъ.

Общій характеръ военнаго искусства.

Что касается проявленія военнаго искусства въ эту эпоху, то во всѣхъ войнахъ того времени вслѣдствіе условій, въ которыхъ онѣ происходили, не было нашими князьями проявлено особеннаго искусства, доказывающаго присутствіе среди нихъ выдающихся полководцевъ. Однако, въ войнахъ лучшихъ изъ нихъ, лучшихъ въ смыслѣ обладанія военнымъ талантомъ, какими являлись Владиміръ Мономахъ, внукъ Ярослава Мудраго, Изяславъ Мстиславовичъ, внукъ Владиміра Мономаха, Святославъ Кіевскій и Мстиславъ Удалой, нѣрѣдко можно замѣтить такіа дѣйствія, которыя указываютъ, что имъ не чуждо было пониманіе истинной природы войны и сущности военнаго дѣла. Такъ, русскіе князья того времени, отлично понимали выгоды дѣйствій сосредоточенными силами. Стремленіе къ этому особенно сказывалось у Владиміра Мономаха.

Всѣмъ указаннымъ Великимъ князьямъ сознають, что рѣшительныхъ результатовъ можно добиться только наступленіемъ и притомъ нападая по возможности на врага въ его продѣлахъ.

Далѣе, въ военныхъ дѣйствіяхъ князей разсматриваемаго періода необходимо отмѣнить желаніе некакіа рѣшенія въ бою.

Всѣмъ при своихъ операціяхъ князья часто прибѣгали къ скрытности и внезапности, справедливо видя въ томъ и другомъ лучшее средство для одержанія успѣха. Кроме того, князья XI—первой половины XIII вѣка постоянно пользовались разнаго рода хитростями и демонстраціями.

Русские вои́нно дѣятелн разбиремаго періода сознавали всю пользу починныхъ маневровъ и быстроты дѣйствія. Сознавалось также до нѣкоторой степени и польза преслѣдованія разбитаго врага.

Сверхъ того, въ дѣйствіяхъ русскихъ князей необходимо отмѣтить, что, вообще говоря, они въ своихъ операціяхъ соединяли благоразумную осторожность, медлительность и хитрость въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ и рѣшительность въ условіяхъ, для нихъ благопріятныхъ. Этимъ особенно отличались Юрій Долгорукій и Изяславъ Мстиславовичъ; послѣдній особенно былъ рѣшителенъ и смѣлъ.

Нельзя также не остановиться вниманія на томъ обстоятельстве, что лучшіи изъ полководцевъ того времени, Владиміръ Мономахъ, придавать должное значеніе резерву и умѣло пользовался имъ.

Походъ 1224 года и битва на р. Калкѣ.

Все же, однако, нужно сказать, что въ разсматриваемый періодъ положительные образцы дѣйствій русскихъ военачальниковъ являются неключеніями, хотя и довольно частыми. Обыкновенно операціи русскихъ князей отличались отрицательными качествами. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи походъ русскихъ князей противъ татаръ въ 1224 г., походъ, несчастный для Руси и положившій начало покоренію ея татарами.

Въ этомъ году, получивъ свѣдѣнія отъ половцевъ о приближавшемся нашествіи татаръ, князь Галицкій созвалъ въ Кіевѣ совѣтъ, на которомъ рѣшено было не выжидать нападенія татаръ, а самимъ двинуться къ нимъ навстрѣчу. На этомъ совѣтѣ не было князя Юрія Владиміровича, которому, однако, послѣ выступленія въ походъ было послано предложеніе присоединиться къ союзнымъ князьямъ. Послѣ 17-дневнаго похода русскія войска сосредоточились (не присоединились вследствие опозданія войска князя Юрія Владиміровича) на правомъ берегу шняжнаго Днѣпра близъ Оленья *), гдѣ къ нимъ присоединились и половцы. Здѣсь они вошли въ соприкосновеніе съ передовыми монгольскими отрядами, надъ которыми одержали частный успѣхъ. Увлочившись этимъ успѣхомъ, русскіе князья, не выжидая присоединенія войска Юрія Владиміровича (неполное сосредоточеніе силъ), двинулись на востокъ въ степи и черезъ 9 дней прибыли къ р. Калкѣ (нынѣ р. Калець въ Екатеринославской губ.). Здѣсь 31-го мая 1224 г. произошло кровопролитное сраженіе, окон-

* См. Схемъ № 4.

чившееся полнымъ поражениемъ русскихъ *). Причиной поражения были: во 1-хъ, рѣшеніе Мстислава Галицкаго перейти для боя на лѣвый берегъ р. Калки, гдѣ находился гораздо болѣе многочисленный противникъ, а во 2-хъ, разногласіе, происшедшее между князьями, Галицкимъ и Киевскимъ. Велѣдствіе этого разногласія князь Киевскій, Мстиславъ, не захотѣлъ переправляться черезъ р. Калку, что, по его мнѣнію, было невыгодно. Благодаря этому, татары имѣли возможность разбить русскихъ по частямъ.

Заключеніе объ эпохѣ.

Въ заключеніе необходимо сказать, что хотя политическія условія создавали крайне неблагоприятныя обстоятельства для военныхъ дѣйствій въ эпоху XI—XIII вѣка, но все же у русскихъ полководцевъ того времени, руководимыхъ здравымъ смысломъ и пониманіемъ природы войны, встрѣчаются проблески таланта, выказывающія умѣніе вести операции. Особенно все это нужно отнести къ Владимиру Мономаху, который несомнѣнно былъ военачальникъ, своими талантами выдающійся надъ среднимъ уровнемъ.

Однѣко, нужно признать, что въ общемъ уровень состоянія военнаго искусства въ наслѣдуемую эпоху по сравненію съ предыдущимъ временемъ, значительно понизился и что самое главное, — военное искусство этого времени заключало въ себѣ мало данныхъ для дальнѣйшаго своего развитія по волюѣ правильному пути.

*) См. Палавъ №4.

III. Съ половины XIII вѣка до половины XIV вѣка.

Общая условія, вліяющія на развитіе военнаго искусства.

Очередной порядокъ княжескаго владѣнія кромѣ того, что послужилъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ упадка военнаго искусства на Русь, имѣлъ еще громадное вліяніе на устройство жизни Руси во всѣхъ ея проявленіяхъ, создавъ для нея совершенно новыя условія. Эти условія, въ свою очередь, конечно, отразились на состояніи и развитіи русскаго военнаго дѣла.

Прежде всего очередной порядокъ княжескаго владѣнія крайне бѣдственно отразился на юридическомъ и экономическомъ положеніи низшихъ классовъ народонаселенія. Дѣло въ томъ, что, стремясь къ возможно большому заселенію своихъ владѣній, князья обычай уводить въ плѣнъ, а значитъ, и въ рабство жителей страны разбитаго врага перенесли и на войны между собою. Такимъ образомъ, съ усиленіемъ междоусобной борьбы, что было слѣдствіемъ очереднаго порядка, увеличивалось число плѣнныхъ и поэтому уменьшалось число свободныхъ людей. Къ тому-же, въ это время вошло въ обычай, вступивъ въ княжство соперника-родича, пожечь его села и забрать или истребить, какъ тогда говорили, его „жизнь“, т. е. его хозяйственные запасы, хлѣбъ, скотъ и проч. Такой способъ веденія войны, очевидно, крайне вредно отразился не только на благосостояніи самихъ князей, но главнымъ образомъ — на населеніи его княжества, которое, такимъ образомъ, дѣлалось и совершенно безправнымъ, и совершенно разореннымъ.

При такихъ условіяхъ естественно, что населеніе Киевской Руси должно было искать выхода изъ своего тяжелаго положенія. Такому стремленію способствовали также и внѣшнія условія, заключавшіяся въ томъ, что кочевавшія въ сосѣднихъ восточныхъ степяхъ варварскія племена, постепенно смѣнявшія другъ-друга, непрерывно нападали на Русь, разоряли ее, жгли, грабили и уводили плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, Киевская Русь жила подъ постоянной угрозой разоренія и плѣна, подъ гнетомъ тревогъ и опасностей, что приводило къ тому, что мало по малу у населенія Киевской Руси, особенно сельскаго, складывалось убѣжденіе въ полной невозможности, при такихъ обстоятельствахъ, существовать.

Выходъ изъ такого труднаго положенія населеніе видитъ только въ переселеніи въ такія мѣстности, гдѣ-бы подобныя условія не было. Какъ слѣдствіе этого, является ставшее уже замѣтнымъ въ XII вѣкѣ запустѣніе Кіевской Руси, собственно Подніпровья.

Отливъ населенія изъ Подніпровья шель въ двухъ направле- нійхъ, двумя противоположными струями: одна струя направлялась на западъ, за Западный Бугъ, въглубь Галиціи и Польши; другая струя переселенія изъ Кіевской Руси направлялась въ противополож- ный уголъ русской земли, на сѣверо-востокъ, за р. Угру, въ между- рѣчье Оки и верхней Волги, и способствовала здѣсь образованію сильнаго Суздальско-Владимірскаго княжества, обратившагося въ- послѣдствіи въ Московское царство, а позже—въ Россійскую Имперію.

Всѣ изложенныя обстоятельства, въ связи со слабымъ состоя- ніемъ военнаго искусства въ Кіевской Руси въ періодъ отъ XI до половины XIII вѣка, привели къ тому, что запустѣніе Дніпровской Руси, начавшееся въ XII вѣкѣ, было окончательно завершено въ XIII вѣкѣ татарскимъ погромомъ 1239—1240 г.г. Послѣ этого погрома Русь надолго подпала совершенно подъ татарское иго.

Передвиженіе русскаго населенія на сѣверо-востокъ, очевидно, не могло остаться безъ серьезнаго послѣдствія; иныя условія жизни въ новыхъ мѣстахъ (природа, вліяніе туземныхъ племенъ и пр.) несомнѣнно должны были отозваться на народномъ характерѣ пере- селенцевъ, составившихъ ядро населенія будущей Великой Россіи. Эти же условія, въ связи съ нѣкоторыми другими, естественно должны были наложить свою печать на политическую жизнь страны, на характеръ ея политическаго устройства.

Такимъ образомъ, съ половины XIII вѣка на состояніе и разви- тіе военнаго искусства на Руси вліяютъ слѣдующія условія: характеръ вновь образовавшейся народности, характеръ политическаго устрой- ства вновь складывавшагося государства и татарское иго.

На характеръ вновь образовавшейся на сѣверо-востокѣ велико- русскія народности отразились тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ она образовывалась. Этими условіями были: во 1-хъ, встрѣча съ обитавшими здѣсь различными финскими племенами, и во 2-хъ, природа страны.

Финскія племена, съ которыми встрѣтились русскіе переселенцы, направлявшіеся въ Ростовскій край, были меря и весь, которыя обитали въ то время на обвѣрѣ нынѣшней Россіи.

Миролюбивый характеръ какъ финскихъ туземцевъ, такъ и переселенцевъ изъ Руси, въ большинствѣ принадлежавшихъ къ мирному сельскому населенію, имѣлъ слѣдствіемъ то, что переселенцы съ туземцами встрѣтились не враждебно, а вполне мирно, почему и происходило не завоеваніе края, а лишь его заселеніе.

При такихъ условіяхъ пришлая Русь, селясь, среди туземныхъ мери и веси, неизбежно путемъ общенія кое-что заимствовала изъ ея быта, а съ другой стороны, и туземцы—финны, постоянно русьтя, всею своею массою, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своимъ языкомъ, обычаями и върowanіями входили мало по-малу въ составъ русской народности.

Такимъ образомъ, взаимныя вліянія Руси и Чуди, какъ первая называла всѣ финскія племена, привели къ образованію изъ двухъ сильно разнородныхъ племенъ одного вполне однороднаго, многочисленнаго великорусскаго племени. Эта же однородность представляла весьма благоприятное условіе для образованія могучей вооруженной силы, обладающей необходимыми качествами, чтобы служить въ умѣлыхъ рукахъ соотвѣствующимъ орудіемъ.

Но еще большее значеніе для образованія вооруженной силы въ сѣверо-восточной Руси имѣли бытовыя особенности финскаго населенія, которое въ Ростовской землѣ нашли переселенцы Киевской Руси: населеніе это представляло собой сплошную однообразную сельскую массу, незнавшую дѣленія на высшіе и низшіе классы. Съ другой стороны, сами южно-русскіе переселенцы, прибывающіе въ междурѣчье Оки и верхней Волги, въ своемъ большинствѣ принадлежали къ сельскимъ массамъ.

Благодаря всему этому, населеніе сѣверо-восточной Руси должно было стать гораздо болѣе сельскимъ по своему составу, чѣмъ это было въ южной Руси. Такой же его составъ несомнѣнно былъ крайне благоприятенъ для образованія вооруженной силы образовывающагося на новыхъ основаніяхъ государства въ Ростовско-Суздальской землѣ.

Главными особенностями природы Ростовско-Суздальской земли были: обиліе лѣсовъ и болотъ, преобладаніе суглинка въ составѣ почвы и масса рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Эти особенности природы края, въ связи съ тѣмъ, что онъ лежалъ вдали отъ приморскихъ рынковъ, и наложили рѣзкій отпечатокъ какъ на хозяйственный бытъ, такъ и на племенной характеръ великоросса.

Удаленіе отъ моря, не способствовало развитію значительной вѣншей торговли, влекло за собой малое число городовъ и преобладаніе поэтому сельскихъ поселеній. Обиліе же лѣсовъ и болотъ приводило къ тому, что селиться приходилось весьма незначительными деревнями и, употребляя громадныя труды на обработку земли, нѣрѣдко перемѣщаться для того, чтобы найти новые участки. Эта трудность обработки приводила къ тому, что каждый обрабатывалъ только такое количество земли, которымъ удовлетворялась лишь насущная потребность въ хлѣбѣ. Для удовлетворенія же другихъ потребностей было необходимо заниматься другими промыслами,

возможность которых обуславливалась наличием большого количества леса, рѣкъ, озеръ и болотъ. Такимъ образомъ, среди населенія стали развиваться различныя кустарныя промыслы.

Такой вынужденный природою край хозяйственный бытъ великорусскаго населенія, преимущественно развивалъ въ немъ личную самостоятельность, привычку полагаться только на самого себя какъ въ принятіи того или другаго рѣшенія, такъ и въ приведеніи этого рѣшенія въ исполненіе, развивалъ въ немъ сметку, сообразительность, сознание необходимости тщательнѣе взвѣшивать обстоятельства и умѣнне примѣняться къ нимъ.

Съ другой стороны тѣ-же леса, топи и болота края на каждомъ шагу представляли поселенцу тысячу мелкихъ опасностей, непредвидѣнныхъ затрудненій и неприятностей, среди которыхъ нужно было пайтись, съ которыми приходилось бороться.

Это развивало въ великоросѣ изворотливость въ затрудненіяхъ и опасностяхъ, привычку къ терпѣливой борьбѣ съ невзгодами и лишениями, дѣлало его въ высшей степени незаболовавшимъ, непритязательнымъ и выносливымъ, развивало въ немъ наблюдательность.

Изложенныя особенности характера великоросса, явившіяся слѣдствіемъ вліянія на него природы страны, гдѣ онъ обиталъ, также представляли крайне благоприятныя данныя для созданія вооруженной силы въ сѣверо-восточной Руси, такъ какъ эти особенности представляютъ собой именно тѣ качества, которыми въ возможно высшей мѣрѣ должны обладать и отдѣльныя воинѣ, и совокупность ихъ — воинская часть.

Вторымъ условіемъ, которое съ половины XIII вѣка начинаетъ сильно вліять на устройство и состояніе вооруженной силы въ сѣверо-восточной Руси, является политическое устройство вновь складывающагося государства.

Въ половинѣ XII вѣка Суздальскимъ княземъ сдѣлался одинъ изъ младшихъ сыновей Владиміра Мономаха, Андрей Боголюбскій. Онъ представлялъ собой истинный типъ великоросса, родившагося и выросшаго на сѣверѣ. Онъ не любилъ Кіева и вообще юга, но когда въ 1169 г. онъ призналъ себя старшимъ во всемъ родѣ князей, то отправилъ противъ Кіева Суздальскую рать, которая взяла Кіевъ и разорила его.

Сдѣлавшись Великимъ княземъ, Андрей не доѣхалъ въ Кіевъ, а отдалъ его своимъ племянникамъ, самъ же остался въ Суздадѣ.

Такимъ образомъ, Андрей отказался слѣдовать господствовавшему тогда озерному порядку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря самовластному и рѣшительному характеру, Андрей устанавливаетъ обязательное подчиненіе младшихъ

князей старшему, придавъ княжескому старшинству значение и авторитет верховной власти. Кроме того, Андрей, желая быть болѣе независимымъ въ дѣлѣ управленія, стремится освободиться отъ вліянія вѣчь старшихъ городовъ своей волости (Суздаль и Ростовъ), и потому остается жить въ маленькомъ городѣ (пригородѣ) — Владимірѣ; отстраиваетъ отъ себя большихъ отцовыхъ бояръ и окружаетъ себя людьми младшей дружины, отроками.

Итакъ, проявляя новыя государственныя стремленія, Андрей положилъ начало образованію новаго политическаго строя на Руси, который вскорѣ сталъ господствующимъ.

По смерти бездѣтнаго Андрея произошла усобица между его братьями и племянниками. Усобица эта въ концѣ концовъ окончилась побѣдой дядей, которые, бросивъ старшіе города, сѣли въ младшихъ, т. е. сдѣлали такъ, какъ нѣкогда Андрей, и этимъ упрочили вновь народившіеся обычаи, нарушавшіи идею очереднаго порядка княжескаго владѣнія.

Въ борьбѣ дядей съ племянниками принимали участіе не только сами князья и ихъ дружины, но и все населеніе, причѣмъ на одной сторонѣ были дяди и все низшее прошлое населеніе, главнымъ образомъ, населявшее пригороды, а на другой — племянники и туземцы, высшій слой населенія, обитавшіи въ старшихъ городахъ. Это приводило къ социальной борьбѣ между разновременно образовавшимися слоями мѣстнаго общества.

Такимъ образомъ, начиная уже съ конца XII вѣка, въ Суздальской Руси сталъ разрушаться очереднаго порядка княжескаго владѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней начались усобицы на нѣсколько иныхъ началахъ, чѣмъ это было въ Южной Руси.

Приведя къ меньшей зависимости князей отъ вѣчевыхъ городовъ, борьба двухъ слоевъ населенія имѣла послѣдствіемъ то, что по смерти старшаго дяди, Михаила, владиміровцы, не желая допустить къ себѣ племянниковъ съ вліяніемъ высшихъ слоевъ населенія, тотчасъ присягнули младшему дядѣ, Всеволоду, и не только ему, но и его дѣтямъ, т. е. другими словами, установили у себя наследственность княжеской власти въ нисходящей линіи, опять-таки вопреки очередному порядку.

Княженіе Всеволода III во многомъ было продолженіемъ вѣдшей и внутренней дѣятельности Андрея Боголюбскаго.

Благодаря этому, Суздальская земля, представляя въ началѣ XII вѣка захолустный сѣверо-восточный уголокъ русской земли, уже въ началѣ XIII вѣка является княжескимъ, рѣшительно господствующимъ надъ остальной Русью, и политическій центръ тяжести явственно переносится съ береговъ средняго Днѣпра на берега Клязьмы. Вслѣдствіе же этого новыя порядки и установленія, которые складывались по тѣмъ

или другимъ причинамъ въ Суздальскомъ княжествѣ, укрѣпляются, разпространяются и дѣлаются обязательными и для другихъ княжествъ. Такимъ, рядомъ, со старшей, Владимірокой, областью, составлявшей общее достояніе Всеволодовичей и владѣемой по очереди старшинства, образовалось нѣсколько младшихъ волостей, которыми владѣли младшіе Всеволодовичи, причѣмъ, эти младшія волости передавались не въ порядкѣ рожденій по очереди старшинства во всемъ княжескомъ родѣ, а въ порядкѣ поколѣній отъ отца къ сыну, т. е. другими словами, переходить изъ рукъ въ руки въ прямой нисходящей, а не ломаной линіи. Измѣненіе же въ порядкѣ владѣнія измѣнило и юридическій характеръ младшихъ волостей, что сказалось и на политическомъ устройствѣ всей Руси.

Прежде на югѣ княжества составляли общее достояніе княжескаго рода, а ихъ князья были ихъ временными владѣльцами, по очереди; теперь на сѣверѣ младшее княжество являлось постоянной отдѣльной собственностью извѣстнаго князя, личнымъ его достояніемъ, которое передавалось отъ отца къ сыну по личному распоряженію владѣльца.

Въ связи съ этимъ, княжескія владѣнія стали называться сначала вотчинами, а потомъ—удѣлами въ смыслѣ отдѣльнаго владѣнія, постояннаго и наследственнаго. Отсюда и новый порядокъ княжескаго владѣнія, установившійся на сѣверѣ, который въ отличіе отъ очереднаго называютъ удѣльнымъ.

Удѣльный порядокъ владѣнія, окончательно установившійся въ XIV вѣкѣ, привелъ къ новому взаимнымъ отношеніямъ между различными князьями. Весь княжескій родъ разбивается на множество отдѣльных семей, владѣющихъ удѣлами. Съ теченіемъ времени каждая изъ такихъ отдѣльных семей, разрастаясь, превращалась въ родъ, и, пока всѣ члены его помнили о родствѣ, они признавали старшаго изъ князей рода своимъ Великимъ княземъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ Великимъ княземъ Владимірскимъ были такіе же князья въ Твери, Рязани и т. д. Это еще болѣе нарушало единство всего княжескаго рода, еще болѣе разъединяло различные удѣлы русской земли. Такому разъединенію способствовали и особенности природы сѣверо-восточной Руси, благодаря которымъ, въ ней возникли отдѣльные населенные рѣчные районы, разъединенные одиель отъ другого обширными малодоступными лѣсными дебрями, что естественно не могло способствовать созданію въ Суздальской землѣ устойчиваго центра, а напротивъ, содѣйствовало образованію цѣлаго ряда отдѣльных областей, заключавшихъ въ себя бассейны одной какой-нибудь рѣки и составлявшихъ отдѣльные удѣлы.

Съ теченіемъ времени отношенія между отдѣльными княжескими родами и семьями, владѣвшими физически разобщенными областями, стали опредѣляться не родственными чувствами, а договорами.

Въ заключеніе,—всякое основаніе для политическаго единства исчезаетъ. Этому способствовало также и слѣдующее обстоятельство:

Въ виду особенностей заселенія Суздальскаго края, а также въ виду его физическихъ свойствъ первый князь, садившійся на какой-нибудь удѣлъ, долженъ былъ положить немало труда на его устройство. Отсюда возникло у удѣльныхъ князей чувство личной собственности къ удѣлу, признаніе себя полнымъ хозяиномъ въ удѣлѣ, отсутствіе желанія дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей властью; это же чувство собственности, по самой природѣ вещей, влекло за собой желаніе увеличенія личной (семейной) собственности; такое же увеличеніе могло происходить только на счетъ сосѣдей, такихъ же князей; отсюда, съ одной стороны, договоры, взаимно обезпечивавшіе князей, а съ другой стороны,—ссоры, распри, борьба и войны между ними.

Съ теченіемъ времени, когда члены княжеской диніи сильно размножились, то удѣлы распались на весьма мелкія владѣнія, что еще болѣе способствовало различнымъ усобицамъ и распрямъ. Воплотивъ естественно, что явившеся слѣдствіемъ утвержденія въ сѣверо-восточной Руси удѣльной системы крайнее радробленіе Руси на отдѣльныя княжества, потеря сознанія государственнаго единства этихъ княжествъ и возникновеніе жестокихъ усобицъ между отдѣльными княжествами представляли слишкомъ плохія условія для правильной организаціи въ сѣверо-восточной Руси вооруженной силы и для проявленія такихъ образцовъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, которые давали-бы право сказать, что военное искусство въ то время на Руси стояло на высокой степени развитія.

Но какъ было выяснено выше, матеріаль для созданія вооруженной силы—великорусское населеніе—былъ прекраснаго качества и измѣненіе неблагоприятныхъ политическихъ условій, очевидно, должно было выгодно отразиться на организаціи вооруженныхъ силъ и на пользованіи ими, т. е. на состояніи военнаго искусства вообще.

Условія эти и начали измѣняться съ половины XIV вѣка.

Составъ вооруженныхъ силъ.

Въ какомъ же состояніи, подъ влияніемъ совокупности всѣхъ указанныхъ выше условій, было военное искусство въ сѣверо-восточной Руси въ печальный періодъ съ половины XIII до половины XIV вѣка, періодъ, совпавшій съ первой половиной времени татарскаго владычества?

Прежде всего съ этой точки зрѣнія необходимо отмѣтить, что на военное дѣло у насъ въ то время имѣли большое влияние татары.

Вліяніе это началось съ самыхъ первыхъ встрѣчъ съ татарами, т. е. примѣрно, съ 1224 г., и особенно сильно сказалось послѣ покоренія ими Руси.

Меньше всего цѣннѣе татарь сказалося на составѣ русскаго войска, потому что составъ этотъ больше всего всегда зависитъ отъ условій внутрешней жизни народа, а татары на эту жизнь, живая вдали и не смѣшиваясь съ русскими, могли вліять въ ничтожной степенн.

Обращаясь къ составу русскнхъ войскъ разсматриваемаго періода, мы видимъ въ немъ прежде всего дружину; которая состоитъ изъ вольныхъ слугъ и бояръ; съ теченіемъ времени получившихъ названіе дворянъ. Вольные слуги и бояре представляли собой довольно многочисленное войное сословіе, которое за свою службу, по-прежнему, получало денежное жалованье, а такъ какъ дробленіе на удѣлы неминуемо влекло за собой обьединеніе князей, то въ послѣдствіи князья денежное жалованье стали отчасти замѣнять такъ называемымъ кормленіемъ, т. е. доходами съ извѣстныхъ дравительственныхъ должностей, на которыя назначались служилые люди. Нѣкоторыя изъ бояръ имѣли, кромѣ того, вотчины. Владѣніе вотчинами, конечно, обезпечивало возможность существованія боярина на службѣ. Поэтому князья способствовали пріобрѣтенію этихъ вотчинъ и, передавая боярамъ нѣкоторыя изъ своихъ верховныхъ правъ на части ихъ удѣловъ, которыя составляли вотчину, дѣлали обладаніе ими для бояръ болѣе привлекательнымъ и выгоднымъ. Однако, необходимо замѣтить, что обладаніе вотчиной не обязывало вотчинника службой тому князю, въ удѣлѣ котораго эта вотчина находилась.

Взаимоотношеніе князей и дружинниковъ, выливавшееся въ указанныя выше формы, обуславливалось договорами, которые ясно показываютъ разность интересовъ князя и дружинника, явившуюся слѣдствіемъ установленія удѣльной системы. Дѣло въ томъ, что, воспринявъ съ юга обычай свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, дружинники всегда выговаривали себѣ право отъѣзда, т. е. право перехода на службу отъ одного князя къ другому. Между тѣмъ, князья съ развитіемъ удѣльной системы, стремясь все болѣе и болѣе обособиться и имѣть для достиженія своихъ личныхъ интересовъ собственную сильную дружину, естественно не могли чувствовать желанію дружинниковъ сохранить право отъѣзда. Но раздробленіе на удѣлы, какъ выяснено выше, привело къ отсутствію общаго объединяющаго интереса, а значитъ и къ отсутствію стремленія къ общему блгу. Это-же способствовало тому, что въ сознаніи населенія мало по малу исчезала мысль о князѣ, какъ общесоюзительной власти, т. е. другими словами, политическое значеніе и авторитетъ князя сильно упали. При такихъ условіяхъ противодѣйствовать

дружишкамъ въ ихъ стремленіи сохранивъ за собой право отъѣзда князья не могли, и даже вынуждены были вносить въ договоры условія, по которымъ дружишники могли владѣть землей въ одномъ удѣлѣ, а служить въ другомъ. Однако, князья такъ или иначе стремились воздѣйствовать на дружишниковъ въ томъ смыслѣ, чтобы они сами отказались отъ этого права, и вотъ, начиная съ XIV вѣка, они съ этой цѣлью пользуются авторитетомъ религій. Съ этого времени въ церковныхъ поученіяхъ постоянно высказывается взглядъ, что переходъ отъ одного князя къ другому есть нѣтъна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не ограничиваясь нравственнымъ воздѣйствіемъ, князья прибѣгали и къ матеріальнымъ средствамъ, чтобы ослабить ало, проноходящее отъ права отъѣзда. Съ этой цѣлью они въ болѣе широкихъ размѣрахъ начинаютъ пользоваться извѣстнымъ уже въ южной Руси обычаемъ отдавать дружишникамъ землю на условіяхъ службы за это, т. е. дружишниками князья вынуждены были развивать нѣмѣтную систему. Однако, въ рассматриваемый періодъ, даже къ концу его, право отъѣзда не было утрачено окончательно.

Кромѣ дружины собственно князя, въ составъ вооруженной силы удѣльныхъ княжествъ сѣверо-восточной Руси входили еще городскія и областныя дружины, составляемыя изъ городскихъ и сельскихъ жителей, причемъ, повиднмому, въ это время не выработалось никакихъ нормъ для созыва этихъ дружинъ.

Раздробленность удѣловъ и ихъ ничтожная величина, съ одной стороны, и необходимость имѣть достаточную силу для борьбы съ внѣшними врагами и прежде всего съ татарами, съ другой стороны, привели къ тому, что указанныхъ дружинъ было недостаточно. Въслѣдствіе этого въ минуту необходимости въ составъ своихъ вооруженныхъ силъ князья вводили общія ополченія.

Наконецъ, какъ и прежде, въ составъ русскаго войска въ большемъ или меньшемъ количествѣ входили иноземцы, которые служили князьямъ за жадованье. Наибольшее число иноземцевъ было изъ Польши и особенно изъ Литвы, впрочемъ, при борьбѣ съ врагами на сѣверѣ и на западѣ князья призывали къ себѣ на помощь татарскія орды.

Такимъ образомъ, подъ влияніемъ установившейся удѣльной системы составъ вооруженныхъ силъ въ княжествахъ сѣверо-восточной Руси дѣлается крайне неустойчивымъ и неопредѣленнымъ съ большой притѣсью не національнаго элемента.

Но если татары оказали относительно небольшое влияние на составъ вооруженныхъ силъ сѣверо-восточной Руси, то близость отношеній съ ними сказалась на соотношеніи родовъ войскъ, на вооруженіи ихъ и на образѣ ихъ дѣйствія, главнымъ образомъ, — на тактикѣ.

Со времени столкновения съ татарами, съ одной стороны, въ силу необходимости, а съ другой стороны, изъ подражанія число конницы въ русскихъ войскахъ стало сильно увеличиваться, и вскорѣ конница сдѣлалась главнымъ и многочисленнымъ родомъ войскъ. Однако, гѣхота хотя и уступала конницѣ въ числѣ и качествахъ, такъ какъ состояла изъ не вполнѣ хорошо-устроенныхъ и вооруженныхъ горожанъ и поселянъ, то все-же не утратила окончательно своего значенія. Она всегда является составной частью боевого порядка и потому конница у насъ не играла той исключительной роли, какъ то было въ это время на западѣ.

Вооруженіе.

Стремленіе подражать татарамъ привело къ тому, что вооруженіе русскихъ войскъ мало по малу стало почти совершенно монгольскимъ, хотя на него въ незначительной степени оказывали вліяніе и заимствованія на сѣверѣ и западѣ: у шведовъ, ливонскихъ рыцарей, поляковъ и венгровъ.

Въ рассматриваемый періодъ оружіе русскихъ войскъ, по прежнему, состояло изъ метательнаго и рукопашнаго. Метательное оружіе составляли самострѣлы и луки. Самострѣлами бросались большія стрѣлы или камни, и они употреблялись исключительно при дѣйствіяхъ подлѣ крѣпостями какъ при осадѣ, такъ и при оборонѣ городовъ. Рукопашное оружіе состояло изъ палицъ, прямыхъ, простыхъ или обводоострыхъ мечей, кривыхъ сабель, ножей, кинжаловъ, длинныхъ и короткихъ копей, съкири и топоровъ. Вообще рукопашное оружіе теперь стало многочисленнѣе и разнообразнѣе.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

Строй и образъ дѣйствій войскъ подлѣ вліяніемъ татаръ также стали измѣняться. Войска сражаются въ большей своей части конными.

Сраженія начинаются стрѣльбой изъ луковъ изъ разомкнутаго или разсыпнаго строя; при этомъ войска то наступаютъ, то отступаютъ, стараясь такъ или иначе разстроить противника. Затѣмъ, дѣйствуютъ рукопашнымъ оружіемъ въ сомкнутомъ, глубокомъ строю, нанося ударъ, не пользуясь превосходствомъ въ силахъ, примѣнивъ различныя хитрости, пользуясь скрытностью и внезапностью.

Въ этотъ-же періодъ охраненіе войскъ во всѣхъ положеніяхъ и добываніе свѣдѣній о противникѣ начинаютъ упорядочиваться и получать вполнѣ опредѣленные формы. Начинаетъ также проявляться стрем-

деніе къ измѣненію боевого порядка въ духѣ монгольскаго. Въ какую форму вылилось то и другое, видно будетъ изъ разсмотрѣнія слѣдующей эпохи.

Наконецъ, необходимо отмѣтить, что въ разсматриваемый періодъ на Руси получаютъ большое развитіе усиленіе защитныя полевыми укрѣпленіями и искусственными препятствіями, а также дѣйствія подъ крѣпостями, при которыхъ теперь начинаютъ пользоваться стѣннотными машинами въ связи съ постепенной атакой.

Полевая укрѣпленія состояли изъ непрерывнаго земляного вала со рвомъ, небольшихъ размѣровъ, полигональнаго или неправильнаго очертанія, сообразно видопзмѣненіямъ мѣстности.

Нравственный элементъ въ русскихъ войскахъ.

Что касается духа войскъ, то нужно сказать, что не только не было основаній, чтобы онъ сталъ выше, чѣмъ былъ въ предыдущую эпоху, но, напротивъ, появились условія, способствовавшія еще большому его пониженію. Въ самомъ дѣлѣ, междоусобныя войны, хотя и тяжелыя, не могли способствовать возрожденію воинственности, онѣ велись, преслѣдуя мелкія личныя цѣли, въ видахъ разоренія сосѣда или захвата того, что у него плохо лежитъ, и потому пріобрѣтали скорѣе видъ хищническаго набѣга. Вишняя оборона границъ также не давала нищидля развитія воинственности: на востокъ татарское иго надолго сняло съ князей и ихъ войскъ необходимость обороны юго-восточной окраины; на западѣ энергичное наступленіе изъ-за Литовской границы началось только въ XIV вѣкѣ.

Общій характеръ военнаго искусства.

Такимъ образомъ, въ періодъ съ половины XIII до половины XIV вѣка, т. е. въ періодъ господства удѣльной системы, совпавшей съ первымъ столѣтіемъ владычества татаръ, условія для развитія военнаго искусства на Руси складывались слѣдующимъ образомъ:

Образовался отличный матеріалъ, изъ котораго при извѣстныхъ условіяхъ можно было бы сформировать во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное войско; возникновеніе сношеній съ татарами обусловливало полезное вліяніе народа, обладавшаго болѣе высокимъ развитіемъ военнаго искусства, но политическое положеніе страны мѣшало проявленію этихъ благоприятныхъ условій и дѣлало совершенно невозможнымъ какъ развитіе военнаго искусства по правильному

пути, такъ и появленіе такихъ лицъ, которыя выдѣлились бы крупнымъ военнымъ талантомъ, могущимъ дать высокіе образцы въ области стратегіи и тактики и способствовать развитію военного искусства въ соответствии съ истинными началами военного дѣла.

Походы Александра Невского.

Лишь съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія можно остано­виться на дѣятельности Новгородскаго князя, Александра Невскаго, который въ самомъ началѣ этой эпохи, въ 1240 г., останавливаетъ стремленіе шведовъ къ овладѣнію Балтійскимъ моремъ, разбивъ ихъ 15-го іюля на голову у устья Ижоры, причемъ побѣда досталась ему, благодаря стремительности его наступленія, какъ стратегическаго, такъ и тактическаго.

Въ апрѣлѣ 1242 г. Александръ Невскій на льду Чудскаго озера бьетъ ливонцевъ, которые овладѣли уже Псковомъ, Лугой, Капорьемъ и другими пунктами и стали угрожать самому Новгороду.

Въ этомъ случаѣ побѣду Александру Невскому, уступавшему въ числѣ ливонцамъ, даетъ удачный выборъ позиціи и умѣлое веденіе выжидательнаго боя: ливонскій войска, построивъ клиномъ, ударили въ центръ расположенія Александра и прорвали его; тогда русскій полководецъ, маневрируя своими обоими крыльями, охватилъ Шведовъ съ обоихъ фланговъ и тѣмъ обратилъ ихъ въ бѣгство.

Дѣло борьбы съ ливонцами продолжали сначала сынъ Александра Невскаго, Дмитрій, а затѣмъ — Псковскій князь, Довмонгъ. Оба дѣйствовали успѣшно, и до половины XIV вѣка рыцари въ своихъ стремленіяхъ къ овладѣнію Новгородомъ и Псковомъ не достигли никакихъ результатовъ.

Не такъ удачна была война на западъ и юго-западъ, съ литовцами. Къ половинѣ XIV вѣка литовцы завоевали княжество Смоленское, Черниговское, Кіевское, Волынь и Подолію.

Заключеніе объ эпохѣ.

Такимъ образомъ, упадокъ военного искусства на Руси въ періодъ съ XI по первую половину XIII вѣка, явившійся слѣдствіемъ политическаго устройства страны, приводитъ къ потерѣ независимости къ монгольскому игу. Невозможность, въ слѣдствіе оцнть-такіи политическаго положенія страны, даже не смотря на другія благоприятныя условія, военному искусству подняться изъ своего мало удовлетвори­тельнаго состоянія, приводитъ къ тому, что сильныя союзы стали

завоевывать ея земли и къ половинѣ XIV вѣка она уменьшилась на двѣ трети того пространства, которое занимала при Ярославѣ Мудромъ, т. е. въ половинѣ XI вѣка. Князья-же русскіе путемъ униженія вымаливаютъ у татарскихъ хановъ себѣ благоволеніе.

до 24/III

IV. Съ половины XIV вѣка до половины XV вѣка.

а) Общія условія вліянія на развитіе военнаго искусства.

Измѣненія политическихъ условій, столь вредно отражавшихся на состояніи военнаго искусства на Руси въ первое столѣтіе владычества татаръ, начались въ половинѣ XIV вѣка, причемъ условія созданія новаго политическаго строя Руси вытекли изъ послѣдствій удѣльнаго порядка и такимъ образомъ самъ онъ, приведя къ отрицательнымъ результатамъ, послужилъ источникомъ для созданія порядка, болѣе совершеннаго и способствующаго поднятію военнаго искусства.

Въ 1147 г. становится извѣстнымъ на границѣ между сѣвернымъ Суздальскимъ и южнымъ Чернигово-Сѣверскимъ краемъ село Москва, которое уже въ 1156 г. дѣлается городомъ, окруженнымъ деревянными стѣнами.

Какъ городокъ новый и расположенный гдѣ-то на окраинѣ Суздальскаго княжества вдали отъ его центровъ, Ростова и Суздаля, Москва до середины 60-хъ годовъ XIII вѣка не имѣетъ постояннаго княженія. Лишь по смерти Александра Невскаго въ 1263 г. въ Москвѣ является младшій и малолѣтній сынъ его, Даниилъ.

Съ этихъ поръ Москва становится стольнымъ городомъ особаго княжества съ постояннымъ княземъ. Такимъ образомъ, Даниилъ является родоначальникомъ Московскаго княжескаго рода.

Какъ всѣ удѣльные князья и по тѣмъ-же причинамъ, Московскіе князья, начиная съ ихъ родоначальника, стремятся къ различнаго рода приобрѣтеніямъ, къ увеличенію и расширенію своего удѣла.

Достаточно округливъ свои владѣнія, Московскіе князья въ самомъ началѣ XIV столѣтія начинаютъ усиленно заниматься устройствомъ своего удѣла.

Такая дѣятельность Московскихъ князей пріучила населеніе сѣверной Руси смотрѣть на нихъ, какъ на образцовыхъ хозяевъ, а на Московское княжество, — какъ на самый благоустроенный удѣлъ. Это несомнѣнно привлекало къ Московскимъ князьямъ сочувствіе населенія другихъ княжествъ, и оно охотно переселялось туда, особенно сельское

население так как Московские князья, сознавая всю выгоду, тщательно заботились об этой части жителей своих владений.

Указанной деятельности Московских князей в высшей степени способствовало положение Москвы в узлы пересечения больших торговых дорог и на рѣкѣ, по которой проходило большое торговое транзитное движение. То и другое оживляло промышленность края, втягивало его в сильное торговое движение и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами. С другой стороны, вѣдная безопасность Москвы, окруженной другими княжествами, способствовала болѣе густой населенности края; густенность же населенія увеличивала число плательщиковъ прямыхъ податей и тоже увеличивала доходы князя Московскаго.

Благодаря этому, въ рукахъ у князей Московскихъ мало по малу накапливались большія матеріальныя средства; наличность же такихъ средствъ дасть возможность Московскимъ князьямъ добиться важнаго политическаго значенія.

Это политическое значеніе обуславливалось во 1-хъ, расширеніемъ территории и во 2-хъ пріобрѣтеніемъ Великокняжескаго стола.

Въ самомъ началѣ XIV столѣтія на сѣверѣ Руси не было удѣла незначительнѣе Московскаго. Предѣлы его даже далеко не совпадали съ границами нынѣшней Московской губерніи. И все княжество занимало пространство въ 500 кв. миль. Между тѣмъ, къ половинѣ XV столѣтія Московское княжество, благодаря богатству своихъ князей, своими размѣрами превосходило любое изъ Великихъ княжествъ, тогда еще существовавшихъ на Руси, и заключало въ себѣ 15000 кв. миль.

Вполнѣ сознавая, что по ихъ генеалогическому положенію они не достигнутъ по праву Великокняжескаго стола, Московскіе князья, пользуясь своими богатыми средствами, сознавая всю силу власти татаръ надъ Русью, стали угождать и ухаживать за ханомъ и вѣдить къ нему на поклонъ съ богатыми подарками. Благодаря этому, Московскій князь, по генеалогіи младшій среди другихъ князей, добился старшаго Великокняжескаго стола: за исполненіе приказанія хана съ его войсками наказать Тверскаго князя за возстаніе—Московскій князь, Калита, въ 1283 г. получилъ Великокняжескій столъ, который уже съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ-подъ Московскаго князя.

Ближайшимъ слѣдствіемъ полученія Московскимъ княземъ Великокняжескаго стола была пріостановка татарскихъ нашествій, что привлекло на сторону Московскихъ князей всеобщія симпатіи, подготовило широкую популярность ихъ среди всего населенія сѣверо-восточной Руси.

Вторымъ слѣдствіемъ полученія Московскимъ княземъ Великокняжескаго стола является то обстоятельство, что онъ первый началъ

выводить сѣверную Русь изъ состоянія политическаго раздробленія, въ какое привелъ ее удѣльный порядокъ.

Началомъ такого политическаго объединенія послужилъ союзъ князей, во главѣ котораго стоялъ князь Калита.

Сначала этотъ союзъ былъ финансовый и подневольный и основывался на томъ, что Московскій князь, получивъ Великокняжескій столъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и право собирать съ Руси дань ханамъ. Такимъ образомъ, Московскій князь, имѣя средство оказывать давленіе на другихъ князей, получилъ возможность до нѣкоторой степени подчинить ихъ себѣ.

Въ 1353 г. второй сынъ Калиты, Иванъ, получилъ отъ хана вмѣстѣ съ Великокняжескимъ званіемъ и судебную власть надъ всеми князьями сѣверной Руси, что еще болѣе подчинило Московскому князю другихъ князей, способствуя объединенію всѣхъ русскихъ княжествъ.

Третьей данной, служившей усиленію политическаго значенія Московскаго княжества, было приобрѣтеніе Московскимъ княземъ своему столбному городу значенія церковной столицы Руси, что произошло, когда въ 1326 г. митрополитъ Пётръ поселился въ Москвѣ.

Обращеніе Москвы въ церковную столицу Руси способствовало тяготѣнію всѣхъ частей русской земли къ Москвѣ.

И такъ, благодаря дѣятельности Московскихъ князей, которые отлично поняли обстановку того времени и весьма искусно воспользовались всеми ея данными для достиженія намѣченныхъ себѣ дѣлей, расширяемыхъ по мѣрѣ достигаемыхъ успѣховъ, ничтожное и бѣдное княжество Московское дѣлается мало по малу богатымъ и могущественнымъ, получаетъ матеріальное преобладаніе надъ другими княжествами сѣверо-восточной Руси, приобретаетъ нравственное значеніе въ глазахъ тѣхъ же княжествъ, притягиваетъ къ себѣ разрозненныя части русской земли, получаетъ надъ ними власть и въ результатъ уничтожаетъ политическое раздробленіе Руси, соединяетъ ее подъ своимъ верховенствомъ.

Такой результатъ дѣятельности Московскихъ князей, начиная съ перваго изъ нихъ, конечно, является чрезвычайно благоприятнымъ съ точки зрѣнія военнаго искусства, создавая условія, способствующія его развитію.

Но дѣятельность Московскихъ князей не ограничилась только устраненіемъ политическаго раздробленія Руси; они, подчинивъ Русь себѣ, обратили Московское княжество въ національное Русское государство, а Московскаго Великаго князя, только старшаго по званію изъ удѣльныхъ, — въ единственнаго, т. е. единодержавнаго Русскаго государя.

Произошло это слѣдующимъ образомъ и по слѣдующимъ причинамъ:

Соотвѣтственно современному взгляду на удѣльное владѣніе, въ Московскомъ княжескомъ домѣ XIV и XV вѣковъ порядокъ наследованія основывался исключительно на волѣ завѣщателя.

Пользуясь такимъ порядкомъ наследованія, Московскіе князья, при передачѣ своихъ владѣній, во 1-хъ, завѣщали ихъ прежде всего сыновьямъ, за отсутствіемъ сыновей—братьямъ, но во всякомъ случаѣ часть наследства передавалась женамъ. Во 2-хъ, в. Москву передавали всѣмъ сыновьямъ, раздѣляя его между ними на отдѣльные участки.

То и другое дѣлалось Московскими князьями съ той цѣлью, чтобы сыновья-наслѣдники не поддавались общему стремленію удѣльных князей къ обособленію и взаимной отчужденности и чтобы не потеряли-бы чувства принадлежности къ одной семьѣ и тѣмъ не нарушали-бы единства семьѣ, а, значить, и единства ихъ земель, которая поэтому не могли-бы уходить изъ подъ рукъ Московскихъ князей, хотя и раздѣлялись-бы на большое число удѣловъ.

Наконецъ, Московскіе князья, передавая удѣлы своимъ сыновьямъ или братьямъ и раздѣляя свои владѣнія между ними, не всегда дѣлили ихъ поровну, а такъ, что размѣры каждой части соотвѣтствовали степени старшинства получившаго ее наслѣдника. Чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ большая доля наследства доставалась ему. Благодаря этому обычаю, усвоенному Московскими князьями, старшій наслѣдникъ, т. е. старшій сынъ завѣщателя, получалъ изъ отцовскаго наследства большую долю сравнительно съ братьями-наслѣдниками.

Назначеніе такого излишка старшему сыну давало ему рѣшительное матеріальное преобладаніе надъ младшими князьями. Вслѣдствіе же этого старшіе сыновья, не получая никакихъ лишнихъ политическихъ правъ, не имѣя надъ младшими братьями прямой политической власти, постоянно становились обладателями такой массы владѣльческихъ средствъ, которая давала имъ возможность подчинить себѣ младшихъ удѣльныхъ родичей ихъ и безъ лишнихъ политическихъ правъ. Такимъ образомъ, чисто матеріальнымъ имущественнымъ преобладаніемъ подбожено было основаніе политической власти Московскаго Великаго князя, который мало-по-малу превратился въ государя не только для простыхъ обывателей Московскихъ удѣловъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей.

Благодаря усилению, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, старшаго наслѣдника, отношенія между нимъ и князьями соплеменниками выливались въ личную службу удѣльнаго князя по договору, причемъ или удѣльный князь, оставаясь независимымъ въ своемъ удѣлѣ, обязывался служить Великому князю безъ послушанія, за что

и получалъ вознагражденіе, или удѣльные князья обяывались службой за права владѣть своими удѣлами. Другими словами, здѣсь принималась идея помѣстной системы, принявшей только нѣсколько своеобразную форму.

Такимъ образомъ, порядокъ преемства и вытекающія изъ него взаимныя отношенія князей приводили къ тому, что Великій князь Московскій мало по малу становился единолично во главѣ всей Руси на правахъ единственнаго носителя политической власти.

Занятію такого положенія Великимъ княземъ Московскимъ немало способствовало во 1-хъ, то обстоятельство, что татарскіе ханы, бывше въ то время верховными властителями всѣхъ русскихъ княжествъ, въ случаѣ обращенія къ нимъ русскихъ князей за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ, благодаря богатству и ловкости Московскихъ князей, всегда были на ихъ сторонѣ.

Гораздо большее, впрочемъ, значеніе имѣло то, что съ Ивана Калиты на протяженіи ста лѣтъ, у старшаго сына-наслѣдника въ моментъ смерти Великаго князя не было младшихъ братьевъ. Такимъ образомъ, Московскій княжескій домъ не разрастался въ боковыя вѣтви, младшіе дяди не становились поперекъ дороги старшимъ племянникамъ и поэтому Великимъ княземъ становился почти всегда старшій сынъ предшествовавшаго Великаго князя.

Такъ установился, безъ всякихъ споровъ и усобицъ, переходъ Великокняжескаго достоинства въ нисходящей линіи.

Такой переходъ Великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, сталъ обычаемъ, на который общество стало смотрѣть, какъ на правильный порядокъ, забывая о прежнемъ порядкѣ по старшинству. Это же обстоятельство, усиливая одну прямую старшую линію Московскаго княжескаго дома, способствовало установленію единовластія, что встрѣтило также поддержку всего сѣверо-русскаго населенія, которое послѣ внѣшнихъ грозъ и внутреннихъ бѣдъ чувствовало потребность въ политическомъ сосредоточеніи своихъ паустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго пораженія.

Участіе въ созданіи новаго порядка на Руси всего великорусскаго населенія обращало дѣло этого созданія въ дѣло національное, а Великаго князя Московскаго — въ національнаго государя.

Такимъ образомъ, непрестанной работой Великихъ Московскихъ князей, обладавшихъ высокими личными качествами и умѣло пользовавшихся всѣми благопріятными обстоятельствами, къ половинѣ XV вѣка сѣверо-восточная Русь пріобрѣла политическое и національное единство подъ властью единаго Великаго Московскаго князя,

обладавшего надъ прочими удѣльными князьями, а также надъ всеми ихъ землями съ ихъ населеніемъ, политическими правами, покоявшимися на матеріальной силѣ и духовномъ вліяніи. Установленіе же такого политическаго единства и единой державы на Руси по самому существу военнаго дѣла представляло отличную почву для развитія по правильному пути военнаго искусства.

Если при этомъ вспомнимъ, что население сѣверной Руси — великороссы представляли собой отличный матеріалъ для образования вооруженной силы, что теперь у этого населенія, подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, развилось чувство національности, что для образования вооруженной силы у Великихъ Московскихъ князей были громадныя матеріальныя средства, что единой державной власти была національной и пользовалась какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ авторитетомъ, то не трудно придти къ заключенію, что въ разсматриваемую эпоху, т. е. съ половины XIV и до половины XV вѣка, когда росло и крѣпло Великое княжество Московское, слѣдуя по пути обращенія своего въ Русское царство, военное искусство на Руси имѣло все данныя стоять на высокой степени развитія. Высокое же развитіе военнаго искусства въ это время влекло за собой дальнѣйшія политическія успѣхи Россіи.

б) Устройство вооруженныхъ силъ.

Составъ войска.

Основаніемъ вооруженныхъ силъ на Руси въ разсматриваемую эпоху, по прежнему, была дружина, причемъ, очевидно, каждый князь имѣлъ свою дружину, такъ что въ началѣ эпохи были: Великокняжеская дружина, затѣмъ дружины удѣльныхъ князей и, наконецъ, дружины, принадлежавшія вполне самостоятельнымъ въ это время и нѣсколько своеобразнымъ по своему устройству княжествамъ Новгорода и Пскова.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія Московскаго княжества и постепеннаго имъ поглощенія другихъ княжествъ, и дружины удѣльныхъ княжествъ мало по малу сливаются съ дружиной Великокняжеской, и къ концу эпохи въ сущности остается одна Великокняжеская дружина.

Взаимоотношенія дружинъ и князей, по прежнему, покоятся на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущій періодъ исторіи, но по мѣрѣ усиленія политической власти Московскихъ князей они стремятся къ уменьшенію невыгодныхъ для нихъ правъ дружинниковъ (права отъѣзда, права покупать землю чужимъ дружинникамъ у себя въ удѣлѣ и др.) и къ возможности распоряжаться дружинами по своему усмотрѣнію.

Эти стремления приводить мало по-малу во 1-хъ, къ установлению единства въ дружинахъ, а во 2-хъ, къ возможности Великому князю сосредоточить подъ своимъ единымъ начальствомъ болѣе или менѣе значительное войско.

Дружина, которая теперь стала называться дворомъ, по прежнему дѣлилась на старшую и младшую, причемъ, не смотря на все болѣе и болѣе увеличивающуюся власть Великаго Московскаго князя, старшая дружина, по старому, составляетъ совѣтъ, думу князя.

Старшую дружину составляли бояре и воеводы, которые являлись ближайшими совѣтниками князя и дѣлились на большихъ и малыхъ, затѣмъ шли собственно дворяне, число которыхъ значительно возросло и возрастало все больше и больше.

Младшую дружину составляли боярскія дѣти, которыхъ было еще больше, чѣмъ собственно дворянъ.

На одномъ уровнѣ съ боярскими дѣтьми стояли и слуги или люди дворные, которые отъ боярскихъ дѣтей отличались только болѣе низкимъ происхожденіемъ.

Младшая дружина наравнѣ со старшей пользовалась правомъ отъѣзда, но не имѣла права участвовать въ княжеской думѣ.

Кромѣ дружинъ, въ составъ вооруженныхъ силъ Руси входили городовые полки, которые въ каждомъ удѣлѣ составлялись изъ горожанъ или, какъ ихъ называли, жильцовъ.

Въ концѣ рассматриваемаго періода въ числѣ войскъ, выставляемыхъ городами, начинаютъ упоминаться городовые казаки, т. е. вольные люди, которые за деньги служили князьямъ по городамъ.

Съ XIV вѣка на восточныхъ и южныхъ окраинахъ Руси появляется особый родъ войска, пограничное земское ополченіе, такъ называемая засѣчная стража. На обязанности ея лежало охраненіе и оборона пограничныхъ засѣкъ, прикрывающихъ границу.

Засѣчная стража набиралась съ населенія, большей частью по одному человѣку съ двадцати дворовъ, но въ случаѣ необходимости — и больше.

Сельскія ополченія, т. е. земледѣльцы созывались лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, причемъ обыкновенно брали одного человѣка съ опредѣленнаго количества земли, которая въ то время дѣлилась на сохи; отсюда и взятые въ ополченіе назывались посошными людьми.

Что касается найма иноземныхъ и иногородныхъ дружинъ, то съ увеличеніемъ численности національныхъ войскъ и возрастаніемъ національнаго самосознанія эти дружины стали призываться только въ случаяхъ особенной важности или опасности. Наемныя дружины, по прежнему, состояли изъ литовцевъ, поляковъ и иногда монголовъ.

Такимъ образомъ, видно, что подь вліяніемъ вѣшнихъ и внутреннихъ условий жизни составъ войскъ на Руси дѣлается разнообразнѣе, вслѣдствіе чего организація вооруженной силы значительно усложняется.

Главные роды войскъ.

Главнымъ, и наиболѣе многочисленнымъ и безспорно лучшимъ родомъ войскъ въ рассматриваемый періодъ, подь вліяніемъ татаръ, окончательно сдѣлалась конница. Ее составляли чины и лица княжескихъ дворовъ, дворяне и дѣти боярскія изъ числа тѣхъ, которые имѣли средства и возможность служить на коняхъ.

Но рядомъ съ конницей у насъ существуетъ и пѣхота, которая постоянно входила въ составъ полевыхъ войскъ. Хотя она была по качеству хуже конницы, однако, наши полководцы того времени включали ее въ составъ полевыхъ ратей, и Дмитрій Донской даже сожалѣлъ о томъ, что въ 1380 г. въ Куликовской битвѣ у него было мало пѣхоты; между тѣмъ, какъ въ Западной Европѣ въ это время пѣхотѣ не придавали никакого значенія и она была тамъ въ полномъ пренебреженіи.

Пѣхота на Руси образовывалась изъ тѣхъ воиновъ, которые по бѣдности не имѣли возможности завести и содержать коней.

Вооруженіе.

Вооруженіе, по прежнему, было метательное, нападательное и предохранительное и сначала подобно тому, какъ и въ предыдущую эпоху, представляло смѣсь изъ оружія древне-русскаго и монгольскаго. Необходимо только указать, что тяжелые самострѣлы, употреблявшіеся при осадѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ городовъ, сдѣлались болѣе крупными и громоздкими (баллисты и катапульты), а предохранительное вооруженіе сдѣлалось болѣе сложнымъ и тяжелымъ.

Наконецъ, рассматриваемая эпоха съ точки зрѣнія вооруженія, русскаго войскъ должна быть особенно отмѣчена потому, что въ 1389 г., въ послѣдній годъ княженія Дмитрія Донского, у насъ появились первые образцы огнестрѣльнаго оружія, которые проникли къ намъ черезъ посредство Новгорода и Пскова, торговавшихъ съ Ганзейскими городами, а также, быть можетъ, отъ шведовъ, датчанъ литовскихъ рыцарей и литовцевъ.

Уже въ княженіе сына Дмитрія, Василія I, въ Москвѣ начали изготовлять порохъ, который до Петра Великаго носилъ названіе

зеля, и каменные стѣны Москвы были вооружены арматами, какъ вообще у насъ тогда назывались огнестрѣльные орудія.

Однако, до половины XV вѣка огнестрѣльное оружие исключительно только тяжелыхъ образцовъ, а не ручное, ввозилось въ восточную Русь изъ-за границы, распространялось у насъ довольно медленно, было очень несовершенно и употреблялось только при оборонѣ и осадѣ городовъ.

Уже первыя огнестрѣльныя орудія получили свои особенныя русскія названія: пускичи, пищали, гаковницы или гафуницы, или дробовики и можеры.

Пускичами и прежде назывались большіе самострѣлы, бросающіе камни; впоследствии они были переименованы въ пушки.

Пищалими сначала назывались одни тяжелыя орудія, потомъ — длинное и тяжелое — ручное, изъ котораго стрѣляли съ городскихъ стѣнъ, съ подставокъ, а впоследствии это названіе было присвоено исключительно ручному оружию, изъ котораго стрѣляли съ видокъ или подосекъ.

Дробовики, одинаковыя по наружности съ прочими орудіями, имѣли внутри коническую камеру. Изъ дробовиковъ стрѣляли камнями въ видѣ дробы, откуда и названіе ихъ. Впоследствии ихъ стали называть гаубицами. Можеры — это мортиры.

Всѣ вообще огнестрѣльныя орудія были сначала очень длинны и тяжелы, употреблялись всѣ вмѣстѣ и совокупность ихъ съ самаго начала называлась нарядомъ или снарядомъ, что соответствовало западно-европейскому названію „артиллерія“. Находились они сначала только въ большихъ городахъ.

Хотя огнестрѣльное оружие, появившееся въ восточной Руси только въ концѣ XIV вѣка, и распространялось сначала медленно, однако, уже въ первой половинѣ XV вѣка его у насъ было довольно много, и во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ у татаръ.

Численность арміи.

О числѣ войскъ сѣверной Руси въ разсматриваемый періодъ сказать что-нибудь определенное трудно, но несомнѣнно, что ихъ было значительно больше, чѣмъ въ предыдущій періодъ.

Въ концѣ XIV вѣка Московскіе Великіе князья собирали до 160 и болѣе тысячъ человекъ; обыкновенно же выступали въ походъ съ меньшимъ числомъ войскъ.

При Василіи II, въ половинѣ XV вѣка, по некоторымъ иностраннымъ свидѣтельствамъ, число московскаго войска простиралось до 400000 человекъ, преимущественно конницы.

Чтобы всегда хотя-бы приблизительно знать число войскъ, съ которымъ въ случаѣ нужды можно было-бы выступить въ походъ, каждые два или три года служилые люди, дѣти боярскія, подвергались пересмотру по областямъ для опредѣленія ихъ числа и—сколько каждый изъ нихъ могъ выставить служителей и лошадей.

Организація войска.

Собранныя съ какой-нибудь цѣлью войска раздѣлялись на конныя и пѣшія дружины или полки.

Полки городовые назывались по городамъ, напримѣръ, Киевскій, Новгородскій и т. д.

Полки княжескіе назывались по именамъ князей, напримѣръ, полкъ Изяслава, Юрія и т. д.

Въ концѣ рассматриваемаго періода слово „полкъ“ встрѣчается только въ смыслѣ боевого подраздѣленія рати.

Городовые полки, по прежнему, называются тысячами.

Полки дѣлились на сотни и десятки.

Управленіе вооруженными силами.

Во главѣ ратей и полковъ стояли или князья или ратные воеводы, выбравшіеся изъ большнхъ бояръ. Изъ ихъ-же среди выбирались вообще всѣ старшіе войсковые начальники. Помощниками воеводъ были бояре путные, которые вѣдали все, относящееся къ передвиженіямъ рати или полка, а также и самого князя, если онъ находился при войскѣ. Съ теченіемъ времени бояре путные замѣняются окольничими, которые несутъ службу при князьяхъ въ ихъ походахъ. Если-же во главѣ рати или полка стоялъ бояринъ, то его ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ являлся окольничій.

Такимъ образомъ, путные дворяне, а потомъ окольничіе являются прототипомъ, съ одной стороны, государственной свиты, а съ другой стороны,—старшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Они составляютъ вспомогательный органъ князя или воеводы въ дѣлѣ управленія ратью при расположеніи на мѣстѣ, на походѣ, въ бою, а также въ дѣлѣ сбора свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности, вообще въ дѣлѣ развѣдки съ цѣлью ориентированія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требовался извѣстный образовательный цензъ и способность вести переписку, окольничіе замѣняются писцами, которые съ теченіемъ времени стали называться дяками.

Во главѣ городовыхъ полковъ стояли тысяцкіе.

Должность ратных воеводъ не была постоянной; они назначались по мѣрѣ надобности для предводительства въ известномъ походѣ. Съ окончаніемъ войны, для которой они были назначены, сами собою прекращались и ихъ полномочія.

Должность тысяцкихъ сначала была постоянной и въ мирное время, но это было невыгодно Великимъ князьямъ, такъ какъ стѣсняло ихъ. Поэтому, какъ только Московскіе князья почувствовали себя достаточно сильными, они уничтожили тысяцкихъ. Это было сдѣлано Дмитріемъ Донскимъ.

Воеводы полковъ не подчинялись другъ другу, но при совместныхъ дѣйствіяхъ они, по обычаю, должны были согласовать свои дѣйствія. При соединеніи нѣсколькихъ союзныхъ князей въ началѣ разсматриваемаго періода главнаго начальника не было. Князья дѣйствовали или по общему согласію, или каждый за себя. Съ усиленіемъ могущества Московскаго князя онъ и являлся главнымъ начальникомъ. Иногда по общему согласію союзныхъ князей назначался общій воевода для посылаемыхъ ими на войну ратей.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

Походное движеніе русскихъ войскъ совершалось въ нѣсколькихъ колоннахъ и, по сравненію съ прежнимъ, отличалось большимъ порядкомъ и устройствомъ, а также болѣе тщательнымъ охраненіемъ.

Въ это время рать, совершающая движеніе, высылала впередъ авангардъ, подъ названіемъ сторожевого или передового полка. За авангардомъ двигались главныя силы, состоявшія изъ полка правой руки, большого полка и полка лѣвой руки, которые двигались въ обозначенномъ здѣсь порядкѣ. За большимъ полкомъ слѣдовалъ аррьергардъ, затыльный или засадный или запасный полкъ.

Сторожевой полкъ впередъ и по сторонамъ высылалъ легкие конные отряды для развѣдыванія о мѣстности и о неприятелѣ. Отряды эти назывались сторожами.

Обозы, вообще весьма многочисленныя, шли при войскахъ.

На мѣстѣ для отдыха войска располагались обыкновенно на открытомъ воздухѣ или въ шалахахъ и землянкахъ, защищаясь отъ непогоды войлоками.

Построенія русскихъ войскъ являлись въ видѣ длинныхъ и глубокихъ строевъ.

Боевой порядокъ русскихъ войскъ строился въ три линіи: первую линію составлялъ передовой полкъ, вторая линія дѣлилась на центръ и два крыла. Центръ составлялъ большой полкъ, имѣя въ серединѣ князя съ его дворомъ; крылья—полки правой и лѣвой руки. Третью

линію боевого порядка составлялъ тыльный или засадный полкъ, который служилъ резервомъ и располагался обыкновенно за важнѣйшимъ участкомъ боевого порядка, а иногда и укрыто за какимъ-нибудь мѣстнымъ предметомъ.

Этотъ нормальный боевой порядокъ, въ зависимости отъ обстановки, могъ измѣняться.

Передъ боемъ послѣ построения всей рати князь обращался къ войску съ воодушевляющей рѣчью и затѣмъ подавалъ знакъ къ началу боя, послѣ чего обыкновенно первый со своимъ дворомъ бросался въ бой, а его примѣру слѣдовала и вся линія боевого порядка.

Главная роль въ бою принадлежала конницѣ, которая производила стремительныя атаки. Дѣйствія пѣхоты были второстепенныя, вспомогательныя. Представляя устою боевого порядка, пѣхота дѣйствовала преимущественно оборонительно за окопами, повозками или мѣстными предметами, обороняясь чрезвычайно упорно. Въ открытомъ же полѣ пѣхота дѣйствовала слабо, однако, при этомъ легкая пѣхота дѣйствовала въ разсиномъ стрѣль, стрѣляя изъ луковъ; тяжелая же пѣхота сначала производила ударъ копьями, послѣ чего слѣдовала схватка въ мечи, топоры и т. п.

Въ бою дерзко принимались охваты фланговъ, засады, притворныя отступленія и другія хитрости.

Въ случаѣ успѣха преслѣдованіе производилось однимъ передовымъ полкомъ. Главныя же силы оставались на мѣстѣ боя, подбирали рапелныхъ и шибныхъ, погребали своихъ убитыхъ и праздновали побѣду, затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или слѣдовали за передовымъ полкомъ, или направлялись въ ту или другую сторону для продолженія военныхъ дѣйствій.

Въ случаѣ неудачи и пораженія конница поспѣшно отступала, пѣхота же, не послѣвая за конницей, вынуждена была защищаться за обозами или мѣстными предметами, вынося на себя всю тяжесть отступленія подъ натискомъ побѣдителя. Впрочемъ, по большей части послѣ пораженія русскія войска укрывались въ ближайшемъ городѣ, въ которомъ упорно оборонялись. Тогда главнѣе участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ ложилось на пѣхоту, которая дѣйствовала преимущественно сильной стрѣльбой изъ луковъ или, впоследствии, изъ огнестрѣльнаго оружія.

Для обороны южныхъ и восточныхъ границъ восточной Руси стремились сильнѣе укрѣпить пограничные города и выводили засѣчныя линіи. Эти линіи, имѣвшія значительное протяженіе въ длину, состояли изъ непроходимыхъ для войскъ вѣсковъ въ мѣстахъ, шириной отъ 16 до 80 саж., и земляныхъ валовъ со рвами впереди на открытыхъ мѣстахъ съ небольшими сомкнутыми укрѣпленіями—острожками или городками, огражденными валами съ толстымъ тыломъ и рвомъ, а

между ними для провоза устраивались заставы съ надолбами (шлагбаумами).

Въ XIV вѣкѣ появляются пограничныя станицы, заселенныя городовыми казаками и даже наемными татарами, составлявшими особую пограничную стражу. Въ это-же время прежнія деревянныя ограды городовъ замѣняются каменными стѣнами. Впервые это было сдѣлано въ Москвѣ Дмитріемъ Донскимъ въ 1387 г. при помощи иностранныхъ строителей, призванныхъ главнымъ образомъ изъ Италіи.

Укрѣпленный городъ имѣлъ вѣншую ограду—окольный градъ или острогъ, состоящую изъ стѣны, называемой забороломъ, и башенъ (вежи).

Внутри вѣншей ограды на высокомъ мѣстѣ помѣщался дѣтивецъ или днѣшній, т. е. внутренній городъ, называемый вышгородомъ, а со времени построения каменныхъ стѣнъ—Кремлемъ.

Способы осады и обороны городовъ были прежніе, но только съ конца XIV вѣка вмѣсто прежнихъ осадныхъ и оборонительныхъ метельныхъ орудій стали употреблять новыя огнестрѣльныя орудія, что, очевидно, и придало осадѣ и оборонѣ городовъ нѣсколько иной характеръ.

Нравственный элементъ войска и его боевая подготовка.

Подготовки войскъ въ мирное время никакой не было, но это не отражалось вредно на успѣхѣ боевыхъ дѣйствій, что зависѣло отъ личныхъ качествъ воиновъ и условий веденія военныхъ операцій, не исключая и боя; тѣ-же личныя качества воиновъ, вытекающія изъ характера народонаселенія, о чемъ говорилось раньше, въ связи съ ростомъ національнаго самосознанія, обезпечивали вполнѣ высокій духъ войскъ. Они отличались преданностью князьямъ, простотой жизни, выносливостью въ походы, трудахъ и лишенияхъ, мужествомъ и храбростью въ бою, энергіей нападенія въ открытомъ полѣ, упорствомъ въ оборонѣ за городскими стѣнами или за окопами. Однако, необходимо замѣтить, что, являясь въ большей своей части земледѣльцами, воины разсматриваемаго періода, въ связи съ распространеніемъ военнаго дѣла въ массы, дѣлались съ теченіемъ времени мѣнѣ воинственными, чѣмъ прежнія дружины.

Вообще-же изъ всего сказаннаго выше можно заключить, что въ разсматриваемый періодъ военное устройство и все вообще военное дѣло въ восточной Руси стояло на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху, и это явилось главнымъ образомъ слѣдствіемъ дѣятельности Московскихъ князей, результатомъ которой было политическое единеніе Руси и установленіе единой княжеской власти.

Общей особенностью всех войн данного периода является относительно малое количество полевых боев, но зато весьма часто велись операции против укрепленных городов.

в) Куликовскій походъ Дмитрія Довского.

Чтобы составить себѣ полное представленіе о состояніи военнаго искусства на Руси въ періодъ съ половины XIV до половины XV вѣка, остановимся на наиболѣе типичномъ походѣ этого времени, походѣ Дмитрія Довского въ 1380 г. противъ татаръ, закончившемся знаменитой Куликовской битвой.

Въ 1362 г. на Московскій престолъ взошелъ Дмитрій Іоанновичъ.

Относясь съ начала своего княженія къ Крымскому хану даже нѣсколько подобострастно, Дмитрій Іоанновичъ, какъ только почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, измѣнилъ свою угодливаю политику по отношенію къ ордѣ и сталъ выказывать неповиновеніе хану, что повлекло за собой взаимныя враждебныя дѣйствія. Они открылись еще въ 1365 г.

Военныя дѣйствія, въ началѣ не серьезныя, съ теченіемъ времени все больше и больше раздражали обѣ стороны и становились значительнѣе.

При этомъ войска Дмитрія Іоанновича постепенно пріучались къ дѣйствію противъ татаръ, пріучались не считать ихъ непобѣдимыми. Въ то же время въ поработителяхъ-татарахъ постепенно развивался страхъ къ силамъ Московскаго княжества и, наконецъ, въ 1378 г., послѣ первой значительной побѣды русскихъ войскъ надъ татарами на р. Вожѣ, власть и значеніе послѣднихъ были настолько подорваны, что для восстановленія прежняго господства орды надъ сѣверо-восточной Русью необходимо было воскресить времена Батия, устроить набѣгъ, подобный набѣгу 1240 г.

Съ этой цѣлью ханъ татарскій, Мамай, собравъ татарскія силы, увеличилъ свое войско ополченіями многихъ народовъ, какъ-то: половцевъ, черкесовъ, буртасовъ, армянъ, генуэзцовъ и пр. Общая численность Мамаева войска достигала 80000 человекъ.

Независимо отъ этого, Мамай заключилъ союзъ съ постояннымъ недоброжелателемъ Великаго князя Дмитрія Московскаго, Иггаило Литовскимъ, который могъ усилить татарскія войска не менѣе, какъ 40000 человекъ. Къ такому же союзу Мамай склонилъ и князя Рязанскаго, Олега, который, единственный изъ всехъ удѣльныхъ князей сѣверо-восточной Руси, не желалъ до сихъ поръ признать господства Великаго князя Московскаго.

Намъренія Мамаю клонились къ тому, чтобы окончательно поработить Русь, истребить русскихъ князей, замѣнить ихъ ханскими баскаками и ввести по всей Руси магометанство.

Но Русь теперь была уже не та, что во времена Баттѣя: Уроки прошлаго не прошли для нея даромъ, а во главѣ ея стоялъ энергичный, молодой и способный князь, ясно понимавшій тѣ очередныя историческія задачи, которыя должна была рѣшать Русь и исполнителемъ которыхъ судьба выбрала его.

Давно уже подготавливаясь къ рѣшительному моменту, Дмитрій не растерялся и не впалъ въ уныніе, когда узналъ о намъреніяхъ Мамаю и объ его приготовленіяхъ къ походу на Русь. Напротивъ того, Дмитрій сталъ немедленно и дѣятельно готовиться къ походу противъ Мамаю, рѣшивъ не ограничиться только обороной и отбитіемъ нашествія татарскихъ ордъ, а самому перейти въ наступленіе *).

Тотчасъ же были разсланы гонцы во все области, города и повсемъ князьямъ удѣльнымъ, безъудѣльнымъ и подручнымъ съ предложеніемъ собраться возможно скорѣе съ ихъ войсками въ Москву. Одновременно съ этимъ Дмитрій для обезпеченія сосредоточенія своей арміи приказываетъ усилить укрѣпленія въ Коломнѣ и въ Серпуховѣ, въ укрѣпленныхъ пунктахъ на р. Окѣ, лежащихъ на двухъ важнѣйшихъ путяхъ изъ южныхъ степей. По призыву Дмитрія, кромѣ Серпуховскихъ и Боровскихъ дружинъ двоюроднаго его брата, князя Владиміра Андреевича, прибыли князья Ростовскіе, Ярославскіе и Бѣлозерскіе съ своими ополченіями, бояре московскіе, суздальскіе, владимірскіе съ дѣтьми боярскими. Князь Нижегородскій, тестъ Дмитрія, не явился къ нему самъ, но послалъ въ помощь зятю своихъ дворянъ.

Между тѣмъ, отъ Мамаю пріѣхали въ Москву послы и потребовали отъ Великаго князя такой же дани, какую Русь платила ордѣ при ханѣ Узбекѣ и той же покорности, какою была при старыхъ ханахъ. Желая выиграть время для окончательной подготовки рѣшительнаго похода противъ татаръ, Великій князь Дмитрій Иоанновичъ одарилъ татарское посольство и отпустилъ его назадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ хану для переговоровъ собственнаго посла, Захарія Тютчева, главная обязанность котораго была прозвѣсти тайную развѣдку и собрать свѣдѣнія о татарахъ, о ихъ силахъ и намъреніяхъ.

Устраняя въ Москвѣ прибывшіе сюда полки, Дмитрій вмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣляхъ уясненія себѣ обстановки, организуетъ дальнюю и самую широкую войсковую развѣдку, для чего вслѣдъ за Тютчевымъ высылаетъ къ сторонѣ татаръ до соприкосновенія съ ними „крѣпкую

*). См. схему № 5.

сторожу" Родиона Ржевскаго, поставивъ ему, между прочимъ, задачу — добыть „языковъ“. Когда же отъ Ржевскаго Дмитрій долго не получалъ никакихъ свѣдѣній, то онъ спарядилъ вторую сторожу подъ начальствомъ Климента Поленина и приказалъ ему добыть необходимыя свѣдѣнія возможно скорѣй.

Между тѣмъ, въ Москву прибыли развѣдчики изъ сторожи Ржевскаго и донесли Великому князю, что Мамаѣ действительно въ союзѣ съ князьями, Литовскимъ и Рязанскимъ, идетъ на Русь со всей своей ордой, но что ханъ не спѣшитъ, дожидая союзниковъ и выжидая осени, когда на Руси поля будутъ убраны и орда въ состояннй будетъ воспользоваться готовыми запасами.

Въ виду такихъ донесеній и не добряя еще полною измѣнѣю Олега Рязанскаго русскому дѣлу, Великій князь рѣшилъ возможно скорѣе двинуться къ Коломнѣ, гдѣ находилась переправа черезъ Оку, лежащая на прямомъ пути въ степь, откуда можно было ожидать наступленія татаръ. Но такъ какъ въ Москву прибыли не всѣ части его войска, то онъ приказалъ опоздавшимъ собраться къ Успеневу дню прямо къ Коломнѣ. 20-го августа, испросивъ благословенія у игумена обители св. Троицы, Сергія Радонежскаго, Великій князь во главѣ войскъ, собравшихся къ этому времени въ Москвѣ, выступилъ въ Коломну.

Для указанія путей слѣдованія, а также для различнаго рода закупокъ по про довольствію войскъ, Великій князь взялъ съ собою десять тушцовъ, хорошо знавшихъ пути, зимовники и кочевья татаръ.

Движеніе отъ Москвы къ Коломнѣ Дмитрій совершилъ въ трехъ колоннахъ, что несомнѣнно было сдѣлано для удобства и ускоренія марша. Действительно, благодаря такой организаціи марша, разстояніе между Москвой и Коломною, въ 100—125 верстъ, было пройдено арміею Дмитрія въ четыре дня, т. е. со скоростью 25—30 верстъ въ день и 24-го августа Великій князь уже могъ проивести смотръ своей арміи, сосредоточенной къ Коломнѣ. На этомъ смотрѣ участвовало отъ 150 до 200 тысячъ человекъ. Ко дню смотра не успѣли присоединиться къ Дмитрію дружины отъ областей, Смоленской, Нижегородской, Тверской и Новгородской.

Въ Коломнѣ Дмитрій окончательно убѣдился въ измѣнѣю Олега Рязанскаго и здѣсь же имъ были назначены отъ высланнаго имъ развѣдывательнаго отряда свѣдѣнія, что Мамаѣ въ июль переправился съ лѣваго берега Волги на правый и послѣ продолжительной остановки на кочевкѣ при устьѣ р. Воронежъ медленно подвигался къ предѣламъ Рязанской области, выжидая Ягайло и Олега, которые должны были присоединиться къ нему 1-го сентября у устья р. Непрядвы. Ягайло действительно спѣшилъ соединиться съ Мамаемъ въ этотъ день, Олегъ же, очевидно, умышленно медлил, не зная,

на чьей стороне при данныхъ обстоятельствахъ окажется побѣда и къ кому, поэтому, ему выгодноѣ прикинуть.

При сложившейся такимъ образомъ обстановкѣ Дмитрій рѣшилъ, не ожидая присоединенія къ себѣ непривычныхъ дружинъ, двинуться на встрѣчу къ Мамаю и разбить его главныя силы до присоединенія къ нимъ войскъ Ягайло и Олега.

Обстоятельства требовали возможно быстрого наступленія русскихъ; однако, опасаясь дѣйствій Олега Рязанскаго противъ своего лѣваго фланга, Дмитрій отказывается отъ кратчайшаго пути, пролегавшаго отъ Коломны вдоль Рязанскаго княжества, и рѣшаетъ перейти Оку у устья р. Лопасни.

Вслѣдствіе такого рѣшенія 26-го августа Дмитрій, во главѣ 150—200000 арміи, двинулся изъ Коломны по лѣвому берегу р. Оки къ устью ея притока, р. Лопасни.

Движеніе арміи Дмитрія отъ Коломны прикрывалось слѣва со стороны Олега р. Окою, однако, въ виду того, что оно производилось все такъ вблизи владѣній князя Рязанскаго, маршъ арміи совершенно былъ въ одной колоннѣ и при соблюденіи всѣхъ мѣръ предосторожности впередіи арміи, въ авангардѣ, шелъ передовой полкъ князей Друцкихъ, непосредственно за авангардомъ — полкъ правой руки Владиміра Серпуховскаго, далѣе — большой полкъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Великаго князя Дмитрія, за большимъ полкомъ, въ хвостѣ, — полкъ лѣвой руки Глѣба Брянскаго.

Въ такомъ порядкѣ русская армія, въ два перехода пройдя свыше 60 верстъ, 27-го августа вечеромъ прибыла къ устью р. Лопасни и стала лагеремъ между Каширой и Серпуховымъ.

Въ это время Олегъ Рязанскій съ своей дружиной въ числительности стоялъ у Ст. Рязани, а Ягайло прибылъ къ Одосу.

Еще 27-го августа Дмитрій для развѣдки выслалъ на югъ отборный конный отрядъ Семена Мелика и принялъ другія мѣры для сбора свѣдѣній о положеніи, силахъ и намѣреніяхъ своихъ неприятелей.

28-го числа русская армія начала переправу черезъ р. Оку.

Прежде всего переправилась вся конница, которая немедленно была направлена усвоеннымъ маршемъ за отрядомъ Семена Мелика. Вслѣдъ за конницей, также не теряя времени, двинулась и пѣхота.

Отъ р. Оки русская армія направилась къ истоку р. Дона изъ Иванъ-озера, а потомъ внизъ по его лѣвой сторонѣ. При этомъ движеніи Великій князь строго приказалъ, чтобы на походѣ никто не обижалъ жителей, не грабилъ и не убивалъ ихъ. Очевидно, Дмитрій избѣгалъ всякаго повода возстановлять противъ себя рязанцевъ, чтобы они не вздумали враждебно дѣйствовать у него въ тылу. Во время этого марша примѣрно у истока Дона къ арміи Дмитрія присоединились извѣстные своими воинскими талантами родные братья Ягайло,

Андрей и Дмитрій Ольгердовичи, съ 40000 арміей. Не смотря на то, что пѣхота двигалась съ возможной быстротой, она довольно сильно отстала отъ конницы, которая уже 5-го сентября прибыла къ устью р. Непрядвы, праваго притока р. Дона.

Только 7-го сентября сюда прибыла пѣхота и такимъ образомъ, въ этотъ день армія Дмитрія вновь сосредоточилась, пройдя все разстояніе отъ р. Окидо р. Непрядвы, всего около 140 верстъ, въ 10 дней.

7-го же сентября, отъ плѣнныхъ татаръ, отосланныхъ изъ отряда Мелика, Дмитрій получилъ свѣдѣнія, что Мамай находится отъ р. Непрядвы въ трехъ переходахъ (у Кузбминской гати), что онъ предвигается впередъ очень медленно, ожидая присоединенія союзниковъ, и что онъ еще не знаетъ о близости русской рати. Въ то же время съ другой стороны доносили, что Ягайло находился отъ русской арміи приблизительно также въ трехъ переходахъ, на берегахъ р. Упы у Одоева.

При такихъ обстоятельствахъ Великій князь Дмитрій собираетъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ Дмитрій, вполне правильно оцѣнивая стратегическую обстановку, выказалъ свое твердое убѣжденіе въ необходимости атаковать татаръ, и на обсужденіе совѣта былъ предложенъ только вопросъ, гдѣ атаковать: перейти ли для этого р. Донъ самимъ или же дать татарамъ перейти его и тогда уже атаковать ихъ. Въ первомъ случаѣ можно было атаковать татаръ еще до соединенія ихъ съ Ягайло, что давало русскимъ лишний шансъ на успѣхъ, но за то, въ случаѣ неуспѣха, армія Дмитрія, имѣя въ тылу р. Донъ, могла быть совершенно уничтожена. Во второмъ случаѣ Мамай свободно могъ соединиться съ Ягайло, но за то у Дмитрія на случаѣ неудачи путь отступленія оставался свободнымъ и онъ могъ въ желательную минуту отступить, сохранивъ свою армію, хотя уже и разстроенную.

На совѣтѣ голоса раздѣлились: часть указывала на необходимость ожидать татаръ на лѣвомъ берегу р. Дона, другая же настаивала на томъ, чтобы перейти на правый берегъ Дона и тамъ атаковать татаръ. Къ числу послѣднихъ голосовъ принадлежали и голоса Андрея и Дмитрія Ольгердовичей, а также опытнаго и искуснаго воеводы, Волынского Боброка, которые особенно поддерживали мнѣніе о необходимости перейти черезъ р. Донъ.

Выслушавъ доводы за и противъ перехода русской арміи черезъ р. Донъ, Дмитрій обратился къ совѣту со слѣдующими словами: Любезные друзья и братья, видите, что я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы на Олега смотреть или р. Донъ стеречь, но дабы русскую землю отъ плѣненія и разоренія избавить или голову свою за всѣхъ положить: честная смерть лучше плохого живота. Лучше-бы мнѣ не идти противъ безбожныхъ татаръ, нежели пришедъ, илчто сотворивъ,

возвратиться вспять. Нынѣ-же поидемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ или все отъ гибели сохранимъ, или сложимъ свои головы за святую церковь; за православную вѣру и за всю братію нашу христіанъ". Послѣ этихъ словъ Дмитрій отдалъ приказъ о переходѣ арміи черезъ р. Донъ.

Тотчасъ-же приступлено было къ постройкѣ мостовъ для пѣхоты и къ отысканію бродовъ для конницы. То и другое было сдѣлано въ тотъ-же день, 7-го сентября. Въ это же время къ арміи вернулся со своей сторожей Меликъ и сообщилъ, что онъ уже имѣлъ столкновение съ передовыми татарскими частями и что они преслѣдовали его до самой русской арміи, что самъ Мамай теперь на Гусиномъ броду, что онъ уже знаетъ о прибытіи арміи Дмитрія и спѣшитъ къ Дону, чтобы преградить русскимъ переправу до прибытія Ягайло. О послѣднемъ также получены были свѣдѣнія, что онъ уже двинулся отъ Одоева на встрѣчу Мамаю.

Переправа арміи была ускорена и уже къ ночи на 8-ое сентября вся армія переправилась черезъ Донъ и, принявъ вправо, расположилась на довольно пересѣченной мѣстности тыломъ къ обрывистымъ берегамъ р. Непрядвы, раздѣленная двумя крутыми оврагами (Рыбий и Большой), выходящими въ эту рѣку. При такомъ положеніи арміи путь ея отступленія къ мостамъ оставался открытымъ вѣн лѣваго фланга.

Сознавая всю невыгодность такого положенія арміи, въ виду предстоящаго боя, Дмитрій предвзвелъ рекогносцировку окружающей мѣстности. Результатомъ этой рекогносцировки было передвиженіе рано утромъ 8-го сентября всего боевого порядка русской арміи впередъ. Преимущества новаго расположенія арміи заключались во 1-хъ, въ томъ, что она не раздѣлялась трудно-проходимыми препятствіями; во 2-хъ, мѣстность, на которой располагалась армія, была менѣе пересѣченная, что болѣе соответствовало ея составу, въ который входила преимущественно конница; въ 3-хъ, р. Непрядва не стѣсняла тыла арміи, и въ 4-хъ, фланги арміи были вполне обезпечены, такъ какъ правый флангъ упирался въ лѣвостовражистые берега р. Н. Дубяки (притокъ р. Непрядвы), а лѣвый примыкалъ къ р. Смолкъ (притокъ р. Дона), вслѣдствіе чего армія была вполне обезпечена отъ обычнаго маневра татарской конницы — охвата фланговъ, и въ 5-хъ, въ виду того, что армія расположилась въ дефиле, татары не могли воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ, и въ 6-хъ, наконецъ, расположеніе арміи прикрывало мосты на р. Донъ, т. е. обезпечивало отходъ въ случаѣ неудачи.

Во время переправы русскихъ черезъ р. Донъ татары отдыхали верстахъ въ 7—8 отъ арміи Дмитрія.

Къ 11-ти часамъ утра, когда разсѣялся туманъ, скрывавшій до этого времени всѣ передвиженія русской арміи, она закончила пере-

строение въ боевой порядокъ, который занимать по фронту около 4-хъ верстъ *).

Полкъ правой руки Андрея Ольгердовича примкнулъ къ оврагу р. Н. Дубяка; полкъ лѣвой руки князей Бѣлозерскихъ примкнулъ лѣвымъ флангомъ къ р. Смолкѣ; въ центрѣ сталъ большой полкъ, состоявшій изъ московскихъ дружинъ Вельяминова; впереди большого полка расположился передовой полкъ, состоявшій изъ большей части пѣхоты и коннаго отряда Семена Мслика. За лѣвымъ флангомъ большого полка сталъ, составляя частный резервъ, отрядъ Дмитрія Ольгердовича, и наконецъ, за Зеленой Дубравой, которая находилась на лѣвомъ берегу р. Смолки, на продолженіи лѣваго фланга арміи, расположился уступомъ за важнѣйшимъ въ стратегическомъ отношеніи лѣвымъ флангомъ, играя роль общаго резерва, засадный полкъ, состоявшій изъ отборной конницы и находившійся подъ начальствомъ молодого, пылкаго и энергичнаго князя Владиміра Андреевича и пожилото, опытнаго, искуснаго и разсудительнаго боярина Дмитрія Михайловича Волынскаго-Боброка.

Горячо помолясь передъ перукотвореннымъ образомъ Спасителя, сѣвшимъ на большомъ черномъ Великокняжескомъ стягѣ, Дмитрій объѣхалъ ряды войскъ и, обращаясь къ каждому изъ полковъ съ краткою, но выразительною рѣчью, воодушевлялъ воиновъ на предстоящій жестокой бой.

Послѣ этого Дмитрій, въ одеждѣ простаго ратника, сталъ въ передовомъ полку, чтобы служить примѣромъ и ободреніемъ для другихъ.

Выстроившись, русская армія, имѣя въ своихъ рядахъ отъ 190 до 240 тысячъ челоуѣкъ, двинулась впередъ, спускаясь къ лоцинѣ, откуда брала свое начало р. Смолка. Къ этому времени и татары, совершенно неожиданно отъ Дмитрія такихъ рѣшительныхъ дѣйствій, выстроились параллельно русскимъ и двинулись къ нимъ навстрѣчу, также спускаясь въ ту-же долину. Въ центрѣ татаръ находилась генуэзская пѣхота, а по флангамъ — массы конницы.

Около 12 часовъ дня обѣ арміи, сойдясь на близкое разстояніе, остановились. Тогда началось единоборство между татарскимъ богатыремъ Темір-Мурзой и шюкомъ Пересвѣтомъ, который былъ присланъ въ армію именуемъ Сергіемъ Радонежскимъ. Первое-же столкновение бойцовъ было настолько сильно, что оба пали мертвыми. Это и послужило сигналомъ къ общему бою. Съ грознымъ крикомъ: „Богъ намъ приближенъ и сила“, Дмитрій первый ринулся съ передовымъ полкомъ на татаръ, но вскорѣ подъ натискомъ превосходныхъ силъ

*) См. Планъ № 6.

противника принужденъ былъ съ большими потерями отойти къ большому полку. Съ этого момента бой сдѣлался общимъ по всей линіи. По условіямъ мѣсяцети татары не могли применить свой излюбленный маневръ — охватъ фланговъ, а потому они рѣшили про- рвать расположеніе русскихъ, направивъ главный ударъ на центръ и отчасти на правый флангъ. Съ громаднымъ трудомъ, только благо- даря успѣхамъ Габба Брынкаго и Вельямшова, большому полку удалось удержаться на мѣстѣ; полкъ правой руки также отбилъ татары и могъ даже перейти въ наступленіе, но не сдѣлалъ этого, чтобы не оторваться отъ большого полка.

Потерѣвъ неудачу въ центрѣ, татары, подкрѣпивъ сражавшіяся вофска, перешли въ бродъ верховья р. Смолки и повели атаку на полкъ лѣвой руки. Здѣсь завязалось самое упорное дѣло, продол- жавшееся до 3 часовъ дня. На выраженіи лѣтописцевъ, «копья лома- лись, какъ соломѣ; стрѣлы падали дождемъ; ниль закрывала солнеч- ные лучи; мечи сверкали молніей, а люди падали, какъ трава подъ косой; кровь лилась, какъ вода, и текла ручьями».

Тѣмъ не менѣе, однако, полкъ лѣвой руки держался противъ превосходнаго числомъ противника до тѣхъ поръ, пока не были убиты князья Бѣлозерскіе, но затѣмъ началъ отступать. Это отсту- пленіе открывало лѣвый флангъ и даже тылъ большого полка, чѣмъ ставило его въ критическое положеніе. Перемѣной фронта частнаго резерва Дмитрія Ольгердовича, произведенной по его инициативѣ, открытый лѣвый флангъ большого полка былъ прикрытъ, однако, не надолго.

Вскорѣ татары смяли отрядъ Дмитрія Ольгердовича, и, обойдя, благодаря этому, лѣвый флангъ и тылъ полковъ, большого и лѣвой руки, заставили весь лѣвый флангъ русскихъ податься назадъ. Вслѣдствіе этого вся русская армія отрывалась отъ мостовъ черезъ р. Донъ, т. е. отъ своего пути отступленія. Но съ русской стороны не все еще было душено въ дѣло — оставался еще засадный полкъ Владиміра Андреевича, и при рѣшимости всѣхъ начальниковъ или одержать побѣду, или сложить на полѣ брани свои головы, они даже въ этотъ безусловно критическій моментъ не считали дѣло проигран- нымъ и не начали отступать. Преслѣдуя ясно сознаваемую цѣль, не теряя головы въ самую критическую минуту боя, Дмитрій и его сподвижники въ самомъ успѣхѣ противника нашли средство вырвать побѣду изъ его рукъ.

Но мѣръ того, какъ татары все болѣе и болѣе тѣснили лѣвый флангъ русскихъ и обходили ихъ съ тыла, они совершенно не знали для себя, въ свою очередь, все болѣе и болѣе подставляли свой флангъ и тылъ подъ удары засаднаго полка, находившагося на Зеленой Дубравѣ. Это вполне ясно было для князя Владиміра

Андреевича и онъ давно уже порывался броситься со своимъ полкомъ на выручку сначала большого полка, а потомъ—полка лѣвой руки. Однако, опытный и хладнокровный Боброкъ, наблюдавшій за ходомъ боя съ помощью нѣсколькихъ вонноуъ, взобравшихся на деревья, находилъ, что еще не настала минута для того, чтобы пустить въ дѣло послѣднее средство русской армии. Онъ отлично понималъ и помнилъ, что минута эта должна быть такова, въ которую, введя въ дѣло послѣдній резервъ, дѣйствительно можно было бы вырвать побѣду изъ рукъ противника. Такая минута, по мнѣнью дальновиднаго Боброка, настала тогда, когда опьяненные своимъ успѣхомъ татары, преслѣдуя лѣвый флангъ русскихъ, поравнялись съ Зеленой Дубравой. Тогда Боброкъ съ возгласомъ: «Теперь и нашъ чередъ. Дерзайте, братья, други, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» двинулъ засадный полкъ изъ-за Дубравы. Какъ молнія, ринулся засадный полкъ на татаръ. Стремительный и совершенно неожиданный ударъ этихъ свѣжихъ войскъ во флангъ и тылъ опечаленныхъ и утомленныхъ продолжительнымъ боемъ татаръ навелъ на нихъ ужасъ, сразу сломилъ ихъ и рѣшилъ побѣду въ пользу русскихъ. Разбѣжавшись, татары стали отступать и это послужило сигналомъ къ общему наступленію русскихъ. Они двинулись за татарами и неотступно преслѣдовали ихъ до Красной Мечи, т. е. на протяженіи 50 верстъ.

Мамай, слѣдившій съ высоты на ходомъ боя, бѣжалъ съ поля сраженія однимъ изъ первыхъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были очень велики, особенно со стороны татаръ, которые потеряли не менѣе 150 тысячъ человекъ. Потери русскихъ исчисляють въ 40 тысячъ человекъ.

На восьмой день послѣ битвы Дмитрій, прозванный за Куликовскую битву Дѣискимъ, прибылъ въ Коломну, а 26-го сентября—въ Москву, гдѣ былъ встрѣченъ, какъ спаситель земли русской.

Игитло, который во время битвы находился не болѣе, какъ въ 80—40 верстахъ къ западу отъ Куликовского поля, узнавъ о поразеніи и бѣгствѣ Мамай, самъ со своими войсками поспѣшно ушелъ въ Литву. Олегъ Рязанскій сначала тоже было бѣжалъ въ Литву, но потомъ вернулся, раскаялся, призналъ господство Дмитрія и былъ прощенъ послѣднимъ.

Такова была великая Куликовская битва, подобной которой, по словамъ лѣтописца, никогда до того времени не бывало на Руси.

Хотя Куликовская битва не оправдала надеждъ современниковъ, которые рассчитывали, что непремѣннымъ ближайшимъ слѣдствіемъ ея явится полное освобожденіе отъ татаръ, тѣмъ не менѣе, она несомнѣнно оказала громадное вліяніе на послѣдующія судьбы восточной Руси. Куликовская побѣда спасла восточную Русь, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и Европу отъ нашествія Мамай. Въ этомъ первое и самое видное значеніе битвы, происшедшей 8-го сентября 1880 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Куликовская побѣда разрушила окончательное мнѣніе о необходимости татарь и вълѣдствіе этого явилась одной изъ побудительныхъ причинъ стремленія Руси совершенно освободиться отъ ихъ ига и возстановить свою независимость. Наконецъ, эта битва, озаиривъ Великаго князя Московскаго, Дмитрія Іоанновича, необыкновенной славой, возвысила въ понятіяхъ современниковъ родъ Александра Невскаго и Іоанна Калиты, чѣмъ въ высшей степени способствовала объединенію Руси.

Такое политическое значеніе битвы на Куликовскомъ полѣ.

Не меньше значенія вмѣстѣ она и въ спеціально военномъ отношеніи. Служа прообразомъ русскаго военнаго гения, Куликовская побѣда показываешь, что уже въ ту отдаленную эпоху военное искусство въ Россіи стояло на высокой степеніи развитія, что тогда уже русскіе полководцы понимали сущность военныхъ явленій и природу войны, умѣли оценивать обстановку, принимать рѣшенія соответственно этой обстановкѣ и неуклонно приводить въ исполненіе свое рѣшеніе даже при условіяхъ, крайне неблагоприятныхъ.

Въ этой битвѣ сказались также особенности русскаго военнаго искусства, вытекающія изъ свойствъ народнаго характера, особенности, пользуясь которыми, русскіе полководцы и въ послѣдующее время одержали блестящія побѣды и забвеніе которыхъ приносило лишь пораженія.

Въ частности, въ дѣйствіяхъ Дмитрія Донскаго въ Куликовской битвѣ необходимо отмѣтить: въ стратегическомъ отношеніи, во 1-хъ, стремленіе рѣшить дѣло энергичнымъ наступленіемъ; во 2-хъ, смѣлую, но правильную, въ смыслѣ соотвѣтствія съ обстановкой, постановку цѣли; а именно: разбить сильнѣйшую часть арміи противника до присоединенія къ ней другой части, менѣе опасной; въ 3-хъ, искусный выборъ направленія для дѣйствія; въ 4-хъ, отличную организацію марша-маневра, совершоннаго въ условіяхъ безопасности и скрытности; въ 5-хъ, быстроту дѣйствія, въ 6-хъ, искусно веденную стратегическую развѣдку какъ тайную, такъ и войсковую. Въ тактическомъ отношеніи: во 1-хъ, рѣшеніе вести наступательный бой; во 2-хъ, умѣлое пользованіе условіями мѣстности; въ 3-хъ, искусное распределеніе силъ на полѣ сраженія; слѣдствіемъ чего явилось сосредоточеніе большей части силъ на рѣшительномъ пунктѣ, что достигнуто было существованіемъ и правильнымъ расположеніемъ резервовъ; въ 4-хъ, образцовое пользованіе резервами какъ по цѣли, такъ и по времени ихъ дѣйствія; въ 5-хъ, своевременный переходъ въ общее наступленіе послѣ отбитой атаки противника и,

наконецъ, въ 6-хъ, энергичное преслѣдованіе какъ на полѣ сраженія, такъ и внѣ его.

Кромѣ того, относительно Великаго князя Дмитрія Іоанновича необходимо отмѣтить: 1) правильное пользованіе военнымъ совѣтомъ и 2) полное уваженіе къ нравственному элементу, для поддержанія котораго на должной высотѣ все время принимаются тѣ или иныя мѣры.

р. 29/12

V. Съ половины XV и до конца XVI вѣка.

1) Общія условія, вліяющія на развитіе военнаго искусства.

Военное искусство въ эпоху съ половины XIV и до половины XV вѣка, когда росло и крѣпло Великое княжество Московское, слѣдуя по пути обращенія своего въ Русское царство, развивалось въ крайне благоприятныхъ условіяхъ и стояло на довольно высокой степени развитія, въ чемъ и убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе Куликовской операціи Дмитрія Донскаго.

Мало того, тогдашнія условія были таковы, что имѣлись всѣ данныя для того, чтобы и въ будущемъ военное искусство развивалось бы по правильному пути въ соответствии съ требованіями природы вещей.

Къ этимъ благоприятнымъ обстоятельствамъ во второй половинѣ XV вѣка приблизились еще новыя, тѣсно связанная съ личностью и дѣятельностью послѣдняго Великаго князя Московскаго, Іоанна III.

Великій князь Василій II Темный, послѣдній изъ Великихъ Московскихъ князей указанного періода, умирая, въ 1462 г., по завѣщанію передалъ Великое княжество своему старшему сыну, Іоанну, отказавъ ему значительно большую часть своихъ владѣній, но не надѣливъ его, однако, никакими преимущественными политическими правами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому времени Московское княжество еще не вобрало въ себя удѣльныхъ княжествъ Тверскаго, Ярославскаго, Рязанскаго и Ростовскаго. Независимы отъ Москвы были еще и вольныя общины Новгородъ, Псковъ и Вятка. Кроме того, юго-западная Русь была подъ властью соединенныхъ Польши и Литвы.

Такимъ образомъ, въ 1462 г. процессъ обращенія удѣльнаго Московскаго Великаго княжества въ единое національное русское государство съ единодержавной верховной властью еще не былъ сполнѣ законченъ, хотя на этомъ пути было уже сдѣлано очень много.

При такихъ-то обстоятельствахъ въ 1462 г. Великокняжескій Московскій столъ занимаетъ сынъ Василія II, Іоаннъ III, человекъ умный, дѣятельный, съ твердымъ характеромъ, рѣшительный, умѣющій

разобраться въ обстановкѣ и дѣйствовать сообразно съ нею, но при всемъ томъ чловѣкъ осторожный и въ высшей степени выдержанный. При такихъ своихъ качествахъ естественно, что Іоаннъ III, воспринявъ основную идею своихъ предшественниковъ, съ успѣхомъ могъ продолжать ихъ дѣятельность.

Такъ дѣйствительно и было, причемъ первыя и главнѣйшія усилія Іоанна III были направлены на увеличеніе территоріи Московскаго княжества.

Дѣятельность Іоанна III въ этомъ отношеніи была крайне успѣшна.

Сынъ и наслѣдникъ Іоанна III, Василій III, который по личному своему характеру весьма напоминалъ отца, продолжалъ его политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

Результатомъ этого было то, что ко времени смерти Василія III Москва прочно владѣла территоріей, простирающейся отъ Печоры и Сѣвернаго Урала до устьевъ Невы и Наровы и отъ Васильурска на Волгѣ до Любеча на Днѣпрѣ.

При восшествіи на Великокняжескій столъ Іоанна III московская территорія заключала въ себѣ около 16000 кв. миль; пріобрѣтенія же Іоанна III и его сына увеличили эту территорію до 40000 кв. миль.

Слѣдствіемъ успѣховъ Іоанна III и Василія III въ дѣлѣ расширенія территорій Московскаго княжества явилось во 1-хъ, объединеніе всѣхъ земель, населенныхъ великорусскою народностью, подъ властью одного Великаго князя Московскаго, и во 2-хъ, измѣненіе внѣшняго положенія Московскаго княжества, такъ какъ съ этихъ поръ оно непосредственно соприкасается съ иноземными государствами, а именно: на сѣверѣ и сѣверо-западѣ — съ владѣніями Швецовъ, на западѣ — съ дивонскими владѣніями и Литвой, на юго-западѣ — съ Литвой, на югѣ — съ Литвой и татарами и на востокѣ — съ татарами.

Эти же два явленія имѣли громадное значеніе для развитія военнаго дѣла на Руси: если первое изъ нихъ давало возможность имѣть сильную многочисленную вооруженную силу, то второе обязывало Московское княжество имѣть такую силу, а Московскихъ князей — заботиться объ ея образованіи и содержаніи.

Наряду съ указанной дѣятельностью Московскихъ князей, Іоанна III и Василія III, начали проявляться: во 1-хъ, открытое влеченіе тѣхъ или другихъ классовъ русскаго населенія къ Московскому княжеству, какъ наиболее сильному, и во 2-хъ, возникновеніе и укрьпленіе общаго религіознаго интереса среди этого населенія, явившіяся слѣдствіемъ противодѣйствія усиленной католической пропаганды въ западной Руси.

Эти два отмѣченныя явленія, въ свою очередь, способствовали болѣе скорому протеканію процесса расширенія территоріи Великаго

княжества Московскаго, придавъ ему характеръ національно-религознаго движенія; это же, въ связи съ другими данными обстановки, приводитъ къ тому, что вся великорусская народность соединяется подъ одной государственной властью и такимъ образомъ, единство національное соединяется теперь съ единствомъ государственнымъ, и прежнія народныя сочувствія, тянувшія Русь къ Москвѣ, теперь превратились въ политическія связи.

Повторяя за профессоромъ Ключевскимъ, можно сказать, что завершеніе территориальнаго собиранія сѣверо-восточной Руси Московскою превратило Московское княжество въ національное Великорусское государство, а Великаго князя Московскаго — въ національнаго великорусскаго государя.

Все это неминуемо должно было отразиться на военномъ дѣлѣ, такъ какъ приводило не только къ возможности имѣть сильную и многочисленную армію, но и армію, однообразную по составу, вполне національную, проникнутую высокимъ чувствомъ патриотизма, основаннаго на сознаніи принадлежности къ великой націи, составляющей единое могущественное государство, на любви къ этому государству, на преданности своимъ государямъ и приверженности къ своей религіи.

Развитіе національнаго самосознанія, въ связи съ накопленіемъ матеріальныхъ средствъ, приводитъ къ тому, что идея о полномъ освобожденіи отъ татарскаго ига, всегда игравшая немаловажную роль въ дѣятельности Великихъ Московскихъ князей, теперь окончательно выдвигается на первый планъ и при несомнѣнномъ влияніи второй жены Іоанна III, Софьи Палеологъ, въ 1480 году получаетъ наконецъ, полное свое осуществленіе.

Освобожденіе отъ татарскаго ига, сдѣлавъ Русь вполне самостоятельной, прежде всего, очевидно, подняло ея духъ, укрѣпило ея политическое самосознаніе и, въ связи съ расширеніемъ ея предѣловъ, привело къ развитію болѣе широкихъ политическихъ притязаній Московскихъ Великихъ князей, притязаній, стремившихся возвысить какъ международное положеніе Руси, такъ и власть, и положеніе ея государей.

Вслѣдствіе этого со времени Іоанна III Московское государство заводитъ сложныя дипломатическія сношенія съ иноземными западно-европейскими государствами, Польшею, Литвою, Швеціею, съ орденами, Тевтонскимъ и Ливонскимъ, съ Императоромъ Германскимъ и др.

Наряду съ этимъ Московскій государь сталъ заявлять требованіе, чтобы всѣ части русской земли вошли бы въ составъ его вѣчщины, что и привело къ вѣковой борьбѣ двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, Руси и Польши. Наконецъ, подъ влияніемъ тѣхъ же обстоятельствъ и въ сознаніи, что свободное развитіе государства

во всех проявленіяхъ его матеріальной и духовной жизни возможно лишь при тѣсномъ сближеніи съ другими, болѣе культурными странами, Московскіе государи въ программу своей политики вносятъ идею стремленія къ обладанію моремъ, изъ котораго былъ-бы свободный выходъ.

Указанныя измѣненія какъ въ сферѣ внѣшней политики, такъ и въ ея программѣ, приводя къ необходимости вести вооруженную борьбу съ тѣми или другими чужеземными народами, по большей части болѣе культурными и обладающими устроенной вооруженной силой, неминуемо влекли за собой обязательство и для Московскихъ государей содержать боевыя силы, въ достаточномъ числѣ и соответственно устроенныя.

При такихъ условіяхъ ограничиваться вооруженной силой, бывшей на Руси до сего времени, Московскіе государи не могли и, уже начиная съ Іоанна III, они стремятся къ развитію ея какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ качественномъ. Это-же стремленіе, въ связи съ условіями, въ которыхъ оказалась Русь вслѣдствіе своего земельного расширенія и изъ которыхъ важнѣйшимъ нужно признать необходимость постоянной обороны теперь уже обширныхъ границъ, и вызвало стремленіе, для скорѣйшаго изготовленія войскъ къ походу, имѣть въ постоянной готовности хотя-бы небольшую ихъ часть. Результатомъ-же этого является увеличеніе числа войскъ вообще, увеличеніе числа видовъ войскъ по назначенію, видоизмѣненіе способа комплектованія войскъ, а значить, и ихъ состава, появленіе войскъ, которыя не собираются лишь въ минуту необходимости, а существуютъ постоянно.

Наконецъ, необходимо еще отмѣтить одинъ результатъ указанныхъ явленій: внѣшнія войны съ западно-европейскими народами приводятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ ними, слѣдствіемъ чего неминуемо должно было явиться вліяніе военного искусства этихъ народовъ на русское военное искусство.

Впрочемъ, это явленіе въ разсматриваемую эпоху было еще незначительно: ближайшіе западные сосѣди Руси предвидѣли уже въ ней опаснаго соперника и потому всѣми мѣрами и силами стремились къ тому, чтобы на возможно болѣе продолжительное время изолировать быстро развивавшуюся Русь и не дать ей возможности воспользоваться плодами культурной работы болѣе цивилизованнаго запада.

Въ направленіи того-же воздѣйствія на устройство вооруженныхъ силъ Московскаго княжества дѣйствовали еще и слѣдующія обстоятельства, ускоряя процессъ ихъ развитія по навѣченному пути:

Приобрѣта средства и почувствовавъ силу, Іоаннъ III, хотя, быть можетъ, еще и смутно, но сознавалъ, что значеніе его, какъ государя,

значительно возрасло. Воплиъ естественнѣо поэтому появленіе у него мысли, что измѣненіе его значенія, какъ государя, должно непремѣнно вести за собой и измѣненіе въ обстановкѣ его окружающей.

Первымъ результатомъ такого убѣжденія является его второй бракъ съ племянницею послѣдняго Византійскаго Императора, Софіей Фоминишной Палеологъ.

Слѣдствіемъ этого брака прежде всего было зарожденіе мысли, что Софія, будучи царевной Византійской, выйдя замужъ за Московскаго князя, тѣмъ самымъ сдѣлала его преемникомъ Византійскихъ Императоровъ, передавъ ему заботы объ интересахъ православнаго востока, лежавшія на этихъ Императорахъ.

Усвоивъ эту мысль, Іоаннъ сталъ считать, что внѣшнія формы его окружающія, совершенно не соотвѣтствуютъ внутреннему значенію его положенія. Отсюда стремленіе украсить свою столицу, введеніе сложнаго придворнаго церемоніала, особый торжественный языкъ въ дипломатическихъ актахъ, появленіе пышнаго титула, различныхъ сказаній, удостовѣряющихъ древность и знатность рода Іоанна III, и наконецъ, заявленіе о божественномъ происхожденіи власти Русскаго Великаго князя.

Вотъ эти измѣненія во внѣшней обстановкѣ Великихъ Московскихъ князей наряду съ болѣе существенными, указанными выше причинами и оказывали вліяніе на состояніе и развитіе военнаго искусства на Руси. Каждая частнѣсть этихъ измѣненій, являясь результатомъ старанія возвысить значеніе Московскаго Великаго князя, какъ государя, въ свою очередь, утверждала какъ посителя этого званія, такъ и подвластное ему населеніе въ сознаніи дѣйствительной-важности и значительности Московскаго Великаго князя. Это же требовало установленія и поддержанія соотвѣствующихъ такому положенію Московскаго Великаго князя отношеній съ иностранными государями. Для того же, чтобы имѣть возможность поддерживать такія отношенія, заставить признавать себя тѣмъ, чѣмъ хотѣлось быть, и заставить считаться съ собой, необходимо было имѣть многочисленное и хорошо устроенное войско, причемъ часть его опять-таки должна была быть въ постоянной готовности, другая же часть должна была играть роль войска, имѣвшаго преимущественно назначеніе поддерживать представительство государей.

Положеніе Іоанна III настолько уже возвысилось, что онъ уже имѣлъ возможность, передавая свою власть своему преемнику, старшему сыну, обезпечить за нимъ не только преобладаніе матеріальныхъ средствъ, но и политическихъ правъ. Это повело къ тому, что удѣльные братья Василія III потеряли всякое значеніе.

Однако, освободиться окончательно отъ удѣльныхъ началъ не могъ не только Іоаннъ III и сынъ его, Василій III, но даже и

знаменитый впуск его, Иоанн IV. Дѣло въ томъ, что немнѣшше уже почти никакихъ правъ и потому почти вполнѣ безопасные сами по себѣ удѣльные князья не переставали все-же быть вредными при тогдашнихъ условіяхъ и при складѣ общества того времени. Какъ говоритъ профессоръ Ключевскій, „удѣльныя преданія были еще слишкомъ свѣжи и кружили слабыя головы при всякомъ удобномъ случаѣ. Удѣльный князь былъ крамольникъ если не по природѣ, то по положенію: за него цѣплялась всякая интрига, заплетавшаяся въ обродной придворной толпѣ“.

Это обстоятельство приводило къ тому, что затруднялось установленіе поднаго единодержавія и являлись поводы и благоприятная почва къ смутамъ, что, конечно, препятствовало установленію правильныхъ началъ въ военномъ искусствѣ. Но еще болѣе неблагоприятныя обстоятельства для послѣдняго создавались тѣмъ положеніемъ, которое мало по малу заняло въ Московской Руси боярство, и тѣми послѣдствіями, которыя явились результатомъ этого положенія.

Съ половины XV вѣка московское боярство состояло: изъ потомковъ бывшихъ Великихъ князей русскихъ и литовскихъ, которые составляли большинство и мало по малу заняли всѣ должности во всѣхъ отрасляхъ московскаго управленія, затѣмъ изъ потомковъ значительныхъ удѣльныхъ князей и знатнѣйшихъ фамилій стариннаго московскаго боярства и, наконецъ, изъ потомковъ мелкихъ удѣльныхъ князей, второстепенныхъ московскихъ бояръ и бояръ изъ различныхъ княжествъ.

Такой составъ новаго московскаго боярства привелъ къ новому взгляду его на свое политическое значеніе. Слѣдствіемъ же этого явилась съ одной стороны особенность взаимныхъ отношеній между отдѣльными членами боярства, а съ другой стороны,—особенность отношеній боярства къ Великому князю. То и другое, неблагоприятно отражаясь на жизни государства вообще, особенно вредно вліяло на военное дѣло на Руси.

Новые титулованные московскіе бояре, потомки князей Великихъ и удѣльныхъ, не будучи въ состояніи забыть свои прежнія права и преимущества, установили на себя взглядъ какъ на собраніе наследственныхъ и общепризнанныхъ властителей русской земли, а на Москву—какъ на сборный пунктъ, откуда они, по прежнему, будутъ править русской землей, только не по частямъ и не въ одиночку, какъ правили ихъ предки, а совместно и совокупно.

Установивъ на себя и на свое значеніе такой взглядъ, новое московское боярство, очевидно, должно было опредѣлить степень участія cadaго своего члена въ дѣлѣ управленія русской землей. Это же приводило къ особому порядку служебныхъ отношеній между различными боярскими родами. Въ основу такого порядка, который

назывался мѣстничествомъ, были положены не личныя качества различаемыхъ лицъ, а относительное служебное значеніе фамиліи служилыхъ людей и генеалогическое положеніе каждаго изъ нихъ въ своей фамиліи.

Вслѣдствіе-же этого іерархическое отношеніе между сослуживцами не могло устаиваться при ихъ назначеніи на должность по усмотрѣнію назначавшей ихъ власти, а заранѣе указывалось помимо нея, фамильнымъ положеніемъ назначаемыхъ.

Такое фамильное значеніе лицъ по отношенію къ другимъ лицамъ какъ своей собственной, такъ и чужихъ фамилій называлось отчествомъ и пріобрѣтенное предками становилось наследственнымъ достояніемъ всѣхъ членовъ фамиліи.

Естественно, что на устройствѣ вооруженныхъ силъ Руси того періода мѣстничество должно было отражаться весьма вредно: верховная власть не могла назначить на какую-либо должность лицо, ей желательное и способное къ исправленію этой должности, а при назначеніи на различныя должности, находящіяся между собой въ іерархическомъ отношеніи, трудно было составить подборъ лицъ, который предусматривалъ-бы всѣ разнообразныя генеалогическія и разрядныя отношенія, примирялъ-бы всѣ возможныя фамильныя притязанія.

Съ другой стороны, во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ должностныхъ лицъ неминуемо должны были происходить недоразумѣнія, являющіяся слѣдствіемъ личныхъ счетовъ. Въ особенности это становилось вреднымъ, когда знатные молодые дворяне мѣстничались съ полковыми воеводами, къ которымъ ихъ прикомандировывали для несенія той или другой службы. Къ тому-же эти недоразумѣнія могли возникнуть какъ разъ въ то время, когда нужно было не пререкаться, а дѣйствовать.

Невыгоды мѣстничества увеличивались еще тѣмъ, что, ограничивая верховную власть въ правѣ подбора подходящихъ проводниковъ и исполнителей своей воли, оно неминуемо поселяло рознь между верховной властью и боярствомъ и подготавливало между ними вражду.

Интересы Великаго князя и бояръ, до сего времени совпадавшіе, стали различны: въ то время, какъ Московскій Великій князь пріобрѣлъ значеніе національнаго государя съ широкой властью, бояре составили правительственный классъ съ притязательными политическими стремленіями и со стѣснительной для верховной власти сословной организаціей.

Естественно, что, почувствовавъ себя государемъ объединенной Великой Руси, Великій князь Московскій не могъ мириться съ новыми

притязаніями на раздѣлъ власти. Отсюда и вышелъ рядъ столкновеній между Московскимъ государемъ и его боярами.

При этихъ столкновеніяхъ бояре, признавая самодержавную власть Московскаго государя, настаивали на необходимости и пользѣ участія боярства въ управленіи страной; московскіе-же Великіе князья не желали признавать боярство, какъ политическую силу, и смотрѣли на бояръ, какъ на людей, только служащихъ при дворѣ. Поэтому они не считали нужнымъ стѣсняться ихъ мнѣніями и руководиться ихъ совѣтами.

Столкновенія и пререканія между боярами и Великимъ княземъ были уже значительны при Іоаннѣ III, сильно возрасли при Василіи III и достигли своего высшаго развитія при Іоаннѣ IV, который больше, чѣмъ кто-нибудь другой считалъ себя самодержавнымъ государемъ и потому менѣе другихъ былъ склоненъ уступать боярамъ, хотя бы малѣйшую частіцу своей власти.

Въ царствованіе Іоанна IV образовался боярскій кружокъ, который, подъ руководствомъ попа Сильверста и Алексѣя Адашева, пытался ограничить царскую власть, присвоивъ часть ея себѣ.

Понявъ политику бояръ именно такимъ образомъ, Іоаннъ IV, отстаивая принципъ единовластія, какъ основаніе государственной силы и порядка, рѣшилъ дать имъ самый рѣзкій отпоръ. Такое рѣшеніе, и привело къ созданію такъ называемой опричнины.

Съ этой точки зрѣнія опричнина имѣла глубокій политическій смыслъ, такъ какъ имѣла цѣлью уничтожить традиціонныя права и преимущества потомства удѣльныхъ князей.

Цѣль эта достигалась слѣдующимъ образомъ:

Былъ учрежденъ особый Государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго, московскаго, двора. Для содержанія его взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины, черезполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управленія и получившими названіе „земщины“.

Съ теченіемъ времени территорія опричнина все болѣе и болѣе расширялась и въ концѣ концовъ охватила половину государства, причемъ земли отбирались въ опричнину, такъ что въ опричномъ управленіи мало по малу собрались старыя удѣльныя земли, исконныя владѣльцы которыхъ возбуждали особый гнѣвъ и подозрѣніе Государя.

Еще въ 1550 г. Іоаннъ IV, выбралъ 1000 человекъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ далъ помѣстья кругомъ и вблизи Москвы, чтобы имѣть подъ рукой достаточную боевую силу, главнымъ образомъ, впрочемъ, для борьбы противъ внутреннихъ враговъ.

Затѣмъ, Іоаннъ, отбирая въ опричнину земли, владѣтелей ихъ сажалъ на новыя земли по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, а на ихъ мѣсто водворялъ другихъ князей и бояръ, которыхъ зачис-

лялъ въ опричнину и такимъ образомъ ставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ.

Слѣдствіемъ этого явилось то, что высшая знать, составленная изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, была сравнена съ оставшимися служилыми людьми, почему мало по малу искоренялись все слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были исчезнуть и остатки удѣльныхъ дружинъ, съ которыми потомки князей раньше приходили на государеву службу.

Съ другой стороны, выселая владѣльцевъ съ ихъ земель, отходящихъ въ опричнину, Иоантъ поселялъ ихъ обыкновенно на пограничныхъ земляхъ, наиболѣе угрожаемыхъ враждебными сосѣдями. Но поселяя ихъ на этой землѣ, Иоантъ требовалъ за это службу, т. е. въ это именно время стала развиваться особенно сильно помѣстная система. Такому развитію способствовала также и необходимость имѣть значительную вооруженную силу.

Такимъ образомъ, имѣя громадное значеніе въ общей жизни государства, опричнина оказала вліяніе и на военное дѣло на Русь того времени: прежде всего подчиненіе боярства Великому князю устанавливало столь необходимое для организаціи вооруженной силы единовластіе; уничтожая привилегіи княжатъ, достигали единства воиска; переселяя владѣющихъ земель въ пограничные области на особыхъ условіяхъ, развивали помѣстную систему; наконецъ, опричнина являлась до нѣкоторой степени постояннымъ войскомъ, хотя и безъ какой-бы то ни было заблаговременной подготовки.

Впрочемъ, опричнина была скоро уничтожена, выполнивъ свою главнѣйшую задачу низведенія боярства къ весьма незначительному вліянію и значенію.

Такимъ образомъ, обстоятельства, въ которыхъ жила и развивалась Русь во второй половинѣ XV и въ теченіе всего почти XVI вѣка, отражались на устройствѣ вооруженныхъ силъ слѣдующимъ образомъ: являлась необходимость и полная къ тому возможность содержать сильную армію. Армія эта могла быть вполне однообразной по составу, національной въ строгомъ смыслѣ этого слова, а потому обладающей высокими нравственными качествами. Необходимость имѣть значительную армію приводитъ къ появленію новыхъ родовъ войскъ по назначенію и по способу ихъ комплектованія. Появляется сознаніе необходимости имѣть постоянный войска. Создается возможность вліянія на военное искусство въ Россіи запада, хотя вліяніе пока еще очень слабое. Не представляется возможнымъ, въ виду мѣстничества, установить правильное управленіе войсками, а недружелюбныя отношенія боярства и Великаго князя до образованія опричнины мѣшали образованію вполне единого войска.

2) Устройство вооруженных сил.

Составъ войска по порядку образованія и по роду службы.

Еще въ удѣльные вѣка князья, чтобы привязать къ себѣ дружинниковъ, раздавали имъ земли съ обязательствомъ за это служить. Однако, такая рѣадача въ то время была крайне ограничена, тѣмъ какъ власть князей была не прочна, а земельныя ихъ богатства — незначительны.

Между тѣмъ, указанныя выше условія, какъ уже было замѣчено, вызвали необходимость имѣть многочисленную вооруженную силу. Для содержанія этой силы прежніе источники — денежное жалованье, вотчины и кормленіе — были уже недостаточны. Приходилось изыскивать новые источники. Такимъ источникомъ въ рукахъ Московскаго государя въ то время могли быть, какъ результатъ успѣшнаго собиранія Руси, только обширныя пространства земли, населенной крестьянами. Только этотъ капиталъ онъ и могъ пустить въ оборотъ для обезпеченія своихъ служилыхъ людей. Вслѣдствіе этого служилымъ людямъ Московскій государь и даетъ земли въ личное и временное, обыкновенно пожизненное владѣніе на особомъ правѣ, обуславливаемомъ военной службой.

Эти земельныя дачи, являясь вознагражденіемъ за службу и въ то же время средствомъ для нея, уже въ XV вѣкѣ получили названіе помѣстій, а служба, выполняемая подъ условіемъ владѣнія такими земельными дачами, — помѣстной; составленное же изъ лицъ, владѣющихъ помѣстьями на указанныхъ условіяхъ, войско называлось помѣстнымъ войскомъ.

Къ концу XVI вѣка правила раздачи земель въ помѣстное владѣніе создали стройную и сложную систему, которая сложилась слѣдующимъ образомъ:

Всѣ служилые люди раздѣлились на два разряда: къ первому принадлежали высше чины, владѣвшіе помѣстьями близъ Москвы, а также выборные изъ другихъ городовъ. Этотъ разрядъ составлялъ Московскій дворъ. Второй разрядъ составляли низше чины, владѣвшіе помѣстьями вдали отъ Москвы, преимущественно тамъ, гдѣ служили, и называвшіеся городскими или уѣздными дворянами и дѣтми боярскими.

Мѣра службы съ земли, т. е. тяжесть воинской повинности, падавшей на служилого человека, по его землѣ, по закону 20 сентября 1555 г. была слѣдующая: съ каждыя 100 четвертей, т. е. съ 200 десятинъ хорошей пахотной земли долженъ былъ являться въ походъ одинъ ратникъ „на конѣ и въ доспѣхъ полномъ“, а въ

дальній походъ — съ двумя конями. Землевладѣльцы, у которыхъ было больше 200 десятинъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, выводили съ собой въ походъ или выставляли, если не шли сами, соразмѣрное папѣ количество вооруженныхъ дворовыхъ людей.

Количество земли, даваемое на помѣстномъ правѣ, т. е. помѣстные оклады были весьма разнообразны. При этомъ новику, начпнавшему службу, обыкновенно давали не весь окладъ сразу, а только часть его, дѣлая потомъ прибавки по службѣ. Поэтому оклады отличались отъ дачъ. Размѣры тѣхъ и другихъ опредѣлялись различными условиями, но всегда оклады были прямо пропорціональны чинамъ: чѣмъ выше чинъ служилаго человѣка, тѣмъ крупнѣе его помѣстный окладъ. Что касается размѣра дачи, то онъ обуславливался размѣромъ вотчины и продолжительностью службы; дачи были обратно пропорціональны вотчинамъ: чѣмъ значительнѣе была вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстная дача, ибо помѣстье было замѣной или только подспорьемъ вотчины.

Наконецъ, и къ окладу, и къ дачѣ дѣлались придачи по продолжительности и исправности службы.

Всѣ эти условія схематически профессоръ Ключевскій выражаетъ такъ: „окладъ — по чину, дача — по вотчинѣ и продолжительности службы, придача и къ окладу, и къ дачѣ — по количеству и качеству службы.

Сверхъ помѣстнаго оклада служилые люди получали еще и денежное жалованье. При этомъ денежные оклады, подобно помѣстнымъ, не всегда соответствовали дѣйствительнымъ дачамъ и были связаны съ характеромъ и ходомъ самой службы. Люди высшихъ чиновъ, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые, получали назначенные имъ денежные оклады сполна и ежегодно; напротивъ, дѣти боярскія городовыя получали его не каждый годъ, а одинъ разъ въ три, четыре, а то и пять лѣтъ.

Точно такъ же денежный окладъ выдавался съ убавкой, напримѣръ, на-половину, а то и совсѣмъ не выдавался, если служилый человѣкъ занималъ должность, дававшую ему доходъ или освобождавшую его отъ исполненія донской повинности.

Помѣстное верстаніе, т. е. надѣленіе новыхъ дворянъ помѣстнымъ окладомъ и привлеченіе ихъ такимъ образомъ къ отбыванію воинской повинности производилось такъ:

Въ XVI вѣкѣ служба дворянина, которая по судебнику 1550 г. была наследственной и обязательной, начпналась обыкновенно съ 15-ти лѣтъ. До этого онъ числился въ недоросляхъ. Выросшій для службы и записанный въ служилый списокъ, онъ становился новикомъ. Тогда его, смотря по первымъ служебнымъ опытамъ, верстади помѣстьемъ, а по дальнѣйшимъ успѣхамъ — и денежнымъ окладомъ.

сначала повиннымъ. Впослѣдствіи къ этому окладу за службу дѣлали прибавки. При этомъ верстаніе новиковъ было двойное: въ отводъ и въ припускъ. Старшихъ сыновей, готовыхъ для службы, когда отецъ еще самъ служилъ, верстали въ отводъ, отдѣляли отъ отца, надѣляя ихъ особыми помѣстьями; одного изъ младшихъ, который начиналъ службу, когда самъ отецъ уже не могъ служить, припускали къ нему въ помѣстье, какъ замѣстителя, который по смерти отца вмѣстѣ съ землей долженъ былъ наследовать и его служебныя обязанности. Обыкновенно такой сынъ еще при жизни отца ходилъ за него въ походы. Иногда нѣсколько сыновей владѣли совместно отцовымъ помѣстьемъ, имѣя въ немъ свои доли.

Помѣстная система, основанная на только-что изложенныхъ началахъ, давала возможность московскому правительству въ любой моментъ на время войны или въ ожиданіи нашествія непріятеля въ свою страну собирать временныя конныя ополченія изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, численностью отъ 80 до 100 т. чел. и носившія названіе помѣстной дворянской конницы.

Необходимость постоянной охраны границы государства, которое теперь непосредственно соприкасалось съ различными иноземными народами, заставила увеличить родъ войскъ, называемый городовыми казаками.

Городовые казаки, какъ извѣстно, образовались изъ вольныхъ людей, поселившихся въ городахъ; сначала имъ за ихъ службу платили денежное жалованье, а со времени Іоанна IV имъ стали давать помѣстья въ пограничныхъ областяхъ, обязывая ихъ за это службой, одинаковой съ дворянами и дѣтьми боярскими. Такимъ образомъ, городовые казаки со времени Іоанна IV также становятся помѣстными войсками, но постоянными. Они были преимущественно конные и употреблялись почти исключительно для охранительной и развѣдывательной службы.

Послѣ покоренія татарскихъ царствъ въ концѣ разсматриваемаго періода на службу Московскимъ государямъ стали приниматься татары, принявшіе христіанство, такъ называемые новокрещены, затѣмъ татарскіе мураи и татарскіе князья. Вступая на службу, они получали также помѣстные оклады и жалованье, но въ меньшемъ размѣрѣ, нежели дворяне.

Сознаніе необходимости имѣть постоянно наготовѣ хотя бы небольшую часть войскъ для отраженія внезапныхъ вторженій протнвника, для усмиренія внутреннихъ мятежей, являвшихся слѣдствіемъ враждебныхъ отношеній боярства и Московскаго государя, для охраны государя и его двора и, наконецъ, для представительства, требуемаго новымъ взглядомъ Московскихъ государей на свое

значение, привело Иоанна IV къ созданию постоянной пѣхоты, которая, вслѣдствіе своего вооруженія, стала называться стрѣльцами.

Стрѣльцы собирались изъ вольныхъ людей хорошаго поведенія, получали во владѣніе, подобно городовымъ казакамъ, участки земли близъ городовъ; за что и обязаны были служить постоянно, пожизненно и наследственно.

Стрѣльцы были пѣшими, и только лучшіе изъ нихъ составляли особый конный отрядъ и назывались стремившими.

Такимъ образомъ, стрѣльцы были также помѣстными войсками, но пѣшими и постоянными.

Въ мирное время они составляли гарнизоны Москвы и пограничныхъ городовъ. Жили они въ особыхъ слободахъ, пользуясь различными льготами и получая, кромѣ помѣстнаго участка, еще и денежное жалованье.

Общее число стрѣльцовъ къ концу XV стол. было около 12000 чел.

Болѣе широкое распространеніе на Руси огнестрѣльнаго оружія, входящаго въ составъ наряда, необходимость наличности нѣкотораго знанія для службы при нарядѣ вынудили имѣть на постоянной службѣ особыхъ людей, подготовленныхъ къ обращенію съ различнаго рода артиллерійскими орудіями. Вслѣдствіе этого при Иоаннѣ IV въ городахъ появляется особое сословіе пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, плотниковъ и кузнецовъ.

Всѣ эти служилые люди также получали земельные участки, за что обязаны были постоянной, пожизненной и потомственной службой. Они селились въ городахъ особыми слободами, пользовались нѣкоторыми преимуществами и составляли родъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, представляя собой отдѣльный цехъ.

Помѣстная войска, мало по малу увеличиваясь численно, къ концу XVI столѣтія (царствованія Иоанна IV) составляла главнѣйшую составную часть русской вооруженной силы.

Какъ ни многочисленны были помѣстная войска особенно къ концу рассматриваемаго періода, но широкая внѣшняя политика и притязательный взглядъ на свое значеніе Московскихъ государей приводили къ тому, что помѣстныхъ войскъ для рѣшенія задачъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики было недостаточно.

Вслѣдствіе этого въ минуту надобности выставлялось ополченіе изъ крестьянъ. Ратники, составлявшіе эти ополченія, брались по одному съ известнаго числа дворовъ и назывались даточными людьми.

Даточные люди призывались или пѣшими, или конными. Они, въ сущности говоря, представляли собой родъ войскъ, который можетъ быть приравненъ къ древне-русскимъ воямъ. О численности даточныхъ можно судить по тому, что въ полоцкомъ походѣ Иоанна IV въ 1563 г. ихъ было до 80 т. чел.

Кромѣ указанныхъ войскъ, въ составъ русской армии, начиная съ половины XVI вѣка, входятъ казаки донскіе, гребенскіе, терскіе, волжскіе и яицкіе.

Казаки, являясь выходцами, недовольными существующими порядками, жили на окраинахъ государства, на земляхъ, захваченныхъ ими по собственной инициативѣ, и сначала мало зависѣли отъ Москвы.

Въ Москвѣ смотрѣли на нихъ скорѣе какъ на союзниковъ, чѣмъ на войска, состояща въ непосредственномъ распоряженіи государства.

Иоаннъ IV особенно покровительствовалъ донскимъ казакамъ, давалъ имъ жалованье и предоставилъ имъ нѣкоторыя льготы по торговлѣ.

Наконецъ, необходимо упомянуть, что въ составъ русскаго войска разсматриваемаго періода входитъ иноземное войско.

Учрежденіе этого войска принадлежитъ Иоанну IV, и первоначальная цѣль найма иноземцевъ было желаніе образовать царскихъ тѣлохранителей и имѣть разныхъ техниковъ преимущественно для артиллерійскаго и инженернаго дѣла. Впрочемъ, сначала ихъ было очень немного.

Значеніе вооруженной силы иноземцы приобрѣтаютъ не раньше царствованія сына Грознаго, Федора, и въ особенности—при преемникѣ его, Борисѣ Годуновѣ. Въ это время они составляли отдѣльные отряды и входили въ составъ армии государства.

Такимъ образомъ, по порядку образованія въ составъ вооруженной силы Руси въ періодъ съ половины XV и почти до конца XVI вѣка входили слѣдующія войска:

во 1-хъ, ПОМѢСТНЫЯ ВОЙСКА, которыя, въ свою очередь, раздѣлялись на:

- а) Ополченіе изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ.
- б) Татарское ополченіе.
- в) Горбодовыхъ казаковъ.
- г) Стрѣльцовъ.
- д) Пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ.

Во 2-хъ, ДАТОЧНЫЕ ЛЮДИ.

Въ 3-хъ, КАЗАКИ НЕПОМѢСТНЫЕ, и

въ 4-хъ, ЗАЧАТКИ ИНОЗЕМНЫХЪ ВОЙСКЪ.

По роду службы означенныя войска можно раздѣлить: во 1-хъ, на временныя ополченія, и во 2-хъ, на войска, близкія по типу къ постояннымъ.

Къ первымъ нужно отнести: а) ополченіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; б) татарское ополченіе и в) даточныхъ людей.

Ко вторымъ нужно отнести: а) городовыхъ казаковъ; б) стрельцовъ; в) пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ; г) непомѣстныхъ казаковъ и д) ипомежные войска.

Составъ войска по родамъ.

По родамъ войскъ вооруженія силы Руси разсматриваемаго періода могутъ быть раздѣлены на: а) конницу, б) пѣхоту, в) артиллерію и г) инженеровъ.

Конница была главнымъ, многочислѣннѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ на Руси въ описываемую эпоху. Въ составъ конницы входили: а) ополченіе дворянское и изъ дѣтей боярскихъ, б) татарское ополченіе, в) казаки городове, г) казаки непомѣстные и д) даточные люди.

Дворяне составляли самый важный разрядъ въ русской конницѣ. По служебнымъ правамъ они со времени Іоанна Грознаго дѣлились на московскихъ дворянъ, жильцовъ и городовыхъ дворянъ.

Московскіе дворяне и жильцы (люди московскаго чина) составляли особый государевъ полкъ, который обязанъ былъ сопровождать государя, если онъ участвовалъ въ походѣ. Если же государь въ походѣ не участвовалъ, то одна половина его полка оставалась въ Москвѣ, а другая шла въ походъ, составляя особый отрядъ при Большомъ полку.

Въ мирное время московскіе дворяне и жильцы, чередуясь по-полугодно, жили въ Москвѣ и несли службу при дворѣ.

Государевъ полкъ представлялъ собой оборонную рать и отличался богатствомъ оружія, одежды и добротой коней.

Городовые дворяне назывались по имени города, къ которому они были приписаны. Они дѣлились на три статьи и пользовались служебными правами, меньшими сравнительно съ дворянами московскаго чина.

Въ военное время дворяне различныхъ статей назначались на различныя должности военной іерархіи, причемъ чѣмъ выше былъ классъ дворянъ, тѣмъ на болѣе высшія должности они назначались.

Послѣ дворянъ слѣдующій разрядъ русской конницы составляли дѣти боярскія. Они также дѣлились на три статьи.

На дѣтяхъ боярскихъ вмѣстѣ съ городовыми дворянами лежала обязанность обороны пограничныхъ городовъ и несенія сторожевой службы вдоль нашихъ границъ.

В мирное время имъ поручались также различныя второстепенныя должности мѣстной администраціи.

Дворяне и дѣти боярскія, являясь на войну, обязаны были приводить съ собою нѣкоторое число слугъ. Эти дворянскіе слуги не сражались подъ одними знаменами съ дворянами, а несли отдѣльную службу по сопровожденію обоза, по фуражировкамъ и т. п. второстепеннымъ дѣйствіямъ; на нихъ возлагался также и уходъ за конскимъ составомъ и вообще служба при табунахъ.

Наряду съ дворянской конницей необходимо поставить и упомянутую татарскую конницу, которая служила на тѣхъ-же основаніяхъ.

Третій разрядъ русской конницы составляли городовые казаки, которые являлись въ составъ полевыхъ ратей конными изъ пограничныхъ городовъ, гдѣ они состояли на службѣ и въ мирное время.

Четвертый разрядъ конницы составляли конные даточные люди, снаряженные, вооруженные и снабженные всѣми видами довольствій, кто ихъ выставлялъ. Они призывались какъ для гарнизонной службы въ городахъ, такъ и для полевой службы; въ послѣднемъ случаѣ, лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ назначались въ составъ полевой дѣйствующей арміи, но большей частью служили въ ней, какъ рабочая сила и какъ части вспомогательнаго назначенія. Условія, которымъ должны были удовлетворять даточные, не были опредѣлены разъ на всегда, и они опредѣлялись каждый разъ указомъ о сборѣ даточныхъ.

Казаки непомѣстные, составляя часть русской конницы, служили главнымъ образомъ на далекихъ окраинахъ; въ составъ же собственно полевой арміи казаки хотя и встрѣчались, но не часто и не въ значительномъ числѣ.

Пѣхоту русской арміи разсматриваемаго періода прежде всего составляли стрѣльцы.

Вооруженные лучше всѣхъ другихъ пѣшкихъ ратниковъ и болѣе привычные къ употребленію оружія, стрѣльцы были лучшей пѣхотой въ составъ нашихъ войскъ того времени. Особенно хорошо они дѣйствовали при осадѣ и оборонѣ городовъ.

Кромѣ стрѣльцовъ, пѣхоту составляли еще пѣшіе городовые казаки и пѣшіе даточные люди.

Пѣшіе городовые казаки составляли гарнизоны пограничныхъ городовъ, но также входили и въ составъ полевыхъ ратей, вступавшихъ въ походъ.

Въ боевыхъ качествахъ пѣшіе городовые казаки, которыхъ въ общемъ было немного, не уступали стрѣльцамъ и вмѣстѣ съ ними образовывали въ составъ нашей пѣхоты самый надежный элементъ.

Пѣшіе даточные люди служили на одинаковыхъ правахъ съ конными. Кромѣ службы въ пѣхотѣ, они употреблялись также при

нарядѣ и обозѣ, и на нихъ возлагалось производство всѣхъ полевыхъ военно-инженерныхъ работъ.

Личный составъ артиллеріи образовывали пушкарѣ, затинщики, воротники, плотники и кузнецы.

Пушкарѣ, болѣе или менѣе знакомые съ артиллерійскимъ дѣломъ и умѣлые въ обращеніи съ тогдашними орудіями, способствовали отличными дѣйствіями наряда и оказывали тѣмъ немалую услугу дѣйствующей арміи при ея операціяхъ.

Затинщики назначались для дѣйствія изъ затинныхъ пищалей, мелкихъ орудій, стрѣлявшихъ пулями.

На обязанности воротниковъ лежало оберегать ворота городскихъ укрѣпленій вмѣстѣ съ находившимся на нихъ пушками.

Плотники и кузнецы назначались для производства различныхъ столярныхъ и кузнечныхъ работъ въ матеріальной части наряда.

Инженерныхъ войскъ, въ собственномъ значеніи этого слова, въ рассматриваемый періодъ на Руси не было. Но уже Іоаннъ III принялъ къ себѣ на службу нѣсколькихъ иностранныхъ инженеровъ, такъ называемыхъ тогда, „размысловъ“.

При осадѣ и оборонѣ городовъ эти размысли приносили русскимъ войскамъ большую пользу; и приглашеніе ихъ въ общемъ въ значительной степени опосредствовало развитію у насъ военно-инженернаго искусства. При Іоаннѣ IV у насъ появляются уже свои русскіе „размыслы“.

Вооруженіе.

Оружіе въ рассматриваемую эпоху, по прежнему, было кападельное (холодное), метательное, (огнестрѣльное) и предохранительное.

Разница, по сравненію съ предшествовавшей эпохой, была только въ томъ, что съ конца XV вѣка огнестрѣльное оружіе стало значительно совершеннѣе; въ то-же время его начали готовить дома, что способствовало болѣе быстрому его распространенію. Ручное огнестрѣльное оружіе того времени составляли пищали. Пищали съ колесно-фитильнымъ замкомъ по наружности походили на кремневая ружья. Онѣ вѣшались за спиной на ремнѣ, почему и назывались завѣшными, а также самопалами и ручницами. Пищали частью изготовлялись дома, частью приобретались въ чужихъ краяхъ, почему и были до крайности разнообразны.

Всѣ принадлежности для стрѣльбы: порохъ, пули, фитиль, носились на особомъ ремнѣ, который надвѣвался черезъ лѣвое плечо и назывался берендѣвкой.

Вооруженіе конницы состояло изъ лука со стрѣлами, топора, княжада, хистена и копій. Наиболѣе богатые конны имѣли сабли.

Предохранительное вооружение конницы было весьма различно въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ: каждый простой воины употребляли главнымъ образомъ тегелы — толстые стеганные на ватъ кафтаны, защищавшіе такъ-же хорошо, какъ и металлическіе доспѣхи, но стоившіе гораздо дешевле.

У начальствующихъ лицъ различныхъ степеней предохранительное вооружение было значительно сложнѣе и въ-общемъ, состоя изъ дѣтъ, кольчугъ, наручей и шлемовъ, было крайне разнообразно, тяжело, сложно и нѣрѣдко мѣшало работѣ всадника.

Случалось иногда, что для облегченія всадника тяжелые доспѣхи и оружіе во время похода были не при войскахъ, а слѣдовали съади на повозкахъ или перевозились на судахъ по рѣкамъ.

Конница сидѣла на малорослыхъ, но крѣпкихъ лошадяхъ погайской породы. Конское снаряженіе было подобно татарскому.

Вооруженіе стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ состояло: изъ пицалы или самопала, меча и бердыша, который въ походѣ вѣшали за спину, а въ строю втыкали передъ собой въ землю. У нѣкоторыхъ воиновъ, кромѣ того, были еще копыя.

Вооруженіе остальныхъ пѣшихъ ратниковъ состояло: холодное — изъ мечей, тесаковъ, совней, рогаatokъ и пр., метательное — изъ саадаковъ и самострѣловъ, и огнестрѣльное — изъ пицалей и самопаловъ.

Что касается предохранительнаго вооруженія, то въ этомъ отношеніи различія между пѣхотой и конницей не существовало.

Обращаясь къ образцамъ орудій, составлявшихъ нашу артиллерию того времени, такъ называемый нарядъ, прежде всего необходимо сказать, что эти орудія со времени Іоанна III начали уже готовиться у себя дома. Это же прежде всего повело къ тому, что число орудій у насъ сильно возрасло и они стали употребляться не только въ крѣпостной войнѣ, но съ 1450 года и въ полевой, входя въ составъ нашихъ полевыхъ ратей.

При Василіи III нарядъ нашъ настолько разросся численно, что для обслуживанія его уже не хватало цеховыхъ пушкарей и ихъ приходилось пополнять дѣточными людьми.

При Іоаниѣ IV у насъ появляются русскіе пушечные мастера, и въ 1547 г. на московскомъ пушечномъ дворѣ были отлиты первыя 16-пудовыя вѣлконейки или соколки, т. е. фальконеты, которые были изобрѣтены въ Италіи въ 1536 г.

Этотъ фактъ съ очевидностью показываетъ, что русская артиллерія въ техническомъ отношеніи въ рассматриваемый періодъ не отставала отъ артиллеріи европейскихъ армій. Это, впрочемъ, подтверждается и свидѣтельствами иностранныхъ писателей, которые говорятъ, что наша

артиллерія того времени нисколько не уступала артиллеріи иностранных государствъ какъ въ числѣ, такъ и въ устройствѣ, и въ дѣйстви.

О числѣ орудій въ русской арміи въ половинѣ XVI вѣка можно судить по тому, что въ арміи Іоанна IV въ его походѣ въ 1552 г. въ Казань, независимо отъ наряда, бывшаго въ различныхъ городахъ, было 150 тяжелыхъ и среднихъ орудій, по считая малыхъ.

Орудія изготовлялись безъ какихъ либо опредѣленныхъ правилъ, только лишь по личному опыту и соображенію мастеровъ, поэтому они были различной конструкціи и калибровъ и имѣли различный вѣсъ и длину.

Въ общемъ, однако, ихъ можно подраздѣлить на четыре главные типа: 1) пищали, назначавшіяся для принудительной стрѣльбы. Онѣ дѣлались вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ и въ нѣсколько сотъ пудовъ. Въ зависимости отъ калибра, вѣса и назначенія пищали получали названіе долгихъ, полуторныхъ, сороковыхъ, затинныхъ и пр. Заряжались пищали частью съ дула и частью съ казны.

2) Пушки верховыя или можеры, т. е. мортиры, назначавшіяся для навѣсной стрѣльбы каменными ядрами и разрывными снарядами. Изготовлялись мортиры возможно большаго калибра, доходившаго до 21 дюйма.

3) Тюфяки, предназначавшіяся для стрѣльбы картечью, хотя иногда изъ нихъ стрѣляли и ядрами.

4) Габуницы или гаубицы, предназначавшіяся для стрѣльбы каменными ядрами и каменнымъ дробомъ.

Всѣ перечисленные типы орудій принадлежали къ разряду гладкостѣшныхъ, но кромѣ гладкостѣнныхъ, въ тогдашней нашей артиллеріи встрѣчались и нарезныя орудія, заряжавшіяся съ казны и носившія названіе винтовальныхъ.

Къ числу винтовальныхъ орудій относились и затинныя пищали, представлявшія собой крѣпостныя ружья, которыя стрѣляли свинцовыми пулями.

Артиллерійскіе снаряды, особые почти для каждаго орудія, были трехъ видовъ:

1) Сплошные, къ которымъ относятся каменные, желѣзные и чугуныя ядра, каменная картечь или дробь и картечь въ пуляхъ въ металлической оболочкѣ.

2) Разрывные или, какъ ихъ тогда называли, „кувшинны съ зельемъ“, состоявшіе изъ металлическаго сосуда, наполннаго порохомъ и снабженнаго приспособленіемъ для воспламененія и

3) Зажигательные снаряды, представлявшіе собой каменныя ядра, облѣпленныя горючимъ составомъ.

Определеннаго раздѣленія артиллеріи на отдѣльные виды не было. Однако, всё орудія нашего наряда по роду ихъ службы можно раздѣлить на артиллерію, осадную, полевую, полковую и крѣпостную.

Осадную артиллерію или стѣнобитный нарядъ составляли орудія наибольшаго калибра (до $2\frac{1}{2}$ пудовъ) и наиболѣе тяжелыя, такъ называемыя стѣнобитныя или стѣноломныя пищали.

Полевую артиллерію составляли орудія, болѣе легкія.

Полковую артиллерію составляли малыя орудія, до 6—8 фунтовъ, приспособленныя къ удобному передвиженію. Они въ небольшомъ числѣ придавались непосредственно войскамъ.

Такимъ образомъ, видно, что полковая артиллерія появляется у насъ гораздо раньше, чѣмъ у Густава Адольфа, котораго обыкновенно считают основателемъ этой артиллеріи.

Крѣпостная артиллерія или городской нарядъ составлялись изъ орудій, размѣщенныхъ по городамъ и крѣпостямъ. Составъ ея былъ крайне разнообразенъ и въ то-же время самый многочисленный.

Артиллерія разсматриваемаго періода не представляла собой отдѣльнаго рода войскъ, такъ какъ матеріальная часть, собственно нарядъ личнымъ не былъ связанъ ни съ личнымъ составомъ, пушкарями, ни съ фурштадтомъ.

Организація войскъ.

Основнымъ подраздѣленіемъ русскихъ войскъ разсматриваемаго періода является десятина, которая состояла изъ людей, приписанныхъ къ какому либо одному городу.

Десятни по нѣскольку сводились въ полки, которыхъ въ арміи, изготовившейся къ походу, было семь: большой или главное войско, правой и лѣвой руки, передовой или авангардный, сторожевой или аррьергардный (резервный) и седьмой, формируемый изъ легкой конницы и называемый артоуломъ или артоульнымъ полкомъ.

Десятни дѣлилась на сотни, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись на десятки.

Стрѣльцы въ мирное время раздѣлялись на приказъ, числомъ отъ 600 до 1000 человекъ. Приказы дѣлились на сотни, сотни — на десятки.

Въ военное время отдѣльныя стрѣleckія сотни ресредѣлялись по полкамъ.

Городовые казаки имѣли организацію такую-же, какъ и стрѣльцы, т. е. они дѣлились на сотни, пятидесятки и десятки.

Иностранные наемники образовывали иноземную дружину.

Управление вооруженными силами.

Завѣдываніе всѣми вооруженными силами въ мирное время сосредоточивалось въ Разрядномъ приказѣ или Разрядѣ.

Разрядъ объявлялъ царскіе указы и повелѣнія, касавшіяся назначеній на должности, награды за службу, распределенія окладовъ, назначеній ратныхъ людей на службу и т. п. Онъ же велъ въ мирное время учетъ ратнымъ людямъ на случай сбора войскъ. Основаніемъ для веденія этого учета служило подраздѣленіе войскъ на разряды, установленныя Іоанномъ III. Эти разряды представляли какъ-бы территориальныя военныя округа, въ которыхъ воеводы, ратники и вообще войска были распределены по мѣстамъ ихъ постоянного жительства, или расположенія ихъ помѣстій на основаніи особыхъ разрядныхъ книгъ.

Для составленія и веденія этихъ книгъ городовые воеводы доставляли Разряду подробныя списки, въ которыхъ обозначалось, сколько было приписано къ каждому городу дворянъ и дѣтей боярскихъ и какія за ними состояли помѣстья.

По этимъ спискамъ Разрядъ опредѣлялъ указами, по мѣрѣ надобности, какіе именно служилые люди и какіихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны были явиться къ извѣстному сроку на сборное мѣсто.

Стрѣльцы и пушкарни вѣдались соответственно стрѣлецкимъ и пушкарскимъ приказамъ.

Въ военное время для начальствованія полками изъ бояръ окольныхчихъ и думныхъ дворянъ назначались полковые воеводы, причемъ воевода большого полка или большой воевода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнокомандующимъ. Каждому воеводѣ назначался, по крайней мѣрѣ, одинъ товарищъ обыкновенно изъ болѣе способныхъ, но младшихъ начальниковъ, чтобы хотя отчасти устранить недостатки мѣстничества.

Къ числу полковыхъ воеводъ относились, кромѣ начальниковъ семи главныхъ указанныхъ выше частей рати, воевода у наряда и воевода гулявый или разъѣздной, начальствовавшій отборнымъ отрядомъ въ 1000 ч., отъ котораго высылались разъѣзды и шпіоны, и вѣдавшій гуляй-городомъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

Всѣ воеводы должны были каждый день являться за приказаніями къ большому воеводѣ.

За воеводами въ порядкѣ постепенности слѣдовали головы или частные начальники: голова у обоа или обозный, голова у наряда, состоявшаго при полкахъ, голова стрѣлцкой, командовавшій стрѣльцами, десятинный голова, завѣдывавшій десятиной боярскихъ дѣтей, и казачій голова, командовавшій казаками одного города.

Затѣмъ слѣдовали низшіе начальники, сотники, пятидесятники и десятники. Первые командовали сотнями, а остальные—соотвѣствующими ей частями.

При воеводахъ состояли дьяки, являвшіеся вспомогательнымъ органомъ управленія; они писали приказы, на которыхъ должна была быть подпись и воеводы, и дьяка; они вѣдали государеву казну; раздавали жалованье; на ихъ обязанности лежало также веденіе журналовъ военныхъ дѣйствій, которые по окончаніи похода сдавались въ Разрядный приказъ.

Для управленія своими частями въ бою всѣ начальники имѣли небольшіе мѣдные барабаны, привязанные къ сѣдламъ, въ которые они били передъ отдачей того или другого приказанія. За воеводами возились мѣдные барабаны, называвшіеся набатами, на деревянныхъ щитахъ, положенныхъ на четырехъ рядомъ поставленныхъ лошадей. Въ каждый такой набатъ били восемь человекъ.

Въ общемъ, въ разсматриваемомъ періодѣ въ московскомъ государствѣ выработалась довольно простая и естественно складывавшаяся система чиновачалія въ связи съ раздѣленіемъ рати на крупныя и мелкія единицы.

Обмундированіе.

Призванные на службу служилые люди являлись въ томъ костюмѣ, который они носили дома. Такимъ образомъ, одежда русскаго войска была строго народною и, отвѣчая вкусамъ и средствамъ каждаго воина, была чрезвычайно разнообразна. Только царская дружина была одѣта болѣе или менѣе одинаково.

Что касается стрѣльцовъ, то они имѣли однообразную одежду, состоящую изъ цвѣтныхъ кафтановъ, цвѣтныхъ сапогъ и желѣзныхъ шапокъ.

Продовольствіе войскъ.

Какъ въ мирное, такъ и въ военное время всѣ войска, за исключеніемъ иноземцевъ и стрѣльцовъ, получая помѣстья, а со временъ Іоанца IV—денежное жалованье, должны были сами заботиться о всѣхъ видахъ своего довольствія.

Стрѣльцы и иноземцы получали отъ казны определенное количество продовольствія и фуража.

Въ походѣ простые и бѣдные ратники продовольствовались обыкновенно толокномъ и сухарями, но начальники и зажиточные воины продовольствовались также мясомъ и рыбой въ томъ или другомъ видѣ.

Свои продовольственные запасы или „кормы“ каждый воинъ возилъ на особой вьючной лошади, вмѣстѣ съ приспособленіями для изготавленія пищи. Пополненіе запасовъ продовольствія въ предѣлахъ своей страны производилось покупкою или путемъ поставки населеніемъ по заблаговременнымъ распоряженіямъ правительства, причѣмъ съ всею строгостью выискивалось, если ихъ войска въ походѣ черезъ русскія земли брали что либо насильно; особенно строго слѣдить за этимъ Іоаннъ IV.

Въ непріятельскихъ земляхъ войска свои запасы пополняли путемъ фуражировокъ въ попутныхъ селеніяхъ и городахъ. Въ этихъ случаяхъ для сбора необходимыхъ запасовъ высылались особые отряды, называвшіеся кормовщиками. Несомнѣнно, что это способствовало развитію мародерства, борьба съ которымъ была очень затруднительна.

Боевая подготовка войскъ.

Представляя собой въ большей своей части временныя ополченія, созываемыя лишь въ минуту необходимости, русскія войска разсматриваемого періода не занимались вовсе предварительной боевой подготовкой.

Эта подготовка могла явиться только результатомъ боевого навыка, являвшагося слѣдствіемъ опыта обыкновенно ибскійскихъ походовъ.

Обращаясь къ той части русскихъ войскъ, которая носила характеръ постоянныхъ войскъ, какъ-то: стрѣльцы и городовые казаки, о нихъ можно сказать слѣдующее: стрѣльцы если и занимались обученіемъ, то, въ виду особенностей ихъ службы, заключавшейся главнымъ образомъ въ несеніи карауловъ и конвойной службы, врядъ-ли это обученіе давало имъ много въ дѣлѣ боевой подготовки.

Нѣсколько, въ иныхъ условіяхъ находились городовыя войска. Неся постоянную службу на границахъ, обязанныя непрерывно охранять и развѣдывать, постоянно угрожаемыя нашествіемъ иноземцевъ, нередко имѣя съ ними столкновенія, городовыя войска, если и были лишены обученія, то во всякомъ случаѣ, благодаря особенностямъ ихъ службы, имѣли достаточно практики, дѣлавшей ихъ боевую подготовку вышей, чѣмъ у другихъ войскъ.

(Служба городовыхъ войскъ регулировалась общимъ уставомъ сторожевой или станичной службы, который въ 1571 г. былъ составленъ бояриномъ княземъ, Воротынскимъ послѣ совѣщанія его по этому поводу со станичниками, пограничными воеводами и другими чинами.)

Основами сторожевой службы на границѣ, по уставу Воротынского, служили слѣдующія положенія:

- 1) Служба должна была нестиcя весьма бдительно.
- 2) При ея несеніи требовалась скрытность.
- 3) Она должна была приводить къ непрерывности наблюденія.
- 4) Въмѣстѣ съ тѣмъ организація службы должна была быть такова, чтобы она требовала возможно меньшаго наряда и была бы по возможности не обременительна.
- 5) Наконецъ, отъ всѣхъ частей сторожевого охраненія требовалось, чтобы полученныя ими свѣдѣнія о движеніи непріятеля передавались бы возможно скорѣе.

Для достиженія всего этого уставъ требовалъ выставленіе по извѣстнымъ правиламъ заставъ, которыя отъ себя высылали парные разъѣзды.

Главныя черты службы заключались въ слѣдующемъ:

1) Всѣ дороги, по которымъ можно было ожидать вторженія татаръ, занимались заставами, которыя выдвигались отъ городовъ укрупленной линіи на разстояніе 4—5 переходовъ. При этомъ заставы располагались преимущественно у бродовъ, не имѣя права оставлять своихъ мѣстъ.

2) Одна отъ другой заставы располагались на $\frac{1}{2}$ —1 переходъ, чтобы возможно было постоянно поддерживать между ними связь.

3) Отъ заставъ высылались летучіе разъѣзды, по два человека.

4) Эти разъѣзды имѣли главной цѣлью обнаружить противника, опредѣлить направленіе его движенія и силы. Для этого требовалось, чтобы они ѣздили по различнымъ направленіямъ, удаляясь отъ своихъ заставъ впередъ и въ стороны версты на 6—10 и даже 15.

5) Для скрытности разъѣзды не должны были разводять огни по нѣсколько разъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ и на открытыхъ мѣстахъ.

6) Для непрерывности наблюденія и развѣдки сторожевыя заставы и разъѣзды не могли оставлять своихъ мѣстъ подъ страхомъ смертной казни. Для контроля послѣдняго требованія развѣзды, встрѣчаясь гдѣ либо, должны были рѣшиться какими-нибудь предметами въ доказательство, что разъѣзды дѣйствительно доходили до опредѣленнаго мѣста.

7) Чтобы не утомлять людей, между ними была установлена строгая очередь въ посылкѣ на заставы и разъѣзды.

8) Сторожевая служба на границѣ неслась съ 15-го апрѣля по 15-е ноября, а позже только въ томъ случаѣ, если къ этому времени не выпадалъ снѣгъ.

9) Передача донесеній, на своевременность чего обращалось особенное вниманіе, происходила посредствомъ летучей почты.

Такимъ образомъ, сторожевая служба на границахъ, которую искали городовыя войска, была организована совершенно прочно и ее основанія вполне соответствуютъ нынѣшнимъ понятіямъ о началахъ сторожевой службы.)

Несомнѣнно, что эта служба давала городовымъ войскамъ весьма много въ дѣлѣ ихъ боевой подготовки.

Въ общемъ, нужно признать, что боевая подготовка всѣхъ русскихъ войскъ въ разсматриваемый періодъ въ смыслѣ обученія была у всѣхъ неудовлетворительной. Но недостатки обученія у городовыхъ войскъ возмѣщались условіями постоянной службы, а у помѣстныхъ войскъ — опытомъ, боевымъ навыкомъ.

Образъ дѣйствій войскъ.

Образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ то время былъ слѣдующій:

Сборъ войскъ производился спустя нѣкоторое время послѣ объявленія царскаго указа о предстоящей войнѣ. Сборъ назначался также указомъ, которымъ опредѣлялись: мѣста сбора войскъ и запасовъ, число ратниковъ, подлежащихъ явиться на службу, и сроки для ихъ явки.

По этому указу всѣ служилые собирались въ свои десятины, т. е. въ тѣ города, къ которымъ были приписаны. Затѣмъ къ назначенному сроку все войско собиралось на указанныхъ сборныхъ пунктахъ и адѣсь всѣмъ лицамъ, обязаннымъ помѣстной службой, производился смотръ и повѣрка по спискамъ, доставленнымъ особыми сборщиками, которые разсылались по городамъ для сбора служилыхъ людей. Невявившихся на сборное мѣсто разыскивали и высылали насильно, подвергая предварительно тюремному заключенію и тѣлесному наказанію.

Походныя движенія особенно въ ожиданіи встрѣчи съ противникомъ производились обыкновенно крайне медленно и съ излишней осторожностью. Происходило это какъ вслѣдствіе громадности обозовъ, слѣдовавшихъ за войсками, такъ и потому, что русскія войска, отчасти вообще привыкли къ выжиданію и оборонѣ, чѣмъ нападали сами. Средняя величина обыкновеннаго перехода не превосходила 15-ти верстъ, но иногда она возрастала до 20 и даже до 30 верстъ. Значительныя силы совершали походныя движенія большей частью сухимъ путемъ, перевозки свой тяжести, нарядъ, боевые и жизненные запасы при возможности водою по рѣкамъ или же прямо на подводяхъ.

Организация марша была слѣдующая: впереди, иногда до 5-ти переходовъ, шель ертоулъ, отъ котораго высылалась во все стороны дальнѣе развѣды для развѣдыванія о путяхъ, и о неприятелѣ, и для обезпеченія главнѣхъ силъ отъ нечаяннаго нападенія; за нимъ обыкновенно слѣдовалъ особый отрядъ даточныхъ людей, назначавшійся для исправленія пути, починки мостовъ, гатей и т. п., затѣмъ двигался передовой полкъ (авангардъ), потомъ большой или главное войско и при немъ нарядъ (артиллерія), да еще — тяжести и обозы и, наконецъ, — сторожевой полкъ (аррьергардъ).

Полки правой и лѣвой руки слѣдовали каждый съ соответствующей стороны, иногда на большемъ разстоянн отъ большого полка и вполнѣ независимо отъ него, но въ полной связи; если же опасность грозила только съ одной какой либо стороны, то полкъ соответствующей руки усиливался другими войсками, и армія двигалась уже не въ трехъ, а въ двухъ колоннахъ.

На ночлегъ войска располагались станами, избирая для сего мѣста, изобилующія водой, лѣсомъ и пастбищами. Станы обезпечивались отъ нечаяннаго нападенія противника часовыми, а иногда окружались еще окопами, рвами и повозками. Передъ выступленіемъ съ ночлега отдавалось приказаніе, въ какое именно время которому изъ полковъ выступать.

Сторожевая служба и развѣдываніе о противникѣ, организованныя на вполнѣ рациональныхъ началахъ, выполнялись не всегда хорошо. Сторожевая служба не отличалась надлежащей бдительностью, а развѣдываніе, особенно на дальнія разстоянія, велось не всегда исправно. И то, и другое не разъ приводило къ случайнымъ пораженіямъ русскихъ войскъ.

Особенностью боевого порядка русскихъ войскъ того времени являлся гуляй-городъ. Последнимъ назывался родъ подвижнаго закрытія, составленнаго изъ дощатыхъ щитовъ, съ отверстіями въ нихъ для ручнаго огнестрѣльнаго оружія, поставленныхъ на колеса или полозья. Щиты эти, по разстановкѣ на мѣстѣ, скрѣплялись между собой жѣлѣзными или веревочными связями и образовывали или длинную ограду или отдѣльные опорные пункты въ видѣ вышнихъ редутовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было поставить орудія, щиты раздвигались, а орудія прикрывались большими турами. Гуляй-городъ воиловъ всюду за войсками на особыхъ телегахъ въ разобранномъ видѣ и, въ случаѣ нужды въ немъ, устранился очень скоро, безъ пособія плотниковъ и какого либо инструмента. Въдался онъ особымъ воеводой — гулявымъ, который и выбиралъ мѣсто на позиціи для установки города. Разставленный гуляй-городъ прикрывалъ отъ взоровъ противника все, что было внутри него. Иногда онъ занималъ огромное пространство, даже до 5 верствъ.

Гуляй-городъ позволялъ вести и пассивно-оборонительный бой, укрываясь за нимъ, и активно-оборонительный, раскрывая щели и выходя изъ за нихъ.

Относительно построения боевого порядка русскихъ войскъ того времени опредѣленныхъ указаний не имѣется; можно предполагать, что пѣхота становилась въ центрѣ и дѣйствовала пассивно, усиливаясь мѣстностью или прикрываясь гуляй-городомъ; конница строилась по флангамъ и впереди и первую начинала бой; парядъ размѣщала или вмѣстѣ съ пѣхотою, за оградю гуляй-города или же отдѣльно въ батареяхъ, которыя назывались тогда турами. Почти постоянно принадлежностью подобнаго боевого порядка была особый отрядъ, располагаемый укрыто, „въ засадѣ“, который и являлся какъ-бы общимъ резервомъ, за—частую рѣшавшимъ исходъ боя.

1. Бой начинала конница, которая дѣйствовала по способу нерегулярному: она стремительно бросалась на противника съ большимъ крикомъ при звукахъ набатовъ, сурей и бубновъ, дѣйствуя на—скаку метательнымъ и холоднымъ оружіемъ и стараясь дружнымъ ударомъ сломить стойкость противника. Если ей это удавалось съ первого раза, то побѣда была рѣшена и конница оставалось преслѣдовавшимъ довершить поражение разбитого непріятели. Но если послѣдній стойко выдерживалъ первое нападеніе, то русская конница приходила въ расстройство и въ безпорядкѣ бросалась назадъ за пѣхоту. Тогда всѣ удары принимала на себя пѣхота, которая, подъ защитой мѣстныхъ препятствій и особенно гуляй-города, дралась съ необычайной стойкостью и упорствомъ. Между тѣмъ, воеводы собирали и устранивали конницу и снова вводили ее въ бой. Затѣмъ, неожиданное появленіе резерва—засады и атака имъ во флангъ или тылъ противника рѣшала участь боя.

Своимъ оружіемъ воины пользовались весьма ловко, но совершенство самой конструкціи пищадей и ихъ плохой выдѣлка не могли придать ручному огнестрѣльному оружію особеннаго боевого значенія. Что касается артиллеріи, то, не смотря на ея многочисленность, начальники того времени пользовались ею безуспѣшно.

Преслѣдованіе разбитого непріятели велось очень слабо.

Одержавъ побѣду, русскія войска бросались прежде всего обдирать и грабить все оставшееся на полѣ сраженія: убитыхъ, раненыхъ, непріятельскій обозъ и пр. и потомъ уже думали о преслѣдованіи.

4. Что касается инженернаго искусства, то его необходимо раздѣлить на двѣ части: во 1-хъ, инженерное усиленіе границъ, и во 2-хъ, дѣйствія подъ крѣпостями.

Необходимость постоянной охраны границъ вызывала требованіе укрѣплять ее. Достигалось это возведеніемъ вдоль границъ укрѣплен-

ныхъ линий или чертъ, которыя состояли изъ дѣли городковъ, остроговъ и острожковъ, обнесенныхъ рублеными стѣнами или тыномъ и соединенныхъ между собой въ дѣлиныхъ мѣстахъ заставами, а въ открытыхъ—земляными валами съ водяными или сухими рвами.

Древѣйшая изъ такихъ линий и ближайшая къ Москвѣ шла по Окѣ отъ Нижняго Подгорода до Серпухова, отсюда доборачивалась на югъ до Тулы и продолжалась до Козельска.

При Иоаннѣ IV была построена вторая линия, которая шла отъ Алатыря на Сура въ Тамбовскъ, Шацкъ, Рязань, Данковъ, Новосель, Орель, Новгородъ Свирскій и далѣе на Рыльскъ и Путивль.

При сынѣ Иоанна IV, Федорѣ, въ концѣ XVI вѣка возникла третья линия, состоявшая изъ трехъ рядовъ городовъ, постепенно углублявшихся въ степи: Кромь, Ливны и Елецъ, Курскъ, Орскъ и Воронежъ, Бѣгородъ и Валуйки. Съ построеніемъ въ 1600 г. города Борисова цѣль укрѣпленныхъ украинскыхъ городовъ подошла къ среднему теченію Свирскаго Дона и такимъ образомъ въ казенную 15 вѣтъ продвинулась къ югу съ Вѣрхней Оки и Тихой Свисты верстъ на 500—600 до черты, за которой недалеко уже начинались татарскія кочевья.

Оборона застѣкъ, валов или чертъ лежала на обязанности упоминаемой раньше застѣчной стражи.

Но кромѣ этой застѣчной стражи, которая выслалась впередъ сторожевые отряды, дѣйствовала пассивно, для охраны границы выслалась отъ городовъ подвижные резервы. Для этого на югъ противъ татаръ весной, въ случаѣ тревожныхъ вѣстей изъ степи, выставлялись двѣ рати, каждая около 10 т. человекъ; одна, украинская, занимала важнѣе опорные пункты на границѣ: Новосель, Мценскъ, Данковъ, Кдильовъ, Пронскъ, Тулу и пр., и другая, береговая, которая располагалась по р. Окѣ, опираясь на Серпуховъ, Калугу, Каширу, Коломну.

При дальѣйшихъ тревожныхъ вѣстяхъ рати эти въ наибѣгнѣе порядкѣ двигались въ степи. Если же цѣль степи тревожныхъ вѣстей не приходило, то рати стояли на своихъ мѣстахъ до глубокой осени, пока не наступала распутица, прикрывавшая границу не хуже самихъ ратей.

Такая служба ратей называется „береговой“.

Вѣстѣ съ тѣмъ значительно возрасло число укрѣпленныхъ городовъ, которые преимущественно располагались на окраинахъ государства въ весьма удобныхъ мѣстахъ. Старыя крѣпости были исправлены и приведены въ надлежащій видъ, а всѣ вообще тщательно снабжены гарнизонами, боевыми припасами и продовольственными запасами.

Что касается самого укрепления городовъ, то оно мало отличалось отъ такого въ предшествующемъ періодѣ. Теперь только стали строить дѣлать выше и чаще возводить каменные сооружения. Выступъ съ тѣмъ въ укрѣпленныхъ городахъ увеличился число артиллерій.

Способы и искусство осадить и оборонить крѣпости были у русскихъ въ этомъ періодѣ почти тѣже, что и прежде, съ той только разницей, что со времени Юанна III, по мѣрѣ распространенія огнестрѣльнаго оружія и употребленія его, стѣнитныя и метательныя орудія стали употребляться рѣже и замѣнялись болѣе крупными огнестрѣльными орудіями, число которыхъ увеличивалось, а дѣйствіе уменьшалось все болѣе и болѣе. Осаждали крѣпость или городъ, попрежнему, облагали ихъ со всехъ сторонъ войсками, расположенными въ укрѣпленныхъ стѣнахъ, и окружали рвами съ насыпями или валами, тыномъ и т. п., такъ, чтобы совершенно отрѣзать ихъ отъ поля, средствомъ продовольствования и помощи извнѣ. Къ крѣпости или городу приближались постепенно съ нѣсколькихъ сторонъ: спереди особые рабочіе катили туры, ставили и насыпали ихъ землей, въ разстояніи дальняго и ближняго — сначала пушечнаго, а потомъ — пинцальнаго или ружейнаго выстрѣла, и, наконецъ, у самого крѣпостнаго или городскаго рва. Рабочихъ, катившихъ и насыпавшихъ туры, прикрывала пѣхота, а пѣхоту поддерживала конница. Когда туры были поставлены и насыпаны землей изъ вырятаго позади ихъ рва, тогда за ними ставили большія огнестрѣльныя орудія, изъ которыхъ открывали сильную пальбу по крѣпостнымъ или городскимъ стѣнамъ, башнямъ, воротамъ, строениямъ и пр. По приближеніи къ крѣпости или городу на пинцальномъ выстрѣлѣ между турами (батареями) ставили пинцальниковъ, которые производили сильную стрѣльбу изъ пинцалей по бѣжеватостямъ, находившимся на стѣнахъ и башняхъ. Иногда строили высокія деревянные башни, которыя подкатывали къ крѣпостнымъ и городскимъ стѣнамъ и обстрѣливали оттуда внутренность города изъ большихъ и малыхъ орудій и изъ ручныхъ пинцалей. Съ половины XVI вѣка начали употреблять пороховыя подкопы (мины) для разрушенія стѣнъ и башенъ. Подкопы дѣлали обыкновенно иностранцы (пьемонтцы) размышляя съ русскими учениками, часто весьма удачно и съ большою пользою. Когда дѣйствіемъ огнестрѣльныхъ орудій и подкоповъ крѣпостныя или городскія стѣны и башни были разрушены или взорваны и въ нихъ произведенъ значительный проломъ, тогда пѣхота, прикрываясь щитами и поддерживаемая сильными огнемъ огнестрѣльныхъ орудій и ручнаго оружія, а также — конницей, или на приступъ съ копьями, мечами и вообще съ холоднымъ оружіемъ. По приступомъ брали крѣпости или города чаще уже со второй половины XVI вѣка, когда и огнестрѣльное оружіе, и нижесказанное искусство были противъ прежняго болѣе усо-

первенствованы. До этого же времени, по несовершенству ихъ, приступомъ крѣпости или города брали рѣдко, предпочитая принуждать ихъ къ сдачѣ тѣснымъ со всѣхъ сторонъ обложеніемъ и голодомъ.

Обороны русскими войсками крѣпостей и городовъ велась крайне активно: войска предпринимали смѣлыя и рѣшительныя вылазки для дѣйствій въ открытомъ полѣ противъ осаждающаго съ цѣлью прогнать его совсѣмъ отъ крѣпости или разрушить осадныя работы. Самыя оборонныя стѣны или вообще вѣншей ограды отличалась энергіей и упорствомъ, основанными на дѣйстви огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ.

Духъ и дисциплина войскъ.

О дисциплинѣ и духѣ войскъ разбираемаго періода необходимо прежде всего сказать, что Іоаннъ III и особенно Іоаннъ IV какъ общимъ направлеиѣмъ своей дѣятельности, такъ и частными распоряженіями по поводу разбираемаго вопроса безъ сомнѣнія въ значительной мѣрѣ внесли порядокъ и дисциплину въ свои войскахъ. Однако, все-же нельзя утверждать, что въ этомъ отношеніи они достигли желательныхъ результатовъ. И это прежде всего вытекаетъ изъ природы вещей, — русскія арміи того времени были въ большей своей части временными ополченіями. Впрочемъ, довольно высокій уровень дисциплины не мѣшала тому, что духъ арміи, ея нравственный обликъ были достаточно высоки. Это было слѣдствіемъ личныхъ качествъ отдѣльныхъ воиновъ, единого и національнаго состава арміи, а также — известной обстановки, развивающей тѣ нравственныя основы, которыми всегда была сильна наша армія: религіозность, любви къ родинѣ и преданность государю.

Въ частности, русскія войска, какъ и прежде, отличались неутомимостью въ трудахъ, мужествомъ, твердостью и терпѣиѣмъ въ нуждѣ и лишенияхъ, храбростью въ нападеніи и необыкновеннымъ упорствомъ и стойкостью въ оборонѣ. По единогласному свидѣтельству русскихъ дѣтописцевъ и иностранныхъ писателей, умѣренныя въ образѣ жизни, питаясь прѣстою, нередко скудной пищей, живя подъ шалаши или открытымъ небомъ, они съ терпѣиѣмъ переносили одинаково холодъ, зной, голодъ, жажду, всякаго рода лишения и все труды боевой жизни. Въ несчастія и послѣ неудачъ они особенно обнаруживали мужество и твердость.

Заключеніе объ эпохѣ.

Такимъ образомъ, въ рассматриваемой эпохѣ необходимо отмѣтить на Руси развитіе помѣстныхъ войскъ, которая становятся основной и главной массой нашихъ вооруженныхъ силъ. Это же

плечетъ за собой увеличеніе численности войскъ, плохую ихъ подготовку въ смыслѣ обученія, нѣсколько сдѣлываемую боевымъ навыкомъ, приверженность къ оборонительному способу дѣйствій, упорство въ оборонѣ границъ и развитіе сторожевой и развѣдывательной службы. Затѣмъ, въ эту-же эпоху появляются на Руси постоянный войска и притомъ всѣхъ родовъ: пѣхота — стрельцы, конница — городовые казаки, и артиллерія — пушкарскій цехъ. Впрочемъ, артиллерія пока еще не представляетъ собой родъ войска, такъ какъ въ ней нѣтъ связи матеріальной части съ личнымъ и конскимъ составомъ.

Въ артиллеріи необходимо подчеркнуть появленіе полковыхъ пушекъ, что было вполне рационально при недостаточной силѣ огня изъ ручного оружія.

Въ это-же время положено начало и инженернымъ войскамъ приглашеніемъ изъ-за границы размысловъ.

Дальше устанавливается какъ высшее, такъ и войсковое управленіе войсками, обеспечивающее, съ одной стороны, мобилизацію ихъ, а съ другой стороны, — способствующее ихъ боевымъ дѣйствіямъ.

Дѣло продовольствія войскъ находится въ сущности все еще въ первобытномъ состояніи, хотя сознаніе необходимости его упорядоченія уже является, что доказывается, между прочимъ, заблаговременными заготовками запасовъ на пути слѣдующей арміи.

Боевая подготовка была слабая, что, въ связи съ усложненіемъ военного дѣла, зависящаго отъ распространенія огнестрѣльнаго оружія, сказывалось на образѣ веденія войны: если еще обращались къ стратегическому наступленію, то фактически почти всегда оборонялись.

Появляется потребность несенія службы урегулировать письменнымъ закономъ-уставомъ — и какъ слѣдствіе этого тотчасъ-же создается отличный чисто русскій уставъ князя Воротынского.

Стремленіе къ оборонительной тактикѣ сказывается какъ въ способѣ веденія боя, такъ и въ созданіи гуляй-города. На такое стремленіе, впрочемъ, оказывали вліяніе и свойства противника, особенно на востокѣ, подвижнаго, рѣшительнаго, хорошо владѣющаго конемъ и оружіемъ въ одиночномъ бою и потому стремящагося всегда разстроити своего врага, раздѣливъ его рать на отдѣльных бойцовъ.

Въ боевомъ порядкѣ обращаетъ на себя вниманіе непрѣмное присутствіе общаго резерва. Это чисто русская особенность, выказавшаяся у насъ при самомъ зарожденіи военного искусства. При этомъ нужно замѣтить, что русскіе военнопочальники даже той отдаленной эпохи не только всегда имѣють резервъ, но и умѣло имъ пользуются.

Приверженность къ оборонѣ сказалась также и въ слабomъ преслѣдованіи послѣ удачнаго боя.

Въ дѣлѣ охраненія границъ обращаетъ на себя вниманіе опять-таки чисто русское созданіе — линіи или черты, возводимыя главнымъ образомъ для закрѣпленія за собою приобретеннаго тѣмъ или другимъ способомъ пространства.

Отсутствіе лицъ, имѣющихъ специальную подготовку, приводило къ слабому усовершенствованію постройки крѣпостей почти до самаго конца разсматриваемаго періода.

Въ общемъ, можно сказать, что въ разсматриваемый періодъ нашей исторіи были заложены основанія, и довольно рациональныя, военнаго дѣла, что почти всѣ вопросы, вызываемые этимъ дѣломъ, поднимались и многіе изъ нихъ рѣшались вполне правильно на началахъ, вытекающихъ изъ общаго положенія вещей. Наконецъ, въ эту эпоху создаются такія условія, которыя даютъ полную возможность дальнѣйшаго развитія военнаго дѣла въ соотвѣтствіи съ природою военныхъ элементовъ національными особенностями русскаго народа и потребностями государства, созданнаго имъ.

3) Казанская операція 1552 г.

Наиболѣе типичнымъ образомъ боевой дѣятельности войскъ въ періодъ съ половины XV и до конца XVI вѣка является Казанская операція Іоанна IV въ 1552 г.

Цѣльный рядъ походовъ на Казань Іоанна III и Василія III въ значительной степени приблизилъ Московскихъ государей къ ихъ цѣли, поставленной относительно Казанскаго царства, — его покоренія. Реально это выразилось въ ослабленіи Казани и въ возведеніи при впаденіи р. Суры въ Волгу г. Васильеурска, который въ будущіихъ походахъ долженъ былъ служить промежуточной базой, отчасти обезпечивать движеніе по Волгѣ и способствовать держать въ повиновеніи окрестное населеніе.

Въ наступившей, однако, за смертью Василія III и малолѣтствомъ Іоанна IV, правленіе царицы Елены, а потомъ — боярской думы обстановка въ этомъ отношеніи стала менѣе благоприятной. Въ этотъ періодъ внутреннихъ неурядицъ и слабости власти въ Москвѣ были совершенно приостановлены какія-бы то ни было попытки къ дѣйствіямъ противъ Казани. Татары не упустили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и сами начали активныя дѣйствія противъ Москвы.

Заклучивъ союзъ, Казанское и Крымское царство начали производить непрерывныя, разорительныя набѣги въ наши предѣлы одновременно и съ юга, и съ востока.

Съ 1533 по 1547 гг. такихъ набѣговъ было семь и они прекратились въ 1547 г., когда Іоанну IV понадобилось 17 лѣтъ и онъ сталъ править самостоятельно.

Въ этомъ году зимою Іоаннъ IV, по примѣру отца и дѣда, предпринялъ походъ противъ Казани, наступая черезъ Владимиръ на Нижній Новгородъ. Походъ этотъ, однако, окончился неудачей вследствие неводнѣ удовлетворительной организаціи подвоза запасовъ, что и заставило русскую рать, приблизившуюся уже къ Казани, вернуться назадъ.

Черезъ два года Іоаннъ IV съ 60-тысячною ратью вновь предпринимаетъ походъ противъ Казани. Операція въ началѣ, казалось, обѣщала успѣхъ: въ февралѣ 1550 г. было произведено обложение города, послѣ чего началось его обстрѣливаніе нарядомъ. Постѣдовавшій за тѣмъ штурмъ за недостаточной его подготовкой былъ, однако, неудаченъ, что, въ связи съ начавшеюся веспенней распутицей, отрѣзавшей рать отъ родины, заставило Іоанна снять осаду.

Однако, этотъ второй походъ Іоанна IV на Казань не былъ совершенно безрезультатнымъ. Возвращаясь въ свои предѣлы, Іоаннъ IV при впаденіи р. Свіаги въ Волгу заложилъ крѣпость Свіяжскъ, въ которой подъ начальствомъ Шигъ-Алея, бывшаго царемъ Казанскимъ, оставилъ гарнизонъ, состоявшій изъ русскихъ и казанскихъ выходцевъ. Значеніе этого событія было весьма велико: во 1-хъ, вся пагорная сторона Волги, населенная чувашами, мордвой и черемисами, отложилась отъ Казани и подчинилась царю Московскому. Это, конечно, должно было въ значительной мѣрѣ облегчить дальнѣйшія предпріятія противъ Казани. Во 2-хъ, находясь всего въ 25-ти верстахъ отъ Казани, Свіяжскъ могъ служить отличнымъ опорнымъ пунктомъ для непосредственныхъ дѣйствій противъ нея. Здѣсь-же Московскіе правительство могло устроить складъ всевозможныхъ запасовъ, необходимыхъ для веденія борьбы противъ Казани, и въ 3-хъ, существованіе Свіяжска, въ связи съ наличностью Васильсурска, позволяло установить во время операціи у Казани болѣе тѣсную и безопасную связь съ предѣлами своего отечества.

Такимъ образомъ, созданіе Васильсурска, а потомъ — и Свіяжска уничтожало тѣ неблагоприятныя данныя, которыми сопровождались предшествующіе походы: сокращалась операціонная линія, облегчалось устройство довольствія рати и снабженіе ея всѣмъ нужнымъ для дѣйствія противъ укрѣпленнаго города, отнималась возможность недоброжелательныхъ дѣйствій со стороны инопородческаго населенія пагорной стороны Волги, обезпечивались сообщенія съ Москвою и, наконецъ, дѣлало операціи противъ Казани независимыми отъ времени года, такъ какъ давало возможность вести операціи, не прибѣгая къ помощи водныхъ путей, особенно — Волги.

Воспользовавшись всемъ этимъ, Иоаннъ IV въ 1552 г. предпринимаетъ третій походъ на Казань *).

Рѣшивъ весной 1552 г. идти на Казань съ тѣмъ, чтобы навсегда покончить съ нею, Иоаннъ въ то-же время могъ ожидать нападенія на свои южныя границы Крымскихъ татаръ, которые обязались помочь Казанцамъ. Въ виду этого въ апрѣлѣ царь приказываетъ въ соответствии съ мирнымъ расположеніемъ войскъ сосредоточиться: сторожевому полку и ертоулу въ Муромѣ, полку правой руки—въ Каширѣ, а всемъ остальнымъ—въ Коломнѣ. Такое развѣтываніе въ двухъ группахъ на р. Окъ съ авангардомъ, выдвинутымъ къ сторонѣ Казани почти на 250 верстъ и находящимся во фланговомъ положеніи къ путямъ изъ южныхъ степей къ Москвѣ, давало возможность или встрѣтить наступленіе съ юга Крымскихъ татаръ или самому перейти въ наступленіе по направленію къ Казани.

Отдавъ приказъ о сборѣ войскъ въ указанныхъ пунктахъ, Иоаннъ IV вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ: 1) отправить въ Свияжскъ водою по Окѣ и Волгѣ подъ прикрытіемъ значительныхъ отрядовъ осадную артиллерию и большіе запасы продовольствія и 2) занять особыми отрядами всѣ переправы на Камѣ, Вяткѣ и Волгѣ между Васильсурскомъ и устьемъ Камы.

Первымъ достигалось устроитво обезпеченной промежуточной базы въ недалекомъ разстояніи отъ Казани, а вторымъ—изоляция Казани и пресѣченіе возможности сносясь ей съ погаями, астраханскими и крымскими татарями, которые могли оказать казанцамъ поддержку.

Рано утромъ 16-го іюня, испросивъ благословеніе у Митрополита Макарія, Иоаннъ IV выступилъ съ частью своей арміи по направленію на Коломну съ тѣмъ, чтобы далѣе, если ничто не помѣшаетъ, идти на Муромъ и Свияжскъ. На первомъ-же переходѣ на привалѣ въ селѣ Коломенскомъ онъ получилъ донесеніе изъ Путивля, что значительное число крымскихъ татаръ перешло Сѣверный Донецъ и недалеко уже отъ нашей Украйны.

Въ виду этого Иоаннъ рѣшаетъ не идти пока на Казань, а обратиться противъ наиболее опаснаго въ данную минуту и угрожаващаго вторженіемъ въ дредѣлы государства врага. Не теряя времени, Иоаннъ двигается поспѣшно въ Коломну, куда и прибываетъ 19-го числа. Здѣсь онъ получаетъ новое донесеніе, что крымцы идутъ на Рязань и Коломну. Тогда государь приказываетъ полку правой руки оставаться въ Каширѣ, большому полку стать у Колычева, передовому—у Ростиславля, лѣвой руки—у Голутвина монастыря, а царской

*) См. схему № 7.

дружины—въ Коломнѣ. Такимъ расположеніемъ своихъ войскъ Іоаннъ обезпечивалъ за собою обладаніе важнѣйшими переправами черезъ р. Оку на пути движенія крымскихъ полчищъ и прикрывалъ въ то-же время Коломну, Москву и всея пріебрежья, лежащія по лѣвую сторону этой рѣки. вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя войска сосредоточенными на участкѣ Коломна—Кашира на фронтѣ въ 50 верстъ и пользуясь переправами черезъ р. Оку, онъ могъ своевременно подождать отсюда на выручку къ Рязани, къ Михайлову и Тульѣ, если-бы крымцы вздумали осадить одинъ изъ этихъ украинскихъ городовъ. На случай-же, если-бы противникъ намѣревался бы перейти Оку, Іоаннъ выбралъ позицію, на которой и предполагалъ всей арміей дать рѣшительный бой. Сторожовой полкъ и ертоулъ, оставаясь у Муромъ, должны были прикрывать лѣвый флангъ арміи со стороны Казани и угрожать правому флангу наступающихъ крымцевъ.

Расположившись такимъ образомъ, Іоаннъ 21-го іюня получилъ донесеніе, что небольшой отрядъ татаръ показанъ около Тулы. Царь тотчасъ-же посылаетъ къ этому городу полки: правой руки изъ Каширы, затѣмъ передовой—изъ Ростиславля и часть большого полка—изъ Колычева подъ общимъ начальствомъ князя Воротынскаго, предполагая на другой день и самому выступить за ними.

Такимъ образомъ, Іоаннъ дѣйствуетъ выжидательно, пока обстановка не была выяснена, но какъ только онъ узналъ точно о направленіи движенія татаръ, то переходитъ въ рѣшительное наступленіе, стремясь разбить передовыя части противника до усиленія ихъ. При этомъ: въ качествѣ авангарда онъ высылаетъ полкъ, наиболѣе выдвинутый къ сторонѣ противника, надъ войсками главныхъ силъ, составленныхъ изъ двухъ полковъ, объединяетъ начальство въ рукахъ одного опытнаго воеводы и назначаетъ общій резервъ, при которомъ находится и самъ.

Полученное утромъ 22-го числа донесеніе, что къ Тульѣ приходило не болѣе 7000 татаръ, которые, пограбивъ окрестности, куда-то скрылись, заставило Іоанна съ бывшими при немъ войсками оставаться на прежней позиціи за Окой у Коломны, приказавъ Воротынскому двигаться къ Тульѣ и далѣе на югъ возможно скорѣе, и путемъ дальнихъ развѣдокъ разузнать впрямь о силахъ и мѣстѣ нахождения крымскихъ войскъ. Между тѣмъ, утромъ 23-го числа въ Коломну пришло донесеніе отъ Тульского намѣстника съ извѣстіемъ, что самъ Крымскій ханъ съ сильнымъ войскомъ, большимъ нарядомъ и турецкими янычарами подступилъ къ Тульѣ. Донесеніе это шло въ ориентировало Іоанна относительно мѣста нахождения и силъ противника. Поэтому, не медля ни минуты и стремясь обезпечить съ юга свою операцію на Казань, царь приказываетъ поддержать посланнаго къ Туль войска полкомъ лѣвой руки

и остальной частью большого полка, которымъ, подъ общимъ начальствомъ князя Мстиславскаго, двигаться къ Каширь и далѣе — къ Туль. Вслѣдъ за нимъ выступаетъ и самъ со своей дружиной.

Вечеромъ того же дня къ Иоанну, который подходилъ уже къ Каширь, прибыло новое донесеніе отъ Тульского намѣстника, въ которомъ сообщалось, что ханъ Крымскій въ теченіе всего дня 22-го іюня атаковалъ Тулу и пытался взять ее, но тульскіе граждане, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, сѣзвившихъ на выручку, сдѣлали отчаянную вылазку, побили многихъ татаръ и захватили ихъ огнестрѣльный нарядъ, послѣ чего ханъ Крымскій, также получивъ свѣдѣнія о приближеніи русскихъ войскъ, быстро отступилъ отъ Тулы. Тогда Иоаннъ останавливаетъ войска на почлегъ у Каширы. Здѣсь рано утромъ 24-го числа царь получаетъ новыя извѣстія, что полкъ правой руки, численностью до 15 т. чел., дважды разбилъ 30-тысячный крымскій отрядъ — у Тулы и при преслѣдованіи — при р. Шиворонѣ, послѣ чего татары отступили съ чрезвычайной поспѣшностью, дѣлая по 60—70 верстъ въ сутки. Послѣ такихъ извѣстій, которыя Иоаннъ тотчасъ передалъ въ Москву и Свѣязскъ, онъ возвратился съ войсками въ Коломну, гдѣ 1-го іюля сосредоточилъ всю свою армію, кромѣ ертоула и сторожевого полка, которые по прежнему находились въ Муромѣ.

Въ Коломнѣ государь собралъ военный совѣтъ изъ бояръ и воеводъ для выработки плана движенія къ Казани. На этомъ совѣтѣ было рѣшено идти двумя колоннами: первой — Иоанну съ царской дружиной и полкомъ лѣвой руки — на Владиміръ и Муромъ, второй — князьямъ, Мстиславскому и Воротыцкому, съ полками, большимъ передовымъ и правой руки, — на Рязань и Мещеру. У Алатыря обѣ колонны должны были соединиться и дальнѣйшій маршъ къ Свѣязску произвести сосредоточенными силами.

Подобная организація марша была основана на слѣдующихъ соображеніяхъ: до Алатыря русскимъ войскамъ приходилось двигаться параллельно фронту вѣроятнаго нападенія заволжскихъ и ногайскихъ татаръ. Поэтому являлось необходимымъ прикрыть съ этой стороны движеніе нашихъ войскъ, направляемыхъ какъ сухимъ путемъ — на Владиміръ и Муромъ, такъ и водою по рр. Ока и Волга. Для прикрытія этого движенія и была назначена правая колонна, которая, двигаясь южнѣе, черезъ Рязань и Мещеру, обеспечивала собою весь маршъ-маневръ со стороны праваго фланга. За Алатыремъ же, гдѣ фронтъ наступленія русскихъ войскъ съ востока обращался на сѣверъ и опасность могла угрожать съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, востока и юга, лучшимъ обезпеченіемъ марша являлась сосредоточенность войскъ во время ихъ движенія.

3-го июля армія послѣ молебствія передъ образомъ, который былъ въ походѣ у Дмитрія Донского, двинулась по назначеннымъ дорогамъ. Іоаннъ былъ при войскахъ лѣвой колонны, которая 8-го июля прибыла во Владиміръ. 13-го царь съ колонною прибылъ въ Муромъ, гдѣ и оставался до 20-го числа. За это время онъ произвелъ смотръ полкамъ и паряду, отправилъ бывшаго царя Казанскаго, Шигъ-Алея, со стубльцами на судахъ Окою и Волгою въ Свияжскъ, а затѣмъ по пути слѣдованія войскъ выслалъ 15-го июля ертоулъ, а за нимъ даточныхъ людей для наводки мостовъ и исправленія дорогъ.

20-го июля, черезъ 5 дней послѣ высылки ертоула, Іоаннъ съ полками своей колонны двинулся изъ Мурома въ дальнѣйшій путь, который пролегалъ то густыми лѣсами, то дикими полями, изобилующими дичью и богатыми рыбой рѣками, что обезпечивало довольствіе арміи.

Къ вечеру 4-го августа обѣ колонны соединились на р. Суры подъ Борончевымъ городищемъ.

Такимъ образомъ, первая часть марша русскихъ войскъ къ Свияжску, носившая характеръ фланговаго движенія, по отношенію заволжскихъ и ногайскихъ татаръ, была закончена. Этотъ маршъ отъ Коломны до р. Суры былъ исполненъ въ 33 дня. За это время лѣвая колонна сдѣлала 24 перехода, пройдя разстояніе, равное приблизительно 650 верстамъ. Слѣдовательно, величина суточного перехода была около 25-ти верстъ. Движеніе этой колонны можно подраздѣлить на двѣ части:

1) маршъ отъ Коломны до Мурома былъ исполненъ только частью войскъ (ертоулъ и сторожевой полкъ находились уже у Мурома), движеніе производилось въ предѣлахъ своего государства и потому, естественно, происходило при всѣхъ удобствахъ, какія могли только существовать въ то время. Почти 300-верстное разстояніе было пройдено въ 11 дней, изъ которыхъ собственно на долю переходовъ приходилось 10, что въ среднемъ даетъ величину одного перехода, равную 30-ти верстамъ.

2) маршъ отъ Мурома до р. Суры, на протяженіи 330 верстъ, былъ произведенъ въ 14 переходовъ при двухъ дневкахъ. Средняя величина перехода—отъ 23 до 25 верстъ. Эта вторая часть марша произведена медленнѣе, чѣмъ предыдущая, что объясняется какъ большимъ количествомъ двигавшихся войскъ, такъ и отсутствіемъ сравнительно удобныхъ дорогъ и переправъ.

Что касается правой колонны, то она слѣдовала въ разстояніи пяти конныхъ переходовъ отъ войскъ лѣвой колонны, прошла всего около 600 верстъ, т. е. средняя величина суточнаго перехода ея равнялась 20—25 верстамъ.

Всѣ вышеприведенныя цифры пройденныхъ разстояній и суточныхъ переходовъ даютъ право заключить, что маршъ русскихъ войскъ къ р. Сура былъ исполненъ довольно быстро, особенно если принять въ соображеніе, что войска для своего слѣдованія должны были сами прокладывать дороги и устраивать мосты черезъ вѣтхыя попутныя рѣки.

5-го августа, переправившись черезъ р. Суру, по мостамъ, наведеннымъ даточными людьми, Іоаннъ продолжалъ маршъ всей арміей въ слѣдующемъ походномъ порядкѣ: впереди шель ергоуль, за нимъ—передовой полкъ, далѣе—царская дружина, потомъ—большой полкъ и затѣмъ—сторожевой. Полки правой и лѣвой руки двигались каждый съ соответствующей стороны относительно царской дружины.

Переправясь за р. Суру, русскіе полки вступили въ землю чувашъ и горныхъ черемисъ, которые тотчасъ изъявили свою покорность и стали доставлять арміи всевозможныя продовольственныя припасы, чѣмъ въ значительной степени облегчали разрѣшеніе вопроса о довольствіи арміи.

Утромъ 18-го августа армія прибыла къ г. Свияжску, гдѣ къ этому времени успѣли уже собраться всѣ части войскъ, нарядъ и запасы, слѣдовавшіе на судахъ рр. Окою и Волгою, а также—вновь набранное изъ черемисъ, чувашъ и мордвы ополченіе.

Такимъ образомъ, и вторая часть марша была благополучно окончена. Двухсотверстное разстояніе отъ р. Суры до г. Свияжска было пройдено въ 8 дней при одной дневкѣ. Средняя величина перехода равнялась 25-ти верстамъ. Маршъ—очень быстрый, особенно если принять во вниманіе количество двигавшихся войскъ.

Численность арміи, сосредоточенной въ Свияжскѣ, простиралась до 150000 чел. при 160 крупныхъ и среднихъ артиллерійскихъ орудіяхъ.

Необходимость дать отдыхъ войскамъ послѣ продолжительнаго и длиннаго похода отъ Коломны заставила остановить армію на нѣсколько дней въ Свияжскѣ. За время этой остановки были заготовлены всѣ необходимыя средства для предстоявшей переправы войскъ черезъ р. Волгу.

17-го августа армія начала переправу противъ г. Свияжска на лѣвый берегъ Волги. Переправа окончилась 18-го числа.

Такимъ образомъ, для переправы всей русской арміи съ одного берега на другой потребовалось въ общей сложности три дня. Такой срокъ, принимая во вниманіе значительную численность переправлявшихся войскъ и обиліе лошадей при русской рати, такъ какъ преобладающую часть ея составляла конница, нужно признать не особенно продолжительнымъ.

Пока войска были заняты переправой, шли продолжительные дожди; дороги сильно испортились; небольшие ручейки обратились въ глубокия рѣки, низменные мѣста—въ сплошныя болота. Въ довершенте всего казанцы рдарилиши всѣ попутныя мосты и гати. При такихъ обстоятельствахъ движеніе головныхъ частей походной колонны замедлилось, тѣмъ болѣе, что все время приходилось проаводить развѣдку и опасаться враждебно настроеннаго населенія. Для перехода 20-верстнаго разстоянія отъ мѣста переправы до устья р. Казанки потребовалось три дня; съ 17-го по 19-е августа. Остальныя войска, слѣдовавшія по болѣе или менѣе устроенной дорогѣ, двигались быстрее: выстунить 20-го августа, они это-же разстояніе прошли въ 1 день.

Итакъ, 20-го августа вся русская рать сосредоточилась безпрятственно со стороны противника у устья р. Казанки на обонхъ ея берегахъ. Здѣсь армія оставалась въ теченіе 21-го и 22-го чисель, занимаясь выгрузкой наряда и различныхъ запасовъ, доставленныхъ сюда водою на судахъ, и постепенно сосредоточивалась на лѣвнй берегѣ, переходя черезъ Казанку по шести мостамъ, устроеннымъ близъ ея устья.

21-го августа Іоаннъ отъ одного татарскаго перебѣжчика получилъ свѣдѣніе, что казанцы пылають ненавистью къ христіанамъ и готовы скорѣе погибнуть всѣ, нежели покориться, что для защиты Казани въ ней находится 30000 своихъ казанцевъ и около 3000 ногаевъ; кромѣ того, всѣ жители взялись тоже за оружіе; что въ городѣ имѣются большіе продовольственныя и боевыя запасы, а вѣдь ого, въ Арской засѣкѣ, расположенъ 20—30 тысячный отрядъ конницы князя Янанча съ цѣлью вооружить все окрестное населеніе и путемъ безпрятанныхъ нападений на тылъ русскихъ осадныхъ войскъ препятствовать веденію осады города.

Къ этимъ весьма драгоцѣннымъ свѣдѣніямъ, обрисовывающимъ обстановку, необходимо добавить, что татарская Казань 1552 г. *), расположенная на лѣвой сторонѣ Волги и отдѣленная отъ нея низменной полосой, имѣющей 6—7 верствъ въ ширину, была построена на крутыхъ возвышенностяхъ лѣваго берега р. Казанки; командовавшихъ надъ всею окружающею мѣстностью.

Казань была окаймлена съ трехъ сторонъ труднопроходимыми ручьями, болотистой Казанкой и тинистымъ Булакомъ, которые представляли естественную преграду. Съ четвертой стороны, гатъ, идъ простиралось такъ называемое Арское поле; городъ былъ огражденъ высокими деревянными стѣнами съ башнями и рвомъ, шириною въ 8 саж. и глубиною въ 7 саж.

*) См. планъ № 8.

Такимъ образомъ, Казань въ то время могла считаться неприступной твердыней для атакующихъ войскъ и надежнымъ оплотомъ для обороняющагося. Наибольше доступные фронты крѣпости находились на восточной и юго-восточной ея сторонахъ, гдѣ не было естественныхъ преградъ.

За Арскимъ полемъ, которое было длиною около версты, а шириною около $1\frac{1}{2}$ версты, къ востоку простирался дремучій Арскій лѣсъ, внутри котораго въ 15 верстахъ отъ Казани находился укрѣпленный острогъ, прикрывавшій доступъ къ гор. Арску.

Планъ обороны Казани заключался въ слѣдующемъ: въ то время, какъ крѣпостной гарнизонъ долженъ былъ противоѣдствовать вылазками, осаднымъ работамъ передъ фронтомъ крѣпости, войска, расположенныя въ Арскомъ лѣсу, должны были атаковать русскихъ съ тыла. Для того, чтобы обезпечить успѣхъ этихъ дѣйствій, нападенія Арскаго отряда рѣшено было производить одновременно съ вылазками гарнизона и съ этой цѣлью между ними была установлена самая тѣсная связь, поддерживаемая условными знаками.

Итакъ, основная идея плана заключалась въ активной оборонѣ крѣпости и въ отнятіи всякой инициативы у атакующаго, что должно было главнымъ образомъ достигаться дѣйствіями войскъ, находящихся внѣ крѣпости.

Все изложенное свидѣтельствуеетъ о томъ, что казанцы располагали всеми средствами для продолжительной и упорной борьбы съ русскими и понимали, какъ наилучше вести послѣднюю.

Получивъ 21-го августа приведенныя выше свѣдѣнія, Іоаннъ приказываетъ приготовить бревна для палисада и туры, а затѣмъ собираетъ военный совѣтъ, на которомъ и были выработаны: планъ обложенія Казани и его исполненіе.

Рано утромъ 28-го августа полки двинулись для обложенія Казани согласно выработанному на совѣтъ плану. Каждому изъ полковъ были приданы пѣшія, стрѣлцкія и казачьи сотни, которыя по повелѣнію Іоанна шли въ головѣ своихъ частей. Всѣмъ полкамъ было приказано не вступать въ бой безъ разрѣшенія на то царя. Полкъ правой руки началъ переправляться на противоположный берегъ Казанки, а остальные двинулись вдоль р. Булака мимо городскихъ стѣнъ. Въ городѣ было тихо и спокойно. Казалось, что въ немъ совершенно никого нѣтъ. Но когда 7-ми тысячный ертоуль, шедшій впереди, перейдя р. Булакъ, направился къ сѣверу на назначенное ему мѣсто и поднимался на высоту, лежащую между оз. Кабаномъ и гор. Казанью, то казанцы сдѣлали неожиданную вылазку.

Около 5000 конныхъ и 10000 пѣшихъ воиновъ стремительно кинулись на середину колонны, прорвали ее и произвели сильное замѣшательство въ рядахъ стрѣльцовъ, вовсе не ожидавшихъ встрѣтн-

атаку конницы. На выручку смѣшавшихся подошли, по приказанію царя, дѣти боярскія и свѣжіе стрѣльцы. Завязался упорный бой, результатомъ котораго было отступленіе казацкъ въ городъ. Затѣмъ все дальнѣйшее обложеніе было исполнено безъ всякихъ препятствій со стороны гарнизона крѣпости, и къ вечеру 23-го августа полки расположились станами на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Позиція обложенія была занята слѣдующимъ образомъ:

1) Съ сѣвера и съ сѣверо-запада, по правой сторонѣ р. Казанки, начиная отъ большой излучины этой рѣки и почти до устья Булака, расположился полкъ правой руки, въ составѣ 12000 конныхъ воиновъ и 6000 пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ.

Позиція, занятая этимъ полкомъ, хорошо обстрѣливалась повсюду съ городскихъ стѣнъ и хотя съ фронта она была обезпечена отъ вылазокъ теченіемъ р. Казанки, но тылъ ея, примыкавшій къ дремучимъ лѣсамъ, въ которыхъ бродили вѣрные союзники казанцевъ — луговые черемисы, былъ совершенно открытъ для нападений послѣднихъ.

Длина фронта позиціи доходила до 800 саж. При общей численности полка правой руки въ 18000 человекъ на каждый шагъ линіи обложенія приходилось 10 человекъ.

Такое занятіе позиціи, при первомъ взглядѣ, представляется извѣстными сильнымъ, но оно вполнѣ отвѣчало требованіямъ обстановки.

Полкъ правой руки былъ отдѣленъ отъ остальныхъ войскъ р. Казанкой, переходимой только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ предоставленъ былъ самъ себѣ; рассчитывать на своевременную помощь сосѣднихъ полковъ, а тѣмъ болѣе, — общаго резерва, каковымъ являлась царская дружина, онъ не могъ въ слѣдствіе затруднительности сообщеній съ первыми и значительной удаленности отъ второй. А между тѣмъ онъ долженъ былъ бороться на два фронта: вести атаку противъ впереди лежащихъ крѣпостныхъ стѣнъ и обороняться отъ безпрестанныхъ набѣговъ луговой черемисы.

2) Съ запада и юго-запада, вдоль лѣваго берега р. Булака, отъ его устья и нѣсколько не доходя до озера Кабана, расположились полки: сторожевой и — лѣвой руки. Численность этихъ полковъ можно принять въ общей сложности въ 20—25000 пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Занятая ими позиція имѣла перелъ фронтомъ тинистый труднопроходимый Булакъ, который въ достаточной мѣрѣ обезпечивалъ войска отъ вылазокъ крѣпостнаго гарнизона. Тылъ позиціи обращенъ былъ къ Волгѣ, паходившейся со времени переправы войскъ въ рукахъ русскихъ; за Волгой же шли владѣнія Московскаго государства и слѣдовательно объ опасности съ этой стороны не могло быть и рѣчи.

Столь выгодныя условия этой позиціи, при длинѣ фронта ея приблизительно въ 800 саж., представляли возможнымъ выдѣлить для ея занятія сравнительно небольшое число войскъ, хотя бы, на примѣръ, одинъ только полкъ или даже меньше. Между тѣмъ, она была занята двумя полками, численностью въ 20—25000 человекъ, что давало на каждый шагъ линіи обложенія отъ 8 до 10 человекъ. Однако, такое усиленіе войскъ на этомъ участкѣ обложенія имѣло свои основанія. Полки, занимавшіе линію р. Булака, независимо отъ выполнения задачъ блокады и осады города, имѣли еще и другое назначеніе. Они прикрывали своимъ расположеніемъ тотъ участокъ р. Волги, около котораго были сосредоточены всѣ перевозочныя средства русскихъ войскъ на случай неудачи, гдѣ производилась доставка и выгрузка всевозможныхъ запасовъ, подвижныхъ Волгою изъ Свияжска и другихъ городовъ Московскаго государства для блокирующихъ войскъ. Волга составляла нашу единственную коммуникаціонную линію и потому, естественно, на обезпеченіе ея конечнаго этапа, на каждомъ шагу не даѣе 6-ти верстъ отъ неприятельской крѣпости, обращено было самое серьезное вниманіе. Опыты прежнихъ походовъ свидѣтельствовали о возможности активныхъ дѣйствій казанскаго гарнизона въ этомъ направленіи и потому, понятно, сосредоточеніе достаточнаго числа войскъ на этомъ фронтѣ было существенно необходимо и отвѣчало требованіямъ обстановки.

в) Съ востока и отчасти съ сѣверо-востока между р.р. Булакомъ и Казанкой расположились на Арскомъ полѣ полки: большой, передовой и ертоуль. Позиція этихъ полковъ представляла возвышенную равнину, изрѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутыми и глубокими оврагами, имѣвшими общее направленіе къ сѣверу и югу, параллельно крѣпостной оградѣ. Будучи открыта на всемъ своемъ протяженіи, она не имѣла ни обезпеченнаго фронта, ни безопаснаго тыла. Мѣстность впереди нея представляла всѣ удобства для производства рѣшительныхъ вылазокъ изъ крѣпости большими силами; позади она примыкала къ Арскому лѣсу, въ глубинѣ котораго скрывался Ипанча съ большимъ отрядомъ пѣшихъ и конныхъ татаръ.

Фронтъ позиціи тянулся на протяженіи около двухъ верстъ. Предполагая общую численность облагающихъ войскъ, расположенныхъ на этомъ участкѣ, равною приблизительно 50—60000 человекъ, получимъ на каждый шагъ линіи обложенія 17—20 человекъ. Силы очень значительныя, но онѣ признавались необходимыми какъ вследствие крайне невыгодныхъ мѣстныхъ условий занимаемой позиціи, находившейся подъ ударами противника съ двухъ сторонъ, такъ и въ виду того обстоятельства, что отсюда по большей доступности крѣпостнаго фронта удобнѣе всего было вести рѣшительную атаку для овладѣнія городомъ.

4) Связью между полками, большим и лѣвой руки, служилъ отрядъ Цингъ-Алея, стоявшій за Булакомъ. Своимъ расположеніемъ онъ преграждалъ для гарнизона крѣпости Ногайскую дорогу.

5) Болотистый участокъ мѣстности къ сѣверу отъ Казани остался временно незанятымъ.

6) Общій резервъ всѣхъ осаждающихъ войскъ составляли: царская дружина (20000 человекъ) и принадлежащіе дружинникамъ боярскіе люди подъ главнымъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича, расположившіеся на Царевомъ лугу позади полка лѣвой руки. Тутъ же были разбиты и шатры царской ставки съ тремя церквями.

Расположеніемъ резерва на этомъ мѣстѣ достигалось полное обезпеченіе того участка Волги, на который базировались блокирующіе войска, и въ то же время представлялась возможность поддержать въ минуту необходимости полки, стоявшіе на Арскомъ полѣ и по теченію р. Булака.

Общая длина линіи обложенія русскихъ войскъ, считая и временно незанятый участокъ къ сѣверу отъ Казани, доходила до 7-ми верстъ. При числительности блокаднаго корпуса въ 140—150000 на каждый шагъ линіи обложенія приходилось около 14-ти человекъ, а безъ резерва—отъ 9-ти до 10-ти человекъ.

Числительность облагающихъ войскъ была въ четыре слишкомъ раза больше гарнизона крѣпости, но, если принять во вниманіе, кромѣ гарнизона, еще и отрядъ Япанчи, а также и городскихъ жителей, почти поголовно вооружившихся на защиту своихъ очаговъ, то численное превосходство русскихъ надъ татарами значительно сокращается и врядъ ли могло превышать болѣе, нежели въ 3 раза.

Такимъ образомъ, планъ обложенія Казани вполне удался; русскія войска окружили городъ и прервали всякое сообщеніе между нимъ и окружающею мѣстностью.

Вечеромъ того же дня Юаншъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ воеводъ и отдалъ имъ строгое приказаніе бдительно наблюдать за дѣйствіями противника и упорно отстаивать, въ случаѣ нападенія, занимаемыя имъ позиціи.

25-го августа, постѣ рекогносцировки, произведенной наканунѣ, ертоуль получилъ приказаніе перебраться съ Арскаго поля на лѣвый берегъ р. Казанки и войти въ связь съ полкомъ правой руки. Лишь только онъ выступилъ по назначенію, какъ бытъ атакованъ значительнымъ числомъ казанцевъ, сдѣлавшихъ неожиданную вылазку изъ города. Во время сраженія, войска ертоула встрѣтили татары тучами стрѣль и огнемъ инициалей. Завязался нерѣшительный бой, который тянулся до тѣхъ поръ, пока не подошли на помощь воевода ки. Хилковъ во главѣ боярскихъ дѣтей передового полка. Прибытіе свѣжихъ подкрѣпленій рѣшило участь боя. Казанцы были опрокинуты

обратно въ городъ съ большими потерями; потери русскихъ были не велики и состояли только изъ рапеныхъ.

Послѣ этого ертоуль переправился за Казанку и расположился между большою излучиною этой рѣки и нынѣшнимъ Федоровскимъ монастыремъ, войдя въ связь съ лѣвымъ флангомъ цожа правой руки. Такимъ образомъ, съ занятіемъ этого участка цѣня обложенія русскихъ войскъ окончательно сомкнулась.

Въ ночь съ 25-го на 26-ое августа полки, сторожевой и лѣвой руки, въ силу прежде полученнаго приказація (24-го числа), приступили къ постановкѣ туровъ вдоль лѣваго берега р. Булака. Для прикрытія работъ отъ вылазокъ гарнизона на противоположный берегъ были высланы стрѣльцы, которые и засѣли въ устроенныхъ ими окопахъ. Въ то-же время казаки сторожеваго полка заняли каменную баню, находившуюся по правой сторонѣ р. Булака. Баня эта имѣла весьма важное значеніе для осаждающихъ войскъ, такъ какъ представляла собой готовый фортъ почти подъ самыми стѣнами крѣпости. Работы дѣятельно велись въ теченіе всей ночи и къ утру 26-го числа всѣ туры были окончательно установлены безъ всякаго противодѣйствія со стороны гарнизона.

Вслѣдъ за тѣмъ Іоаннъ отдаетъ распоряженіе о постановкѣ туровъ войсками большого полка. Съ этой цѣлью онъ раздѣляетъ весь полкъ на двѣ части: одной приказываетъ быть въ пѣшемъ строю и исполнить всѣ работы по установкѣ туровъ, другой, — состоящей исключительно изъ конныхъ воиновъ, повелѣваетъ поддерживать пѣшихъ въ случаѣ вылазки изъ крѣпости.

Вечеромъ 26-го августа пѣшій отрядъ двинулся къ городу. Впереди слѣдовали стрѣльцы, казаки и боярскіе люди, долженствовавшіе прикрывать работы съ фронта, за ними — рабочія команды, катившія туры къ мѣстамъ ихъ установленія, а затѣмъ — въ видѣ частнаго резерва — пѣшія боярскія дѣти.

Едва войска приблизились къ городу, какъ съ городскихъ стѣнъ былъ открытъ по нимъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь и въ то-же время значительное число пѣшихъ и конныхъ татаръ стремительно кинулось на встрѣчу русскимъ. Загорѣлся отчаянный рукопашный бой, длившійся нѣкоторое время съ равнымъ усѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Ожесточеніе казанцевъ доходило до изступленія, но мужество и стойкость русскихъ все-таки превозмогли. Отражая огнемъ и мечемъ отчаянныя атаки, русскія войска постепенно подавались впередъ и, наконецъ, отбѣснили противника обратно въ городъ. Русскій нарядъ началъ громить городскія стѣны и ворота, а стрѣльцы, казаки и боярскіе люди открыли стрѣльбу изъ пищалей и луковъ по неприятелю, занимавшему вершины стѣнъ. Подъ прикрытіемъ этого огня рабочіе установили туры въ 50-ти саженахъ отъ крѣпостнаго

ра и насыпали ихъ землею. Когда работы были вполнѣ закончены, начальники отряда отвели назадъ боярскихъ людей и расположили ихъ въ возведенныхъ укрѣпленіяхъ; стрѣльцы-же и казаки остались впереди, передъ городскимъ рвомъ, и окопались. Вылазки казанцевъ возобновлялись непрерывно въ теченіе всей ночи, но всякій разъ, послѣ жестокой рукопашной схватки, опрокидывались русскими обратно въ городъ. Только къ утру 27-го августа бой совершенно затихъ, стоивъ обѣимъ сторонамъ громаднхъ потерь.

Такимъ образомъ, усилія казанцевъ противодѣйствовать осаднымъ работамъ не привели ни къ чему; войска большого полка все-таки успѣли окончателъно установить туры противъ всѣхъ удободоступныхъ мѣстъ восточнаго и юго-восточнаго фронтовъ крѣпостной ограды.

Вслѣдъ за тѣмъ Іоаннъ приказалъ вооружить всѣ установленныя туры осадными орудіями, причемъ, въ виду особенно важнаго значенія осадной артиллеріи противъ восточнаго и юго-восточнаго фронтовъ крѣпости, начальствованіе надъ нарядомъ въ турахъ большого полка возложено было на особое лицо. Вооруженіе туровъ большимъ нарядомъ состоялось въ теченіе 27-го числа, послѣ чего и былъ открытъ по стѣнамъ и внутреннему пространству крѣпости непрерывный огонь, который, совмѣстно съ мѣткой пищальной стрѣльбой стрѣльцовъ, засвѣвшихъ въ окопахъ подъ самыми городскими стѣнами, наносилъ казанцамъ чувствительныя потери.

28-го числа на помощь осажденному гарнизону изъ Арскаго лѣса явился отрядъ Япанчи. Въ этотъ день Япанча атаковалъ передовую полкъ и, заставъ его врасплохъ, сначала имѣлъ успѣхъ, но затѣмъ къ передовому полку постепенно стали прибывать части большого полка, дружина Владиміра Андреевича и великокняжеская дружина.

Прибытіе этихъ свѣжихъ подкрѣпленій пмѣнило ходъ боя. Русскія войска опрокинули татаръ обратно въ лѣсъ, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ.

29-го августа было приказано выставить полками правой руки и ertoуломъ туры вдоль праваго берега р. Казанки. Для прикрытія предстоящихъ работъ воеводы обонхъ полковъ выслали впередъ стрѣльцовъ и казаковъ, которые, достигнувъ Казанки, окопались и ввязались въ перестрѣлку съ крѣпостнымъ гарнизономъ, встрѣтившимъ наступленіе русскыхъ войскъ пищечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Тѣмъ временемъ позади слѣдовавшія войска подкатали туры, установили ихъ и насыпали землей. По окончаніи работъ полкъ правой руки занялъ вновь возведенныя туры; ertoуль, вслѣдствіе полученнаго приказанія, перешелъ на Арское поле для установки туровъ передъ сѣверо-восточнымъ фронтомъ крѣпости, на участкъ, занимаемомъ

передовымъ полкомъ, такъ какъ значительная часть людей этого полка была отвлечена къ сторонѣ Арскаго лѣса.

Такимъ образомъ, къ вечеру 29-го числа, спустя недѣлю отъ начала обложенія, Казань была окружена со всѣхъ сторонъ русскими укрѣпленіями и окончательно отрѣзана отъ остальной территоріи Казанскаго царства. Эти укрѣпленія состояли: на сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ—изъ сплошного ряда туровъ, насыпанныхъ землею изъ вырытаго за ними рва, а на низменныхъ и топкихъ мѣстахъ—изъ бревенчатого тына (наласа). Послѣдній устанавливался въ одно время съ турами.

По повелѣнію Іоанна боярина Михаилъ Морозовъ вооружилъ вновь возведенныя батареи (туры) осадной артиллеріей и съ этого времени 150 русскихъ орудій стали непрерывно обстрѣливать крѣпость со всѣхъ сторонъ. Подъ умѣлымъ руководствомъ своего опытнаго начальника русской нарядъ вскорѣ заставилъ замолчать большую часть крѣпостной артиллеріи и произвелъ сильное опустошеніе въ городѣ, но сбить раковичныя и ручничныя орудія ему не удалось, а между тѣмъ, послѣднія наносили осаднымъ войскамъ чувствительный вредъ.

Однако, усиленныя осадныя работы, безпрестанныя вылазки изъ крѣпости, нападенія и угрозы Япанчи, недостатокъ въ покое и пищѣ, — все это до крайности истомило войско въ теченіе первой недѣли осады. Кормовщики (фуражиры) не могли отбѣгать отъ стана, не рискуя попасть въ руки наѣздниковъ Япанчи, подстерегавшихъ русскихъ по всѣмъ направленіямъ. Опираясь на прочный Арскій острогъ, снабженный продовольственными запасами, Япанча дѣлалъ смѣлыя набѣги на станы русскихъ войскъ, неожиданно появляясь въ тылу то большого полка, то передового, то ертоула, то полка правой руки. Обыкновенно нападенія эти производились одновременно съ вылазками изъ крѣпости.

При такихъ обстоятельствахъ для успѣха осады являлось существенно необходимымъ оградить осадный корпусъ отъ налетовъ Япанчи. Въ этихъ видахъ Іоаннъ созвалъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было раздѣлить все войско на двѣ части: одна часть должна была производить осаду крѣпости (собственно осадный корпусъ), а другая—прикрывать ее съ поля, со стороны Япанчи (наблюдательный, обсервационный корпусъ). Эта послѣдняя часть была составлена изъ 3000 конныхъ и 15000 пѣшихъ воиновъ подъ общимъ и главнымъ начальствомъ доблестнаго воеводы, князя Александра Борисовича Горбатого Шудскаго.

Наблюдательный корпусъ началъ свои дѣйствія на слѣдующій-же день послѣ сформированія, 30-го августа. Укрывъ главныя силы въ засадѣ за горой, князь Горбатый на разсвѣтъ 30-го августа выслалъ небольшіе отряды въ Арскій лѣсъ, поручивъ имъ выманить оттуда

Япанчу. Порученіе это было исполнено как нельзя болѣе удачно. Наткнувшись въ лѣсу на татаръ, русскіе легкіе отряды быстро повернули назадъ и притворнымъ бѣгствомъ навели противника на приготовленную засаду. Увлеченны преслѣдованіемъ, головныя части отряда Япанчи долетѣли до нашихъ укрѣпленій въ то время, какъ остающіяся силы его, выйдя изъ лѣса, медленно надвигались въ боевомъ порядкѣ на станъ большаго подка. Воевода ертоульнаго полка, получившій приказаніе помочь отряду Горбатаго, первый бросился съ частью ертоула на правый флангъ татаръ; встѣдъ за нимъ слѣва ихъ атаковалъ изъ засады самъ князь Горбатый съ главными силами. Татары дрогнули, повернули назадъ и быстрымъ отступленіемъ хотѣли снова укрыться въ лѣсъ, но русская пѣхота, посланная заранѣе княземъ Горбатымъ отъ Казанки и Нижняго Кабана лѣсомъ на Арское поле, преградила имъ дорогу. Татары вынуждены были вступить въ неравный бой, который окончился для нихъ полнымъ пораженіемъ.

Князь Горбатый неотступно преслѣдовалъ разбитаго противника на разстояніи 15 верстъ, послѣ чего возвратился на Арское поле, избивъ по пути большое число отсталыхъ татаръ, укрывавшихся въ чащѣ лѣса и захвативъ 340 человекъ живыми.

Послѣ побѣды князя Горбатаго Іоаннъ сдѣлалъ попытку склонить казанцевъ къ сдачѣ города добровольно, но попытка эта успѣха не имѣла.

Между тѣмъ, съ окончаніемъ работъ по укрѣпленію позиціи обложенія Іоаннъ 31-го августа приказалъ находившемуся при войскѣ нѣмецкому инженеру (размыслу) приступить къ устройству подкопа подъ крѣпостную стѣну для образованія въ ней просторной бреши въ минуту штурма крѣпости. Мѣсто для веденія этого подкопа, названнаго большимъ, было выбрано со стороны р. Булака въ разстояніи около 250 шаговъ отъ него, у тура окольничаго Нечра Морозова, направленію къ угловой башнѣ на участкѣ стѣны между Тюменскими и Атадыковыми воротами. 31-го августа размыслъ началъ свои работы, которыя и окончилъ къ 1-му октября.

Съ установкой туровъ вдоль берега р. Казанки и отъ нея до Арскаго поля казанцы лишены были возможности пользоваться водою изъ этой рѣчки. Тогда они стали брать воду изъ ключа, который находился немного выше устья р. Булака; посредствомъ подкопа этотъ ключъ былъ разрушенъ 4-го сентября.

Въ этотъ день, воспользовавшись брешью, образовавшейся въ слѣдствіе взрыва подкопа подъ ключъ, сторожевой полкъ пронесся во-внутрь города, но по малочисленности удержаться не могъ.

Такимъ образомъ, Казань была лишена воды. Среди осажденныхъ возникла рознь: одни заговорили о сдачѣ, другіе, наоборотъ, упорствовали на продолженіи обороны и рѣшили добыть воду, копанъ колодцы

внутри города. После долгих поисков докопались до одного смрад-ного источника, коимъ и пользовались до конца осады, хотя отъ гнилой воды его заболѣвали, пухли и умирали.

Между тѣмъ, осада дѣлительно продолжалась. Русскій парядъ безостановочно громилъ стѣны и обстрѣливалъ все внутреннее пространство крѣпости.

Но вскорѣ вниманіе осаждавшихъ снова было обращено въ сторону Арскаго лѣса. Остатки разбитаго отряда Япанчи вновь сгруппировались въ Арскомъ острогѣ и стали опять беспокоить тылъ русскіихъ войскъ. Съ цѣлью окончательно отдѣлаться отъ этого неотвѣachableго противника Юаншъ приказалъ отряду, находившемуся подъ общимъ начальствомъ князя Горбатого-Шуйскаго, уничтожить острогъ и опустошить страну вплоть до Арскаго городка, лежащаго въ 56 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Казани.

Отрядъ князя Горбатого состоялъ изъ трехъ полковъ: большого, передового и сторожевого. Кромѣ того, въ составъ его входили также: сотни боярскихъ дѣтей царской дружины, сотни стрѣлцкя и казацыи, а также горные черемисы, назначенные служить проводниками.

6-го сентября князь Горбатый-Шуйскій выступилъ въ походъ и приблизился къ острогу, сильно укрѣпленному и находившемуся въ чащѣ лѣса, на высотѣ между двумя болотами.

Передовой полкъ, подоидя первымъ къ острогу, слѣшилъ свою конницу и, имѣя во главѣ стрѣльцовъ и казаковъ, двинулся на приступъ противъ острожныхъ воротъ. Слѣдовавшій за нимъ большой полкъ принявъ вправо и, также слѣшившись, бросился на штурмъ стѣны въ другомъ мѣстѣ. Шедшій позади сторожевой полкъ составилъ собою резервъ для штурмующихъ войскъ.

Татары встрѣтили атакующихъ ливнемъ пуль и стрѣлъ, но остановить ихъ все-таки не могли; рускіе ворвались въ острогъ и после кровопролитнаго боя выбили оттуда противника, захвативъ въ плѣнъ до 200 человекъ. Татары бѣжали, оставивъ массу убитыхъ и раненыхъ и значительное количество разнаго рода запасовъ.

Перепочевавъ на мѣстѣ битвы, князь Горбатый двинулся далѣе къ Арскому городку, грабя и разоряя все попутныя жилища и селенія, убивая мужчинъ и захватывая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. 8-го числа онъ достигъ Арскаго городка, покинутаго разбѣжавшимися жителями, гдѣ оставался въ теченіе двухъ дней, выславъ для грабежа и опустошенія небольшую подвижную колонну изъ боярскихъ дѣтей по всѣмъ направленіямъ. Затѣмъ, выступивъ обратно другою дорогою, князь Горбатый благополучно возвратился 16-го сентября къ Казани, куда къ этому-же времени собрались постепенно и всѣ бывшіе на поискахъ отряды.

Такимъ образомъ, съ этого времени опасность со стороны Арскаго дѣла была окончательно устранена; и русскіе полки, расположенные на восточномъ участкѣ обложенія, могли всецѣло сосредоточить свои силы и вниманіе на атакованномъ фронтѣ крѣпости.

Не таково было положеніе полка правой руки, стоявшаго на Галической дорогѣ. Губительный огонь непріятельскихъ гаковичныхъ и ручныхъ орудій, господствовавшихъ надъ позиціей полка, наносилъ войскамъ его большія потери на фронтѣ, а внезапныя нападенія луговой черемисы, отгонявшей то и дѣло лошадей и скоть, не давали покоя и въ тылу, въ станахъ этого полка.

Однажды, въ 20-хъ числахъ сентября черемисы одѣлали неожиданный набѣгъ на полкъ правой руки и отбили значительное число русскихъ лошадей. Воеводы этого полка тотчасъ-же бросились за ними, гнались на протяженіи почти 25-ти верстѣ и, достигнувъ, разбили на-голову, взявъ многихъ въ плѣнъ и отобравъ захваченныхъ лошадей.

Однако, и послѣ этого погрома нападенія луговыхъ черемисъ все-таки продолжались, что до крайности утомляло войска правой руки, заставляя ихъ и днемъ, и ночью быть на-сторожѣ. Къ этимъ трудамъ и опасностямъ присоединились еще новыя бѣдствія: пошли проливные дожди, ишаменность. Казаки наводнилась, люди мокли, не находя мѣста, гдѣ-бы обсушиться.

Осадныя работы, между тѣмъ, усиленно продолжались. Съ цѣлью обезопасить, насколько возможно, дальнѣйшее продвиженіе туровъ на главномъ фронтѣ атаки, по приказанію Іоанна, была выстроена деревянная башня, въ 6 саж. вышиною, и ночью подкатили ее на каткахъ къ участку стѣны между Царевыми и Арскими воротами. Башня эта была вооружена 10-ю большими орудіями, 50-ю гаковницами и значительнымъ числомъ стрѣльцовъ. На разсвѣтъ съ нея открыли сильный огонь вдоль стѣны и улицъ крѣпости, который и не прекращали до конца осады, нанося осажденнымъ громадныя потери.

Между тѣмъ, воевода большого полка, Воротынский, по приказанію Іоанна, постепенно придвигалъ туры къ самому рву у Арской башни и къ татарамъ противъ Арскихъ и Царевыхъ воротъ. Не смотря на незначительность разстоянія до рва (50 саж.), на эти работы пришлось употребить, однако, нѣсколько дней.

Наконецъ, 26-го сентября подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ сотенъ стрѣльцовъ, казаковъ и пѣшихъ боярскихъ людей туры были поставлены по самому краю рва, но придвинуть ихъ къ самымъ стѣнамъ все-таки не удалось, такъ какъ прикрывавшія сотни очень скоро ослабли отъ понесенныхъ ими потерь. Вслѣдствіе этого Воротынский вынужденъ былъ прекратить работы и отвести дрогнувшее прикрытіе за только-что возведенные туры.

Поддержанные боярскими дѣтми, стрѣльцы, казаки и пѣшіе боярскіе люди, отдѣленные отъ противника только трехсаженнымъ ровомъ, энергично отстаивали занимаемые ими туры и дружно отвѣчали на губительный огонь изъ крѣпости. Бой сдѣлался здѣсь постояннымъ, лишь изрѣдка прерываясь для необходимаго отдыха обѣихъ сторонъ. Въ одинъ изъ этихъ перерывовъ, когда русскіе отправились объѣхать, оставивъ для охраненія своихъ осадныхъ работъ небольшое число ратниковъ, казанцы, въ количествѣ 10000 человекъ, произвели рѣшительную вылазку, овладѣли турами и обратили въ бѣгство занимавшія ихъ войска. Однако, русскіе воеводы отовсюду поспѣшили на выручку потерянныхъ укрѣпленій. Завязался жестокой и кровопролитный бой, который въ концѣ концовъ окончился въ пользу русскихъ. Покинутые туры были вновь заняты нашими войсками.

Одновременно съ этой вылазкой казанцы и ногаи сдѣлали нападеніе на туры передового полка и ертоула, но здѣсь въ виду отдаленности отъ города нашихъ укрѣпленій войска успѣли наготовиться къ бою и, подпустивъ противника на близкую дистанцію, встрѣтили его сначала сильнымъ огнемъ, а затѣмъ — рѣшительной контръ-атакой. Татары были опрокинуты и преслѣдуемы до самого городского рва, понеся при этомъ значительныя потери, тогда какъ русскія войска обошлись безъ всякаго урона для себя.

Между тѣмъ, турамъ большого полка, но все же, угрожали ежeminутно казанцы, укрывавшіеся за тарасами, расположенными впереди крѣпостныхъ воротъ. Владѣя этими тарасами, осажденные могли свободно сообщаться по мостамъ черезъ крѣпостной ровъ, отнятый уже у нихъ въ другихъ мѣстахъ, и производить когда угодно рѣшительныя вылазки противъ русскіхъ войскъ, занимавшихъ ближайшіе туры. Это до крайности затрудняло и замедляло дальнѣйшее веденіе осады.

Чтобы окончательно избавиться отъ вылазокъ казанцевъ на этомъ фронтѣ, Іоаннъ приказалъ подвести мины подъ тарасы передъ Арскими и Царевыми воротами и по взрывѣ ихъ установить туры противъ этихъ воротъ. 30-го сентября тарасы взлетѣли на воздухъ съ находившимися за ними людьми. Пользуясь этимъ временнымъ замѣшательствомъ гарнизона, русскіе воеводы придвинули туры къ самымъ воротамъ: Арскимъ, Царевымъ и Аталыковымъ. Казанцы опомнились и съ яростью бросились на наши войска. На мѣсто битвы прибылъ самъ Іоаннъ. Увидя его, войска съ удвоеннымъ рвеніемъ ударили на казанцевъ, потѣснили ихъ къ мостамъ и воротамъ и на плечахъ отступающихъ ворвались въ городъ, взобрались на стѣны и заняли Арокую башню. Удача этого неожиданнаго штурма навела Воротынского на мысль покончить теперь же съ осажденной Казанью, и онъ послалъ просить Іоанна двинуть всѣ войска на

общій приступъ. Но Іоаннъ, имѣя въ виду, что остальные полки вовсе не были готовы въ этотъ день для штурма и вслѣдствіе этого могли замедлить, что повлекло-бы къ разрозненнымъ дѣйствіямъ, обѣщавшимъ мало успѣха, — приказалъ Воротынскому вывести войска изъ города. Исполнить это приказаніе стоило немалыхъ трудовъ. Увлеченные боемъ, русскіе ратники нехотѣ покидали городъ, но все-же настояніями воеводъ и частныхъ начальниковъ постепенно были выведены оттуда. Однако, Арская башня и ближайшія части городскихъ стѣнъ остались занятыми нашими стрѣльцами, которые, по приказанію Воротынскаго, быстро укрыли себя крѣпкими щитами и турами, насыпанными землею, и здѣсь удерживались до самого штурма. Отступая изъ города, русскіе зажгли мосты и городскія стѣны у Царевыхъ, Ногайскихъ и Аталыковыхъ воротъ. Пожаръ длился всю ночь, причѣмъ обгорѣвшія части городскихъ стѣнъ обрушились, образовавъ готовыя бреши для штурмующихъ колоннъ.

Казанцы дѣятельно работали надъ исправленіемъ крѣпостной ограды, ставя противъ проломовъ деревянныя срубы и насыпая ихъ землею.

Такимъ образомъ, къ 1-му октября русскіе уже владѣли на атакованномъ фронтѣ частью крѣпостной ограды и имѣли въ ней нѣсколько готовыхъ проломовъ для проникновенія во-внутрь крѣпости. Къ этому-же времени были закончены и главные подкопы: одинъ — со стороны Булака, — подъ угловую башню между Аталыковыми и Тюменскими воротами, начатый еще 31-го августа, другой — вѣденный отъ подвижной башни подъ угловую башню крѣпостной ограды между Арскими и Царевыми воротами. Осадныя работы пришли къ концу и оставалось только штурмовать крѣпость.

Но прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ этому рѣшительному средству, Іоаннъ еще разъ пытался уговорить казанцевъ добровольно сдаться, требуя отъ нихъ выдачи наемниковъ и обѣщая остальнымъ прощеніе и милость, но казанцы отказались на-отрѣзъ.

Тогда Іоаннъ на 2-ое октября назначилъ штурмъ.

Весь день 1-го октября ведаеъ дѣятельная подготовка къ штурму: крѣпостной ровъ заваливался лѣсомъ и землею, во многихъ мѣстахъ черезъ него строили мосты; нарядъ непрерывно громилъ крѣпостныя стѣны. Наконецъ, вечеромъ 1-го октября была отдана диспозиція для штурма.

Согласно этой диспозиціи, штурмъ долженъ былъ быть произведенъ семью колоннами, направленными съ разныхъ сторонъ. Двѣ изъ колоннъ, составленныя изъ войскъ большого полка, были предназначены для нанесенія главнаго удара, направляемаго на восточный и юго-восточный фасъ крѣпостной стѣны, гдѣ были проломы.

Такимъ направлениемъ главныхъ штурмующихъ колоннъ отъбывалась при удачѣ вся юго-восточная часть крѣпости, что въ значительной степени сокращало и облегчало бой внутри города и выпуждало защитниковъ отходить въ сѣверо-западный уголъ крѣпости, куда были направлены всѣ остальные русскія штурмующія колонны. Колоннамъ предшествовали казаки, стрельцы и боярскіе люди. За каждой колонной имѣлся частный резервъ. За колоннами-же, предназначенными для главнаго удара, слѣдовалъ общій резервъ.

Рано утромъ 2-го октября были произведены взрывы обонхъ подкоповъ и войска съ музкой и барабаннымъ боемъ тотчасъ-же двинулись на приступъ. Закипѣлъ упорный и кровопролитный бой и, не смотря на всѣ усилія татаръ, они вскорѣ были опрокинуты со стѣнъ. Тогда большой полкъ ворвался черезъ проломъ въ городъ, гдѣ и началась ожесточенная борьба на улицахъ.

Борьба эта, крайне тяжелая сама по себѣ, значительно еще затруднялась для русскихъ войскъ тѣмъ, что, оказавшись въ соседствѣ богатаго гостиннаго двора, они не удержались отъ грабежа и многіе изъ воиновъ оставили ряды сражающихся. Казанцы тотчасъ воспользовались этимъ и перешли въ рѣшительное наступленіе. Утомленныя продолжительнымъ боемъ, русскія войска не были въ состояніи сдержать натискъ татаръ и начали отступать. Въ заднихъ рядахъ началась паника. Произошло общее замѣшательство и казалось, что штурмъ грозитъ окончиться неудачей.

Тогда, по инициативѣ Воротынскаго, въ дѣло была пущена въ пѣшемъ строю половина общаго резерва, другая-же его половина изготовилась въ цѣляхъ немедленнаго поддержанія сражающихся.

Своевременное прибытіе половины общаго резерва позволило русскимъ смѣлымъ натискомъ принудить татаръ къ полному отступленію, причемъ князь Курбскій энергично преслѣдовалъ ихъ. Лишь небольшое число татаръ успѣло спастись.

4-го октября Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ Казань, а 11-го октября царь двинулся обратно въ Москву, причемъ пѣхота шла на судахъ, а конница — берегомъ. Въ Казани былъ оставленъ намѣстникомъ Горбатовъ-Шуйскій.

Остановливаясь на особенностяхъ Казанской операціи Іоанна IV въ 1552 г., необходимо отмѣтить:

Во 1-хъ, планъ операціи, составленный Іоанномъ съ глубокимъ пониманіемъ обстановки и на основаніи опыта предыдущихъ лѣтъ.

Во 2-хъ, искусное развертываніе арміи передъ походомъ.

Во 3-хъ, тщательную подготовку вполне обезпеченной промежуточной базы.

Во 4-хъ, предусмотрительность въ дѣлѣ пресѣченія сообщеній Казани съ ея союзниками.

Въ 5-хъ, отличную ориентировку царя съ самаго начала похода и во все время его продолженія, что достигалось тщательно и умѣло организованной развѣдкой и искусно поддерживаемой связью.

Въ 6-хъ, правильное пріятіе царемъ рѣшенія обратиться противъ татаръ на югъ и сначала избавиться отъ этой опасности и тѣмъ обезпечить себѣ правый флангъ и тѣмъ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе постепенность выработки плана дѣйствій при приведеніи рѣшенія въ исполненіе, что является слѣдствіемъ послѣдовательнаго ориентированія въ обстановкѣ.

Въ 7-хъ, сочетаніе у Иоанна рѣшительности съ осторожностью.

Въ 8-хъ, правильное пониманіе Иоанномъ принципа единоначалія.

Въ 9-хъ, пониманіе Иоанномъ значенія нравственнаго элемента и мѣры къ поднятію его (религія и уваженіе къ историческому прошлому арміи).

Въ 10-хъ; вполнѣ рациональную организацію марша отъ Оки къ Тулѣ и отъ Оки къ Казани; характеръ движенія зависѣлъ исключительно отъ обстановки.

Въ 11-хъ, значительные переходы.

Въ 12-хъ, вполнѣ рациональный планъ обложенія, искусное производство осадныхъ работъ.

Въ 13-хъ, формированіе наблюдательнаго корпуса, что вызывалось обстановкой, и искусныя дѣйствія его.

Въ 14-хъ, искусный планъ сраженія 30-го августа, основанный на характерѣ противника.

Въ частности, въ этомъ сраженіи обращаетъ на себя вниманіе: заблаговременная высылка къ выходамъ изъ лѣса пѣхотныхъ частей, искусный образъ дѣйствій конницы, своевременное вступленіе въ дѣйствіе частей боевого порядка и преслѣдованіе.

Въ 15-хъ, правильные приемы атаки укрѣпленнаго пункта въ сраженіи 6-го сентября: атака съ разныхъ сторонъ при наличности резерва.

Въ 16-хъ, наличность во всѣхъ боевыхъ столкновеніяхъ какъ частныхъ, такъ и общаго резервовъ.

Въ 17-хъ, правильный выборъ пункта главнаго удара при штурмѣ Казани; некую организацію демонстрацій и, въ зависѣмости отъ этого, вполнѣ рациональное распределеніе силъ для штурма съ отдѣленіемъ части ихъ въ частные и общій резервы.

Затѣмъ, въ Казанской операциіи обращаетъ на себя вниманіе дисциплина арміи и умѣнье начальниковъ держать свои войска въ рукахъ.

Въ общемъ, нужно сказать, что вся Казанская операциія отличается методичностью: она показываетъ несомнѣнный полководческій

талантъ у Иоанна IV, достаточную подготовку его старшихъ начальниковъ; довѣріе, которое оказывать молодой царь этимъ начальникамъ, какъ опытнымъ и знающимъ воинамъ; достаточное развитіе частной инициативы у начальниковъ всѣхъ степеней и чувство взаимной выручки у всѣхъ чиновъ арміи.

VI. Смутное время.

(Конец XVI и начало XVII вѣка).

1) Общія условия, влияющія на развитие военного искусства.

Развитіе помѣстной системы, начавшееся при Іоаннѣ III и достигшее крайнихъ предѣловъ при Іоаннѣ IV, дало возможность провести въ жизнь стройную военную систему. Благодаря-же этой системѣ, организація вооруженной силы и ея боевая дѣятельность могли стать на такую степень развитія, которая позволяетъ сказать, что военное искусство у насъ на Руси въ этотъ періодъ находилось на высотѣ.

Приведшая съ военной точки зрѣнія къ благопріятнымъ результатамъ, та-же помѣстная система, правда, въ связи съ другими обстоятельствами, создала такія общія условия, которыя, въ свою очередь, были крайне неблагопріятны для развитія у насъ военного искусства и хотя временно, но значительно понизили уровень его состоянія.

Раздача помѣстій, съ одной стороны, низшимъ слоямъ населенія на окраинахъ государства въ цѣляхъ обороны границъ, съ другой стороны, — высшимъ слоямъ населенія внутри государства, откуда ушелъ мелкій людъ на границу, становясь стрѣльцами, городовыми казаками, пушкарями и т. п., приводила къ тому, что области дробились на мелкіе участки, на множество частныхъ разобщенныхъ хозяйствъ. При этомъ служилый владѣлецъ этихъ отдѣльныхъ участковъ получалъ право облагать крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу. Въ то-же время онъ былъ обязанъ собирать съ нихъ и государственныя подати. Такимъ образомъ, землевладѣлецъ получалъ власть надъ крестьянами, а такъ какъ только наличностью достаточнаго числа рабочихъ рукъ на землѣ помѣщика обезпечивалась исправность его службы и вообще все его благосостояніе, то землевладѣльцы старались всѣми мѣрами прикрѣпить себѣ рабочее населеніе, не отпуская отъ себя тѣхъ, кого получали вмѣстѣ съ землей, и связывая соответствующими договорами тѣхъ, которыхъ „называли“ на свои земли.

Правительство поддерживало эти домогательства помещиковъ и способствовало ихъ выполнению, такъ какъ крѣпкое владѣльцу рабоче населеніе служило надежнымъ основаніемъ и служебной исправности служащаго землевладѣльца, и податной исправности частно-владѣльческихъ хозяйствъ.

Однако, переходъ рабочаго населенія въ частную зависимость былъ для него настолько тяжелъ и непріятенъ, что оно не могло легко мириться съ этимъ фактомъ.

Слѣдствіемъ этого явилось со стороны крестьянъ стремленіе выйти съ земель, взятыхъ изъ непосредственнаго крестьянскаго распоряженія. Такому переселенію способствовало во 1-хъ, пріобрѣтеніе Московскимъ правительствомъ въ половинѣ XVI вѣка огромныхъ земельныхъ богатствъ на востокѣ, а во 2-хъ, стремленіе самого правительства скорѣе заселить вновь пріобрѣтенныя земли и тѣмъ закрѣпить обладаніе ими за собою и прикрыть ихъ отъ покушеній пазнѣ.

Вызванныя такимъ стремленіемъ правительства заботы о переселеніи, сказавшіяся въ различныхъ льготахъ переселенцамъ, способствовали тому, что въ послѣдней четверти XVI столѣтія въ уѣздахъ замосковскихъ и западныхъ въ значительной степени уменьшилось населеніе и произошло запустѣніе земель.

Такъ какъ съ такихъ опустѣлыхъ земель правительство не имѣло ни службы, ни платежей, то естественно, что переселеніе, вообще говоря, лишало правительство и силъ, и средствъ, а потому и возбуждало въ немъ большую тревогу. Это повело къ крутому измѣненію въ настроеніи правительства, повлекшему за собою измѣненіе и въ его внутренней политикѣ. Съ 1572 г. правительство начинаетъ принимать частныя мѣры, клонящіяся къ сокращенію переселенія.

Одновременно и землевладѣльцы продолжаютъ различными способами стремиться къ тому, чтобы закрѣпить за собою рабочую силу.

Все эти способы естественно вели къ ограниченію свободы и правъ крестьянской массы. Въ результатъ право переселенія крестьянъ было ограничено.

И такія условія, создавшіяся сначала въ центральныхъ областяхъ государства, распространились постепенно и на вновь заселяемыя окраины.

Населеніе, очевидно, не могло мириться со своимъ закрѣпощеніемъ, а такъ какъ все раздвигающіяся границы надо было оборонять и потому правительство должно было не обращать вниманія на перемѣщеніе людей на окраины, то недовольное населеніе уходило свободно на рубежи.

Такимъ образомъ, на рубежахъ скоплялось население, считающее себя обиженнымъ существовавшимъ государственнымъ порядкомъ и потому питавшее неудовольствие на этотъ порядокъ.

Неудовольствие это росло по мѣрѣ расширенія границъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ росло и число недовольныхъ, и озлобленіе уже однажды переселившихся.

Наряду съ этимъ столкновения и пререканія между боярами и государемъ, получившія уже достаточное развитіе при Іоаннѣ III и Василіи III, въ царствованіе Іоанна IV достигли громадныхъ размѣровъ.

Защищая идею единовластія отъ покушенія боярѣ, обманутый въ своихъ привязанностяхъ къ людямъ, которымъ онъ доверялъ и которые составили противъ него заговоръ, давшій волю своимъ страстямъ, болѣзненной подозрительности и недоверчивости, Іоаннъ IV, вызвавъ къ жизни опричнину, создалъ такое положеніе для боярства, которое раздражало его и развивало въ немъ недовольство.

Не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ низшій и высшій классъ населенія, находился и средній классъ—мелкіи служилый людъ. На немъ лежала вся тяжесть военной службы, вызываемой какъ непрерывными внѣшними войнами, такъ и охраной своихъ границъ.

Между тѣмъ, средствъ для отбыванія службы не было почти никакихъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ слояхъ населенія въ концѣ царствованія Іоанна IV росло и крѣпло недовольство противъ правительства, противъ существующаго государственнаго порядка.

Такое положеніе вещей, очевидно, приводило къ тому, что во 1-хъ, не смотря на непрерывныя войны, какъ правительство, такъ и населеніе должны были обращать больше вниманія на внутреннюю политику, удѣляя мало творческой дѣятельности арміи; во 2-хъ, что не было достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, чтобы поддерживать устройство вооруженныхъ силъ; въ 3-хъ, что вслѣдствіе недовольства населенія дисциплина въ арміи должна была пасть; въ 4-хъ, что частыя передвиженія населенія нарушали самую систему.

Всѣ это, конечно, не могло не отозваться крайне неблагоприятно на состояніи военного искусства и, очевидно, не могло способствовать его развитію.

Но если при жизни Іоанна IV условія складывались такъ неблагоприятно для развитія военнаго искусства, то непосредственно послѣ его смерти условія эти сдѣлались еще болѣе худшими.

Іоанну Гробаюму наследовалъ его слабоумный сынъ, Федоръ, и государствомъ правилъ сначала его ближніе бояре, а съ 1586 г. одинъ изъ нихъ, Борисъ Годуновъ.

Вслѣдствіе этого ко всему прочему прибавилась еще борьба изъ-за власти между боярами.

Со смерти Іоанна, собственно говоря, слѣдуетъ считать начало смутнаго времени. Борьба между боярами временами принимала очень рѣзкій характеръ и, внося много растлѣвающего въ жизнь русскаго общества того времени вообще, несомнѣнно для военнаго дѣла являлась условіемъ, прямо разлѣвающимъ.

Не измѣнилось положеніе вещей и тогда, когда по смерти Федора Іоанновича царемъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ.

Правда, всѣ современные писатели говорятъ, что по смерти Грознаго, благодаря дѣятельности Бориса Годунова, на Руси настала тишина и сравнительное благополучіе, но такая перемена въ общественной жизни мало отразилась на судьбахъ арміи, такъ какъ во 1-хъ, эта тишина продолжалась недолго: происки бояръ, убійство царевича Дмитрія, страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 г., развитіе разбойничества, какъ слѣдствіе этого голода, наконецъ, появленіе въ 1601 г. слуховъ о томъ, что царевичъ Дмитрій живъ, — все это вновь вызвало нездоровое возбужденіе въ странѣ.

Во 2-хъ, правящіе классы все время были болѣе всего заняты не государственными дѣлами, а своими личными интересами и домогательствами.

Во 3-хъ, Борисъ Годуновъ, одаренный мягкой, миролюбивой натурой, былъ умнымъ правителемъ и искуснымъ дипломатомъ, но не любилъ военнаго дѣла и по возможности избѣгалъ войны, что несомнѣнно отодвигало военные вопросы на второй планъ.

Наконецъ, обиженное и завистливое боярство, потерпѣвшее неудачу въ своихъ проискахъ, направленныхъ противъ избранія Бориса Годунова на Московскій престолъ по смерти Федора Іоанновича, выдвинуло на политическую сцену самозванца, Лжедмитрія I.

Въ странѣ начался полнѣйшій сумбуръ. Бояре, видя въ самозванцѣ только средство набавиться отъ Бориса, съ войсками передавались на сторону Лжедмитрія или умышленно несли пораженія и тѣмъ впервые привлекли русскія войска къ участию въ рѣшеніи вопросовъ внутренней политики, главнымъ образомъ, въ дѣлѣ занятія царскаго престола.

20-го іюня 1605 г. по смерти царя Бориса первый самозванецъ торжественно вѣхалъ въ Москву, ставъ русскимъ царемъ.

Но используя самозванца, какъ средство, знатнѣйшіе бояре измѣнили ему и сами стали добиваться Московскаго престола.

Въ ночь съ 16-го на 17-ое мая при помощи 18-тысячнаго войска бояринъ Шуйскій поднялъ въ Москвѣ бунтъ, слѣдствіемъ котораго

живилась смерть Лжедмитрія I и возрешеніе Василя Шуйскаго, ограниченного въ царской власти притязаніями бояръ.

Нравственная шаткость и политическая безпринципность новаго царя, въ связи съ условіями его избранія, конечно, не могли способствовать успокоенію страны и приведенію въ порядок ея управленія, тѣмъ болѣе, что всѣ прочія неблагопріятныя данныя не только не переставали дѣйствовать, но проявлялись еще съ болѣею силой. вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, не могли создаться и условія, благопріятствующія правильному развитію у насъ военнаго дѣла.

Въ царствованіе Василя Шуйскаго, когда бояре пріобрѣтаютъ болѣе власти и значенія, смута расширилась и углубилась: ею были затронуты почти всѣ области русскаго царства, а съ другой стороны, изъ высшаго класса она проникаетъ въ низшіе слои населенія и принимаетъ характеръ смуты народной.

Въ результатъ, дѣльные города и области русскіе возстали противъ Шуйскаго и какъ дворянскія ополченія, такъ и ополченія, составленныя изъ разнаго сброда изъ низшихъ слоевъ населенія, подняли открытыя мятежи противъ царя. Началась междоусобная война. Стали появляться самозванцы. Явился Лжедмитрій II, тогда-же прозванный народомъ воромъ. Царь Василій не могъ справиться съ самозванцемъ, который утвердился въ Тушинѣ.

Вслѣдствіе этого онъ обращается къ иноземному содѣйствію и призываетъ къ себѣ на помощь шведовъ.

Трехтысячный вспомогательный отрядъ Делагарди вмѣстѣ съ русскимъ ополченіемъ, подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго, удачно дѣйствуетъ противъ Тушинскаго вора. Но союзъ Шуйскаго со шведами вызываетъ походъ на Москву польскаго короля Сигизмунда, который въ сентябрѣ 1609 г. осадилъ Смоленскъ.

Такимъ образомъ, ко всѣмъ прочимъ бѣдствіямъ, которымъ въ это время подвергалась Русь, прибавилось еще одно—иноземное нашествіе. Первымъ слѣдствіемъ его было бѣгство Тушинскаго вора въ Калугу, а затѣмъ въ мартѣ 1610 г. вступленіе Скопина-Шуйскаго въ Москву, освобожденную отъ окружавшихъ ее польскихъ отрядовъ изъ числа приставшихъ къ вору.

Успѣшныя дѣйствія Скопина-Шуйскаго позволяютъ снарядить для освобожденія Смоленска 38000-ную рать, во главѣ которой, за смертью Скопина, былъ поставленъ братъ царя, Дмитрій Шуйскій.

На пути къ Смоленску Дмитрій Шуйскій былъ атакованъ у д. Клушина и разбитъ польскими войсками гетмана Жолѣвскаго.

Это пораженіе усилило неудовольствіе противъ царя Василя Шуйскаго, и онъ былъ 17-го іюня низложенъ съ престола, а во главѣ управленія стала боярская дума. Воспользовавшись этимъ, къ

Москвѣ съ одной стороны подступилъ Тушинскій вору, а съ другой стороны — Жолтѣвскій.

При такихъ обстоятельствахъ боярская дума, не желая царя изъ своей среды и боясь перехода власти къ черни, сочувствовавшей вору, вступила въ переговоры съ польскимъ королемъ, соглашаясь признать своимъ царемъ Владислава, сына короля, на условіяхъ сохраненія самостоятельности Московскаго престола и принятія Владиславомъ православія.

Послѣ этого въ ночь съ 21-го на 22-ое сентября польскія войска Жолтѣвскаго заняли Москву.

Между тѣмъ, Сигизмундъ, не соглашаясь на вступленіе Владислава на Русскій престолъ, предъявилъ свои права на всю Русь и для занятія городовъ выслалъ отряды своихъ войскъ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ вызвала ропотъ во всемъ народѣ, усилила неудовольствіе его противъ поляковъ, возбудила его противъ Владислава и въ концѣ концовъ породила серьезное движеніе противъ поляковъ и желаніе имѣть какого-нибудь другого царя. Взоры всѣхъ невольно устремились опять на вѣра, но въ декабрѣ 1610 г. онъ умеръ.

Со смертью его исчезла одна изъ важнѣйшихъ причинъ, разъединившихъ русскихъ людей; чувство національнаго единства заговорило сильнѣе, а вслѣдствіе этого неудовольствіе противъ иноземцевъ стало развиваться все больше и больше и, наконецъ, началось движеніе, стремившееся, во имя сохраненія русской національности и государственности, изгнать Русь отъ поляковъ.

Сила національнаго движенія была такова, что въ началѣ 1611 г., подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова, собралось со всѣхъ концовъ земли русской ополченіе, силой до 100000 человекъ, въ составъ котораго вошли и бывшіе тушинцы, и казаки.

Ляпуновъ двинулся къ Москвѣ и въ мартѣ обложилъ ее, отгнѣснвъ поляковъ въ Кремль.

Вскорѣ, однако, начались разногласія между начальниками ополченія. Ляпуновъ былъ убитъ, и ополченіе, кромѣ казаковъ, разошлось.

Ополченіе это, игравшее весьма незначительную роль съ военной точки зрѣнія, имѣло громадное политическое значеніе: до смерти его предводителя, Ляпунова, оно въ рукахъ своихъ сосредоточивало фактически всю государственную власть, играя роль правительства. Этотъ фактъ, не давая намъ ничего поучительнаго съ точки зрѣнія исторіи военнаго искусства въ Россіи, показываетъ намъ всю силу военной организаціи, хотя далеко и несовершенной, и все значеніе въ этой организаціи рѣшительнаго, энергичнаго и полномочнаго ея вождя.

Смерть Ляпунова и распад его ополчения заставили лучших русских людей придти въ полное уныніе и у нихъ уже зародилось сомнѣніе въ возможности успѣха дѣйствій противъ проземецевъ. Къ тому же почти въ то же время, а именно: 3-го іюня, Сигизмундъ послѣ полуторагодовой осады, въ слѣдствіе намѣны, взявъ Смоленскъ, съ честью защищаемый бояриномъ Шеншинымъ, и 16-го іюля шведы обманомъ взяли Новгородъ, который по мирному договору долженъ былъ образовать особое государство подь главенствомъ одного изъ сыновей шведскаго короля; въ Псковѣ въ это время появился третій Лжедмитрій и Псковъ какъ-бы совсѣмъ оторвался отъ государства. Положеніе Россіи было таково, что многіе не безъ основанія считали, что настали послѣдніе ея дни.

Тогда-то призывъ патріарха Гермогена, архимандрита Троицкой лавры, Діонисія, и келаря Авраамія Палицына поднялъ нижегородцевъ съ земскимъ старостою Козьмою Мининимъ-Сухорукимъ.

Явились новыя ополченія, во главѣ которыхъ по ихъ-же выбору сталъ Дмитрій Пожарскій.

Ополченіе это имѣло то же политическое значеніе, какъ и ополченіе Ляпунова: въ рукахъ его сосредоточивалась вся государственная власть. Однако, это ополченіе какъ по результатамъ своей дѣятельности, такъ и по личности стоявшаго во главѣ его князя Пожарскаго, кромѣ того, имѣло еще и спеціально военное значеніе, рисующее намъ до нѣкоторой степени состояніе военнаго искусства въ Россіи въ то время.

Двинувшись по Волгѣ, Пожарскій постепенно усиливался новыми дружинами и медленно подвигался къ Москвѣ.

Лишь въ августѣ 1612 г. Пожарскій изъ Ярославля двинулся къ Москвѣ, у которой съ ополченіемъ сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ съ сѣверо-запада отъ Кремля. На южной и юго-восточной сторонѣ города стояли казаки князя Трубецкого изъ перваго ополченія.

22-го августа поляки, стоявшіе у города, атаковали Пожарскаго и послѣ семичасоваго боя вынуждены были отступить.

24-го августа поляки вновь атаковали Пожарскаго, но были отброшены и стали отступать по Смоленской дорогѣ.

Послѣдствіемъ этой побѣды Пожарскаго была сдача въ плѣнъ поляковъ, находившихся въ Кремлѣ, и занятіе имъ Москвы.

Грамотой отъ 15-го ноября Пожарскій созвалъ въ Москву по 10-ти человекъ отъ городовъ для выбора царя.

21-го февраля 1613 г. на земскомъ соборѣ единогласно былъ избранъ на царскій престолъ Михаилъ Федоровичъ Романовъ, и этимъ избраніемъ было положено начало конца смутному времени.

2) Состояніе вооруженныхъ силъ.

Общая характеристика.

Таковы были условия, въ которыхъ жила Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка и которыя, поколебавъ всѣ устои государства и способствуя нравственной расшатанности общества, отнимали возможность къ какой-бы то ни было созидательной творческой работѣ. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ и военное искусство не только не могло развиваться, но, напротивъ, должно было падать.

И дѣйствительно, разстройство государственнаго организма и всѣхъ его органовъ управления приводило прежде всего къ тому, что военная система не могла совершенствоваться. Приходилось пользоваться старой системой, приспособляя ее къ обстоятельствамъ минуты. Въ дни второго самозванца и нашествія поляковъ, когда разгромъ былъ полный, даже и прочно установившаяся помѣстная система не могла дѣйствовать; некому было приводить ее въ дѣйствие да и средствъ для этого не было.

Приходилось обращаться къ на-скоро набраннымъ ополченіямъ самаго смѣшаннаго состава безъ какой-бы то ни было подготовки и опыта.

Если къ этому прибавить, что общее нравственное растлѣніе не могло не коснуться и того элемента населенія, изъ котораго набирались ополченія, то станетъ вполнѣ яснымъ, что представляли собой по преимуществу русскія войска того времени. Отсюда понятны постоянныя измѣны войска законному правительству, смуты и безпорядки среди войскъ, какъ то было въ Перми въ 1606 г., когда войска начали избивать другъ-друга и въ концѣ концовъ всѣ разбѣжались, и пораженія царскихъ войскъ шайками различныхъ авантюристовъ.

Съ другой стороны, интриги бояръ, нравственное ихъ паденіе, отсутствіе у большинства изъ нихъ истиннаго патриотизма, преслѣдованіе своихъ личныхъ интересовъ даже во вредъ дѣлу государства, предажность ихъ, приводили къ тому, что и предводителями, и руководителями войскъ становились лица, неимѣющія никакихъ данныхъ, чтобы быть таковыми.

Понятно, что крайнее несовершенство орудія войны и неумѣлое и неискусное руководительство имъ не могли поставить военное искусство на высокую степень развитія, и въ результатъ цѣлый рядъ неудачъ въ борьбѣ со внѣшними врагами, что въ связи съ внутренней смутой и поставило Русь на край гибели.

Къ счастью, сильны были въ русскомъ народѣ идея національнаго государства и чувство любви къ роднѣмъ.

Поднятый во имя ихъ, русскій народъ въ концѣ концовъ справился со смутой и нашелъ средства для дальнѣйшаго проведенія въ жизнь своихъ стремленій на пути созданія могущественнѣйшаго государства, включающаго въ себя всѣ русскія области и весь русскій народъ.

Было-бы, однако, несправедливо, а съ точки зрѣнія исторіи военнаго искусства и невѣрно, если-бы, характеризую состояніе военнаго дѣла на Руси въ эпоху смутнаго времени, мы ограничивались приведеннымъ отзывомъ. Для полноты картины и для исторической точности необходимо отмѣтить какъ попытки въ дѣлѣ устройства вооруженной силы, такъ и иногда проявляемое героическое поведеніе войскъ и искусныя дѣйствія нѣкоторыхъ изъ вождей.

Прежде всего необходимо отмѣтить стремленіе Бориса Годунова и Василя Шуйскаго привлечь на русскую службу возможно больше иноземцевъ. Уже при Борисѣ изъ иноземцевъ была составлена особая дружина, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, изъ 9000 человекъ, и несомнѣнно, что у него было желаніе воспользоваться знаніями и опытностью иноземныхъ военныхъ людей, чтобы реорганизовать свои войска, придавъ имъ болѣе правильное устройство.

„Воинская книга“ и „Уставъ дѣлъ ратныхъ“.

Такое-же стремленіе можно подмѣтить и у Василя Шуйскаго, который съ этою цѣлью издалъ во 1-хъ, „Воинскую книгу“, переведенную съ нѣмецкаго придворными переводчиками, и во 2-хъ, переведенный съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ „Уставъ дѣлъ ратныхъ“.

Первая книга заключаетъ въ себѣ довольно подробное изложеніе о приготовленіи пороха, „сирѣчь зеля для стрѣлянна“, а затѣмъ въ книгѣ изложены также необходимѣйшія правила для стрѣльбы изъ пушекъ и пицалей.

Вторая книга, изданіе которой продолжалось съ 1607 до 1621 г., носитъ названіе: „Уставъ ратныхъ, душечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій изъ 663 указовъ или статей, въ государствование царей и Великихъ князей, Василя Іоанновича Шуйскаго и Михаила Федоровича всея Россіи самодержцевъ. Въ 1607 и 1621 г. выбранъ изъ иностранныхъ книгъ Описаніемъ Михайловымъ“.

Эта рукописная книга является у насъ первымъ теоретическимъ сочиненіемъ о военномъ искусствѣ.

Въ этомъ уставѣ говорится о совершеши походныхъ движеній, причемъ особенное вниманіе обращается на обозы, которые въ то время были громадны. Затѣмъ, говорится о боевомъ порядкѣ, о назначеніи и обязанностяхъ начальствующихъ лицъ. Интересно отмѣтить, что одной изъ обязанностей воеводы было воодушевлять войска передъ боемъ. Этой обязанности посвящена особая статья „О указѣ, какъ воинскихъ людей передъ напускомъ противъ недруговъ славы увѣщати“. Въ ней содержится указаніе о необходимости напоминать войнамъ о любви къ царю, отечеству и православнои вѣрѣ и объ обязанности защищать правое дѣло.

О боѣ собственно въ уставѣ говорится мало. Настоячиво проводится только мысль о томъ, чтобы войска постоянно сохраняли порядокъ, въ особенности при отступленіи.

Далѣе идутъ статьи „какъ въ осаду въ городѣхъ сидѣти“. Въ этихъ статьяхъ говорится о томъ, какъ предохранить себя отъ нечаянныхъ нападений, высылая разъѣзды и дозоры, какъ производить вылазки во время самой осады.

Главнѣйшую часть устава представляетъ рядъ статей „о взятіи городовъ или посадовъ и о пушкарскомъ дѣлѣ“. Всѣхъ статей было много и часть ихъ говоритъ объ осадныхъ работахъ, другая часть — о стрѣльбѣ изъ орудій.

Судя по тому, что наложено въ этихъ статьяхъ, можно придти къ заключенію, что осадное искусство у насъ стояло на высокой ступени развитія и въ этомъ отношеніи не отставало отъ запада; искусство же стрѣльбы было крайне несовершенно.

Наконецъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ устава говорится о веденіи подкоповъ и о томъ, какъ узнавать, гдѣ ведетъ подкопы неприятель.

Въ общемъ уставъ этотъ свидѣтельствуетъ, что у насъ въ то время уже сложились твердые убѣжденія и взгляды относительно боевой дѣятельности войскъ въ различныхъ обстоятельствахъ, что наименьшую склонность у насъ проявлял къ веденію полевого боя и что, напротивъ, предпочитали обращаться къ крѣпостной войнѣ, обороняя или атакуя укрѣпленные города, и что эта отрасль военного искусства находилась у насъ на высокомъ уровнѣ развитія, вполне отвѣчая потребностямъ времени.

Наконецъ, паданіе этого устава показываетъ, что у насъ тогда уже созрѣвала необходимость заблаговременной подготовки войскъ и во всякомъ случаѣ обученія ихъ въ простой и доступной формѣ, представлявшимъ имъ дѣйствія. Последнее, впрочемъ, достигалось уставомъ не вполне, такъ какъ нѣкоторыя статьи его были написаны крайне безтолково и неясно.

Однако, необходимо замѣтить, что вслѣдствіе неурядицы того времени вообще переводъ и изданіе этого устава при Василии Шуй-

скомъ не имѣли особаго практическаго вліянія на усовершенствованіе строя и образа дѣйствія русскихъ войскъ, и значеніе его ограничивается тѣмъ, что впоследствии онъ, исправленный и дополненный, былъ введенъ въ войска царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

Чтобы покоичить съ дѣятельностью нашихъ государей смутнаго времени по привлеченію на службу иностранцевъ съ цѣлью при помощи ихъ реорганизовать наши войска, необходимо отмѣтить, что Іжедмитрій I образовалъ три роты иноземцевъ, однообразно и богато одѣтыхъ и вооруженныхъ.

Нужно, однако, сказать, что всѣ указанныя попытки остались безъ послѣдствій.

Обстоятельства смутнаго времени не давали возможности имъ развиться и укорениться, и иноземная дружина Годунова и роты перваго самозванца уничтожались вмѣстѣ со смертью того и другого.

Вооруженіе и укрѣпленіе границъ.

Неурядицы смутнаго времени не остановили также развитія и распространенія у насъ огнестрѣльнаго оружія: если въ походѣ Іоанна IV въ 1552 г. было 150 тяжелыхъ орудій, то въ войнѣ со Швеціей при Федорѣ Іоанновичѣ ихъ было уже 800.

Усовершенствовалось также и ручное огнестрѣльное оружіе: въ этотъ именно періодъ у насъ впервые появились карабины и пистолы или пистолеты.

Нелюбовь царя Бориса къ войнѣ и вообще его миролюбіе выразилось между прочимъ, въ томъ, что онъ обращалъ особенное вниманіе на содержаніе въ порядкѣ укрѣпленныхъ пограничныхъ линій и на правильное и аккуратное несеніе пограничной сторожевой службы.

Въ смутное время междоусобствъ и самозванцевъ поддержаніе того и другого въ исправности было не возможно. Однако, южно-русская Украйна, благодаря линіямъ, не разъ удачно отбивалась отъ самозванцевъ.

Въ это же время въ Россіи появились полевые окопы, которые по своимъ свойствамъ принадлежатъ уже высшей фортификаціи и называются шанцами. Эти полевые окопы состояли изъ 4-хъ—угловыхъ земляныхъ редутовъ.

При Борисѣ же были значительно увеличены оклады содержанія всѣмъ войскамъ.

Духъ и дисциплина арміи.

Что касается духа и дисциплины русских войскъ смутнаго времени, то уже изъ изложеннаго выше можно составить себѣ объ этомъ довольно опредѣленное представленіе.

Для большей полноты картины можно привести по этому поводу мѣнѣе одного изъ иностранцевъ, проживавшаго въ Россіи при Годуновѣ и первомъ самозванцѣ. Онъ говоритъ, что русскіе служилые люди составляли огромныя толпы, незнавшія ни порядка, ни дисциплины, непризнававшія никакого начальства, перѣдко предававшіяся буйству, своеволію, беззачатию, грабежамъ, разбоймъ и беспорядкамъ.

Конечно, были исключенія и такимъ прежде всего является немногочисленный гарнизонъ Смоленска, который въ теченіе полутора года (1609—1611) выдерживалъ осаду Сигизмунда при крайне тяжелыхъ условіяхъ.

Скопинъ-Шуйскій и князь Пожарскій.

Что касается вождей смутнаго времени, то по своему таланту и искусству прежде всего обращаетъ на себя вниманіе молодой 24-лѣтній Скопинъ-Шуйскій, любимецъ и войска, и всего народа.

Скопинъ всегда искусно соображалъ свои планы, которые преимущественно были наступательные, и рѣшительно приводилъ ихъ въ исполненіе, стремясь прежде всего дѣйствовать сосредоточенными силами, направляя ударъ въ наиболѣе чувствительную точку. Не смотря на свою рѣшительность и молодость, Скопинъ въ то же время отличался благоразумной осторожностью.

Другимъ военнначальникомъ этого времени, обращающимъ на себя вниманіе, является князь Пожарскій. Его отличительную черту, какъ полководца, составляетъ стремленіе къ подготовкѣ операциі въ отношеніи ея безопасности и обезпеченія превосходства силъ. Какъ слѣдствіе этого является методичность въ дѣйствіяхъ Пожарскаго, методичность, влекущая за собой нѣкоторую медленность, а потому и потерю во времени.

Такъ, двинувшись въ 1611 г. изъ Нижняго Новгорода противъ Москвы, онъ идетъ очень медленно, заботясь прежде всего объ усиленіи своего войска присоединеніемъ къ нему ополченій другихъ городовъ. Достигнувъ Ярославля и зная о крайне тяжеломъ положеніи Москвы, къ которой двигались польскія подкрѣпленія и угрожали шведы изъ Новгорода, Пожарскій не торопится, находя необходимымъ

еще усилится сборомъ ратныхъ людей изъ-отдаленныхъ областей, а уничтожемъ мелкихъ партій противника обезпечить тылъ отъ всякихъ случайностей при движеніи къ Москвѣ.

Образъ его дѣйствій оправдался послѣдующими событіями; другими словами, Пожарскій дѣйствовалъ вполне соотвѣтственно обстановкѣ, что является лучшей похвалой дѣйствіямъ полководца.

Нельзя, наконецъ, намъ забывать, что съ именемъ князя Пожарскаго, этого истинно русскаго челоука, беззавѣтно любившаго свою родину, связано прекращеніе у насъ смуты и выборъ царя Михаила Федоровича, а значитъ, уничтоженіе условій, неблагоприятно сказывавшихся на развитіи нашего военнаго искусства, и созданіе обстановки, дающей возможность этому искусству развиваться въ соотвѣтствіи съ природою военнаго дѣла и національными особенностями русскаго народа.

XVII вѣкъ.

1) Общія условія, вліющія на развитие военнаго искусства.

Разстройство государственнаго организма послѣ смутнаго времени было настолько глубоко, что новому правительству, во главѣ съ новоизбраннымъ царемъ и оставленной имъ думой, съ самаго начала его дѣятельности пришлось заняться водвореніемъ порядка, положивъ на это не мало труда.

Въ самомъ дѣлѣ, администрація была разстроена въ конецъ, вся финансовая система—тоже, казна растрачена, судъ совершенно, можно сказать, отсутствовалъ, военная система—такъ же пришла въ совершенное разстройство и правильность ея была поколеблена, масса дворянъ была согнана съ помѣстій, масса помѣстныхъ земель пустовала, съ другой стороны, множество дворцовыхъ и государственныхъ земель перешло въ помѣстья. Разобраться во всемъ этомъ было невозможно. Очевидно, все это приводило къ тому, что наши вооруженныя силы того времени были лишены какой-бы то ни было организаціи и не были поэтому въ состояніи выполнять свое назначеніе какъ по подавленію встрѣчающихся еще проявленій смуты, такъ и по охранѣ государства отъ внѣшнихъ посягательствъ. А между тѣмъ, тѣ и другія проявлялись еще въ особенности въ первые годы новаго царствованія съ такой силой, что угрожали сохраненію цѣльности государства и даже самому его существованію.

Дѣйствительно, казаки продолжали бродить и грабить подъ Москвой, а часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, сперва грабила русскія области, а потомъ ушла въ Астрахань, куда Заруцкій привлекалъ на свою сторону казаковъ съ Волги, Дона и Терека, обѣщая имъ доходный походъ на Самару и Казань.

Въ это-же время приходилось еще считаться и съ Польшею, которая хотѣла и не могла, вслѣдствіе разстройства своихъ финансовъ, предпринять походъ на Москву, но отдѣльными пайками дѣлала постоянно набѣги на русскія области.

Отношенія со Швеціей также вызвали немало безпокойства и заботъ.

Чтобы успешно бороться со всеми этими невзгодами, прежде всего необходима была значительная вооруженная сила, достаточно хорошо организованная и устроенная. Для содержания же такой вооруженной силы нужны все были средства, материальные и личные. И вот молодой царь Михаил со своими советниками и думой прежде всего и обращается к решению двух задач: во 1-хъ, собрать в казну как можно больше денежных средств, и во 2-хъ, устроить войско.

Необходимость приводить в порядок войско, совершенно разстроенная смутой, одновременно с подавлением хотя последних, но все еще достаточно сильных проявлений см, необходимость торопиться с устройством войска, легкость восстановления старого по сравнению с созданием чего либо нового, нерасположение и даже озлобление против иностранцев, которые принесли так много зла роднѣ, — все это привело к тому, что, стремясь к успокоению взволнованного смутой государства и принимая для этого тѣ или другія мѣры, московское правительство или, вѣрнѣе, лица, стоявшія во главѣ его, рѣшили руководиться принципомъ, въ силу котораго все должно было быть по старинѣ, такъ, какъ было при прежнихъ царяхъ. Руководясь этимъ принципомъ, правительство первого царя изъ дома Романовыхъ ничего не хотѣло реформировать и вновь учреждать. Вслѣдствіе этого для восстановления порядка на Руси послѣ смуты дѣйствовали старыми средствами, имѣя въ виду вернуться къ старымъ образцамъ.

Естественно, что при такомъ общемъ направленіи дѣятельности московскаго правительства начала XVII столѣтія и устройство во всѣхъ отношеніяхъ распатанной смутой арміи должно было идти по пути восстановления прежней военной системы во всей ея неприкосновенности.

Такимъ образомъ, во всѣхъ подробностяхъ возрождается помѣстная система съ ея различнаго вида помѣстными войсками, организованными на прежнихъ основаніяхъ. Только теперь на основаніи опыта этой организации было придано болѣе стройности и определенности въ управленіи и содержаніи.

Съ этой цѣлью, между прочимъ, у насъ въ 1620 г. была произведена первая перепись: „Были посланы писцы и дозорщики“, которые должны были описать всѣ земли, принадлежавшія казнѣ, городамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ, со всеми ихъ угодьями, количество собираемыхъ съ нихъ доходовъ разнаго рода произведеніями, число дворовъ и жителей.

Результаты этой переписи, занесенные въ такъ называемыя писцовыя книги, позволили въ точности опредѣлить общія и военныя права и обязанности владѣльцевъ помѣстій и вотчинъ, что, въ свою

очереди, помогло возстановить порядок въ нарушенной смутой помѣстной системѣ и способствовало болѣе правильному устройству помѣстныхъ войскъ.

Такимъ образомъ, вооруженныя наши силы въ началѣ XVII столѣтія, по прежнему, состояли: 1) изъ помѣстной конницы, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 2) изъ татарской конницы, 3) изъ городовыхъ казаковъ, 4) изъ стрѣльцовъ и 5) изъ пушкарей.

Кромѣ того, по прежнему, въ крайнихъ случаяхъ можно было призывать въ качествѣ земскаго ополченія даточныхъ людей.

Призывъ, организація и служба какъ помѣстныхъ, такъ и даточныхъ были тѣ-же, что и въ предшествующую эпоху. Вслѣдствіе этого очевидно, что эти виды войскъ имѣли при несеніи ими службы тѣ-же достоинства и недостатки.

Къ числу главнѣйшихъ изъ послѣднихъ, какъ извѣстно, относились:

1) отсутствіе постоянного обученія, 2) склонность къ тактической оборонѣ, 3) медленность мобилизаціи, 4) огромные обозы, 5) непригодная для военнаго времени система довольствія.

Эти недостатки сознавались московскимъ правительствомъ и они, очевидно, обращали на себя вниманіе, въ особенности послѣ 1620 г., когда на Руси, съ одной стороны, водворился нѣкоторый порядокъ, а съ другой стороны, — руководителемъ власти сдѣлался умный, сильный волей и характеромъ, опытный въ дѣлахъ отецъ государя, патриархъ Филаретъ.

Разъ въ старомъ нашли недостатки и сознавали вредъ, происходившій отъ нихъ, неминуемо явилось стремленіе найти что-нибудь новое, болѣе отвѣчающее потребностямъ минуты.

Но у себя дома новаго найти не могли. Приходилось за нимъ обращаться къ недобрымъ иноземцамъ. Такому обращенію способствовало также то обстоятельство, что во время смуты соприкосновеніе съ западными государствами было постоянное и, благодаря этому, русскіе люди не могли оставаться безъ вліянія различныхъ заграничныхъ новшествъ. Выбѣсть съ тѣмъ русскимъ людямъ для защиты родины приходилось призывать къ себѣ на помощь иноземныя рати, у которыхъ замѣчать нѣны организаціонныя формы, нѣны тактическіе приемы дѣйствія и нѣны основанія войскового управленія, въ значительной мѣрѣ свободныя отъ тѣхъ недостатковъ, которые были присущи русскимъ войскамъ.

Наряду съ этимъ служилые люди, изъ которыхъ составлялись помѣстныя войска, попали въ крайне тяжелое положеніе. Не смотря на всѣ старанія правительства водворить порядокъ въ дѣлѣ службы помѣстныхъ войскъ, многіе изъ служилыхъ, пользуясь слабостью надзора, вовсе не являлись на службу; другіе, желавшіе служить

доброе знание, не имѣли средствъ для несенія службы; въ обществѣ же, вслѣдствіе злоупотребленій однихъ тяжесть службы доплатилась крайне неравномерно, вызывая неудовольствія. Въ результатѣ московскіе дворяне били челомъ, что они служить не могутъ. Такимъ образомъ, становилось затруднительнымъ проводить въ жизнь самую систему.

Кромѣ того, служилые люди отлично сознавали, что съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія искусство вести войну представляло новыя требованія, ставило новыя задачи, достиженіе которыхъ медленно мобилизуемыми, плохо обученными, почти совсѣмъ несплоченными войсками являлось дѣломъ невозможнымъ, въ особенности когда противникъ обладаетъ какъ разъ противоположными качествами.

Все это въ совокупности неминуемо влекло за собой переходъ къ новой военной системѣ и притомъ, къ системѣ, заимствованной у иностранцевъ.

Сознаніе необходимости такого перехода сначала ясно было только у людей, стоявшихъ у власти. Однако, и эти лица, по причинамъ, указаннымъ выше, къ возможнымъ и необходимымъ реформамъ въ этомъ направленіи относились осторожно, набѣгая рѣшительныхъ мѣръ. Къ тому же, непрекращавшіяся военныя дѣйствія и не позволяли сразу уничтожить всю прежнюю систему и перейти къ новой, еще неиспытанной да и требующей много времени для приведенія ея въ дѣйствіе повсемѣстно.

Вотъ почему въ царствованіе Михаила Федоровича наблюдаются лишь слабыя приступы къ реформамъ. Онѣ, въ сущности говоря, только намѣчаются; производятся какъ-бы только опыты. По прежнему, продолжаетъ господствовать старая помѣстная система. Лишь въ слѣдующее царствованіе—государя Алексѣя Михайловича—преобразовательныя стремленія, какъ вообще, такъ и по отношенію военнаго дѣла, получаютъ болѣе сильное развитіе, приобретаютъ большую устойчивость и большую опредѣленность направленія и характера.

Это прежде всего сказывается въ томъ, что преобразовательное движеніе не ограничивается стремленіями къ назрѣвшимъ реформамъ правительства, но широко захватываетъ и общество, являясь слѣдствіемъ культурнаго вліянія болѣе образованныхъ западныхъ народовъ.

Впередѣ такого общества становится цѣлый рядъ лицъ, теоретиковъ и практиковъ, которые наукой и опытомъ познали превосходство европейской цивилизаціи. Наиболее выдающимися теоретиками изъ такихъ лицъ являются: Крижанничъ и Котошихинъ; наиболее выдающимися практически дѣятелями, оказавшими особенное вліяніе на реформаціонное движеніе, явились—Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ и особенно Матвѣевъ, который былъ совсѣмъ западнымъ человекомъ.

Въ его домѣ, поставленномъ вполне на европейскую ногу, воспитывалась мать Петра Великаго.

Изъ среды этихъ-то людей и высказывается мнѣнiе, что сила государства зависитъ „отъ строевъ военныхъ“, которые требуютъ у насъ улучшенiя, что военное искусство зависитъ не отъ одной лишь „природы“, но и отъ развитiя и образованiя.

Въ это-то время появляется, съ одобренiя царя, книга, въ которой проповѣдуются чуть-ли не еретическая мысль, что „ратная премудрость, опричь богословiя, паче и прешше всёхъ иныхъ премудростей“.

Необходимо, однако, замѣтить, что всё лица, которыхъ, болѣе или менѣе захватило подъ влиянiемъ западной культуры преобразовательное движенiе, обладали одной характерной чертой: всё они, находя необходимыми заимствованiя съ запада, считали, что не слѣдуетъ перенимать все буквально, заимствовать лишь формальную сторону, только внѣшность. Они считали, напротивъ, полезнымъ брать на западъ только идеи, сущность и затѣмъ уже эти идеи воплощать въ ту или другую форму, соответствующую особенностямъ родной обстановки.

Въ царствованiе третьяго Романова, Федора Алексѣевича, новыя теченiя уже окончательно завоевали себѣ право гражданства и это, прежде всего зависѣло отъ того, что слабый и больной Федоръ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и своему воспитанiю, вполне опредѣленно сталъ на сторону реформъ.

Только при такихъ обстоятельствахъ возможна была такая мѣра, какъ уничтоженiе мѣстничества, только тогда сталъ возможенъ захватъ современнаго общества реформами настолько, что въ концѣ XVII вѣка могло сложиться убѣжденiе въ томъ, что „народъ Россiйскiй... паче о бранѣхъ, ниже о книгахъ, паче объ обученiи воинскомъ, ниже обученiи школьномъ тѣнанiе имѣаше“.

Какимъ-же образомъ практически сказалось ясно выразившееся въ царствованiе Михаила Федоровича стремленiе къ реформамъ въ военномъ дѣлѣ, а затѣмъ и дальнѣйшее развитiе этихъ реформъ?

2) Организация, составъ и управленiе войсками.

Составъ войска.

Уже къ 1680 г. московское правительство ясно сознавало необходимость имѣть войска, обученныя европейскому строю. Результатомъ такого сознанiя является въ этомъ году государева грамота къ нѣкоторымъ городамъ о высылкѣ въ Москву желающихъ мелкопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ для обученiя ихъ ратному дѣлу у нѣмецкихъ полковниковъ, Александра Лесля и Франца Пециера.

Такимъ образомъ предполагали сформировать два полка пѣхоты, обученные европейскому строю, каждый — однедсячнаго состава.

Однако, по различнымъ причинамъ дѣтей боярскихъ, желавшихъ поступить въ солдатскій строй, оказалось недостаточно. Тогда рѣшено было для формироваиія этихъ полковъ брать всякихъ охочихъ людей. вмѣстѣ съ тѣмъ среди иноземцевъ, бывшихъ уже въ Россіи, такъ называемаго стараго выѣзда оказалось недостаточное число годныхъ въ качествѣ инструкторовъ. Вслѣдствіе этого за инструкторами было послано за границу.

Въ результатъ предпринятой мѣры въ 1682 г. у насъ появились 4 солдатскихъ пѣхотныхъ и 1 рейтарскій полки, въ составѣ до 9500 чел., изъ которыхъ до 6500 русскихъ солдатъ, а 3000 — иноземныхъ инструкторовъ.

Полки эти тотчасъ по ихъ сформированіи были двинуты подъ Смоленскъ, который въ это время осаждали русскія войска подъ начальствомъ боярина Шенна.

Въ 1683 г. на прежнихъ основаніяхъ были сформированы еще два солдатскихъ полка.

Непосредственная польза, принесенная новыми полками во время осадныхъ дѣйствій у Смоленска, была не велика, а недостатокъ денегъ и административная неурядица, заставивъ иноземцевъ выказать свои отрицательныя качества: малую выносливость въ неблагоприятныхъ условіяхъ похода, крайнюю требовательность, сомнительную ихъ надежность и весьма своеобразные взгляды на воинскій долгъ, — весьма неблагоприятно отразились на состояніи солдатскихъ и рейтарскаго полковъ. Это вызвало приостановку новыхъ опытовъ въ этомъ направленіи.

Въ виду этого тотчасъ по окончаніи Смоленскихъ походовъ дальнѣйшія формироваиія полковъ были прекращены, наличные — распущены, а оставшіеся въ Россіи иноземцы поверстаны помѣстнымъ окладами со всѣми вытекающими изъ этого верстанія послѣдствіями относительно порядка отбыванія военной службы.

Не смотря, однако, на то, что первые солдатскіе полки у насъ просуществовали не долго, были уничтожены вслѣдствіе ихъ неудовлетворительности, они имѣли громадное значеніе и оказали весьма большое вліяніе на рѣшеніе вопроса объ устройствѣ нашей арміи.

Вкратцѣ значеніе этихъ полковъ выразилось въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, въ организаціи русскихъ войскъ появляется полкъ, подраздѣленный на роты.

Во 2-хъ, благодаря этому формироваиію по западно-европейскому, у насъ появляются слѣдующіе чины: а) полковникъ, б) большой полковой поручикъ, т. е. подполковникъ, г) майоръ, д) капитанъ (ротмистръ), е) поручикъ и ж) прапорщикъ.

Другими словами, у насъ устанавливалась новая іерархія, неимѣющая ничего общаго съ чинами старыхъ русскихъ войскъ.

Въ 3-хъ, однимъ изъ основаній этой іерархіи было положеніе, что каждому изъ названныхъ иноземныхъ чиновъ соответствуетъ строго опредѣленная строевая должность, обязанности которой были строго установлены.

Въ 4-хъ, уже иноземцы стараго вѣзда, т. е. прибывшіе въ Россію до 1613 года, способствовали демократизаціи нашей военной іерархіи, что достигалось испомѣщеніемъ первыхъ иноземцевъ, и народженіемъ новой специально военной іерархіи рядомъ съ іерархіей придворной и въ общемъ приучало общественную мысль къ введенію въ армію новыхъ иноземныхъ порядковъ. Формированіе же солдатскихъ и рейтарскаго полковъ въ этомъ отношеніи имѣло еще большее значеніе, такъ какъ устанавливало порядокъ, по которому подъ команду иноземца поступалъ „сынъ боярскій“, правда, испомѣщенный, захудалый, которому ради его бѣдности дается денежное вспоможеніе, но все-таки принадлежащій къ классу, которому открытъ доступъ къ высшимъ ступенямъ придворнаго чиновничества.

Такимъ образомъ, демократизація офицерскаго чина, пока въ специально иноземческой группѣ, дѣлаетъ слѣдующій рѣшительный шагъ впередъ. Въ этой группѣ чинъ попираетъ родословность, становится выше нея и этимъ подготавливаетъ почву для полнаго торжества новыхъ вѣяній.

Въ 5-хъ, первыя формированія солдатскихъ полковъ выдвигаютъ для офицерскихъ чиновъ новыя специально военныя требованія, а именно: требуется, чтобы офицеры отличались „мудростью и добротискусностью“, т. е. знаніемъ и умѣніемъ, а не только родовитостью происхожденія, какъ было до сихъ поръ.

Въ 6-хъ, наконецъ, надо отмѣтить, что первые солдатскіе полки дали возможность подготовить такіе-же полки исключительно изъ русскихъ людей. Для этого одновременно съ иноземцами въ полки были назначены вторыя комплекты офицеровъ всѣхъ чиновъ изъ русскихъ. Это былъ первый опытъ назначенія русскаго человѣка въ иноземскій чинъ. Практическая польза опыта была ничтожна, но онъ имѣлъ то значеніе, что сынъ боярскій сталъ привыкать носить иное званіе съ болѣе опредѣленными служебными обязанностями и находится, и въ этомъ случаѣ уже не по бѣдности, подъ командой начальника — иноземца.

Такимъ образомъ, первый опытъ формирования войска новаго устройства, произведенный въ царствованіе Михаила Федоровича, подъ влияніемъ сознанія необходимости имѣть войска, иначе устроенныя, чѣмъ помѣстныя, не далъ осязательныхъ практическихъ результатовъ, но въ исторіи военнаго искусства опытъ этотъ имѣетъ громадное

значение: онъ представляетъ собой тотъ поворотный пунктъ, который положили рѣзкую грань между русскими войсками XVI и XVII вѣковъ. Имѣя корни въ томъ, что было до этого формировація, онъ является событіемъ, подготовляющимъ переходъ къ новымъ началамъ устройства вооруженныхъ силъ на Русн. Велѣдствіе этого, являясь связью между старымъ строемъ, принааннымъ для наступившаго момента неудовлетворительнымъ, и новымъ, потребностямъ въ которомъ уже чувствовалась и сознавалась, опытъ 1630—1633 г.г. является прочнымъ этапомъ для дальнѣйшаго развитія этого новаго строя, еще не вполне вырисовывающагося даже въ сознаніи тѣхъ, кто поставилъ себѣ задачей перейти къ этому новому строю.

Какъ именно развивались дальнѣйше войска новаго устройства или, какъ ихъ тогда называли, войска иноземнаго строя—въ отличіе отъ войскъ русскаго строя,—сказать нельзя. Можно только отмѣтить по этому поводу слѣдующіе эпизоды: въ 1637 г. Бѣль захваченъ досками казаками Азовъ и правительство должно было рѣшать вопросъ о войнѣ съ Турціей. Въ украинскихъ городахъ были выставлены значительныя оборонительныя отряды. При формированіи этихъ-то отрядовъ и воспользовались драгунами и солдатами, а также и офицерами—иноземцами, которые остались въ Россіи послѣ рюенска первыхъ солдатскихъ полковъ. При этомъ правительство собирало и распускало иноземцевъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и помѣстную конницу.

Въ 1642 г., когда приходилось рѣшать вопросъ относительно войны съ Турціей, было сформировано два Московскихъ солдатскихъ выборныхъ полка. Формированіе этихъ полковъ окончательно разрѣшило планъ учрежденія новыхъ частей.

Дальше увеличеніе этихъ полковъ было довольно быстро, и къ концу столѣтія, вѣрнѣе, въ послѣдній годъ царствованія Федора Алексѣевича, полковъ иноземнаго строя было уже 63, а именно: 38—пѣшихъ солдатскихъ и 25—конныхъ драгунскаго типа, называемыхъ тогда конейно-рейтарскими. Общая численность этихъ полковъ достигала 90000 человекъ.

Естественно, что съ увеличеніемъ полковъ иноземнаго строя число войскъ стараго русскаго строя стало уменьшаться и къ тому времени, когда численность войскъ иноземнаго строя достигала 90000 человекъ, численность войскъ русскаго строя достигала 60000 человекъ, т. е. первыхъ уже было въ полтора раза больше, чѣмъ вторыхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ составѣ старыхъ войскъ произошли измѣненія: при общемъ ихъ уменьшеніи количество стрѣльцовъ стало постепенно увеличиваться—въ концѣ XVI столѣтія ихъ насчитывали

вадось около 15000 человекъ, а въ началѣ послѣдней четверти XVII столѣтія ихъ было 20000, да, кромѣ того, городовыхъ 80000.

Такое увеличеніе числа стрѣльцовъ было вполне естественно, такъ какъ они во всѣхъ отношеніяхъ близко подходили къ войскамъ новаго типа, а между тѣмъ постоянная почти борьба съ западными государствами, обладающими многочисленною пѣхотой, требовала и въ русскихъ войскахъ имѣть пѣхоты возможно большіе.

Это измѣненіе въ составѣ русскихъ войскъ, происшедшее въ половинѣ XVII вѣка, не могло не отразиться на организаціи, вооруженіи, образѣ дѣйствій и проч. русскихъ войскъ, т. е. вообще на состояніи военного искусства.

Ратные люди иноземнаго строя раздѣлялись на три категоріи: 1) рейтары и копейниковъ, 2) драгунъ и 3) солдатъ.

Въ составѣ всѣхъ категорій поступали сначала только иноземцы, а потомъ: 1) „гулящие некрѣпостные люди“, 2) дворяне, дѣти боярскія, иноземцы и новокрещенные.

Лица всѣхъ трехъ категорій при поступленіи на службу пользовались слѣдующими правами: а) помѣстными правами, б) жалованіемъ за время службы, изъ котораго они должны были продовольствовать себя покупкой у карчевниковъ, в) казеннымъ оружіемъ и г) единовременнымъ пособіемъ.

Рейтары представляли собой конницу. Драгуны несли службу иѣвшую и конную. Солдаты являлись пѣхотой.

Войска иноземнаго строя организовались по нѣмецко-европейскимъ, главнымъ образомъ, — нѣмецкимъ образцамъ.

Рейтары, драгуны и солдаты соединялись въ полки, численность которыхъ была отъ 1000 до 1500 человекъ.

Полки дѣлились на роты. Въ солдатскихъ полкахъ были роты мушкетерныя и пикинерныя или — копейниковъ.

Пикинерные роты составлялись изъ лучшихъ людей.

При полкахъ была полковая артиллерія, въ количествѣ отъ 6—8 орудій при каждомъ. Такое же количество полковыхъ пушекъ было и при стрѣльцескихъ полкахъ, а при остальныхъ — не болѣе 5-ти пушекъ въ каждомъ.

Организація вооруженныхъ силъ и управленіе ими.

Во главѣ каждого полка, иноземнаго строя стоялъ полковой полковникъ; ближайшимъ помощникомъ его и замѣстителемъ былъ полковой поручикъ или подполковникъ.

За тѣмъ, въ каждомъ полку былъ полковой сторожеставецъ и полковой ставоставецъ.

Полковой сторожеставецъ, превратившійся впоследствии въ майора, былъ старшимъ офицеромъ штаба полка и вѣдалъ походныя движенія, расположеніе на отдыхъ, съ вышнимъ охраненіемъ и съ мѣрами для поддержанія внутренняго порядка и безопасности; и развѣдываніе. Онъ являлся вторымъ замѣстителемъ командира полка.

Полковой становавецъ, превратившійся впоследствии въ квартирмейстера, былъ помощникомъ сторожеставца и его замѣстителемъ.

Во главѣ каждой изъ ротъ полка стоялъ въ пѣхотѣ капитанъ, а въ конницѣ — ротмистръ. Помощникомъ ихъ являлся поручикъ. Младшимъ офицеромъ въ ротѣ былъ прапорщикъ.

Эта организація войскъ иноземнаго строя отразилась на организаціи войскъ русскаго строя. Вышній стрѣльцкій прикладъ, сила котораго была увеличена съ 500 до 1000 человекъ, съ 1680 г. стали называть полкомъ, голову — полковникомъ, помощника головы — называемого раньше полуголовой или пятистобиннымъ, — подполковникомъ. Ротамъ соответствовали у стрѣльцовъ сотни, командировъ которыхъ теперь стали называть тоже капитанами.

Въ полкахъ иноземнаго строя всѣ офицеры до капитана и ротмистра были изъ иностранцевъ, прочіе же офицеры сначала тоже только изъ иностранцевъ, а впоследствии часть ихъ была и изъ русскихъ.

Соединеній выше полка не было въ войскахъ иноземнаго строя и, однако, все-таки съ увеличеніемъ числа полковъ иноземнаго строя явилась необходимость для объединенія управленія нѣсколькими частями въ однихъ рукахъ, установить по иноземному образцу генеральскіе чины. И дѣйствительно, къ 70-мъ годамъ XVII столѣтія у насъ были введены три генеральскихъ чина: генераль-майора, генераль-поручика и генерала.

Въ случаѣ необходимости изъ полковъ прямо формировали отряды и арміи различной силы въ зависимости отъ военныхъ соображеній.

Высшимъ соединеніемъ войскъ, назначенныхъ для боевыхъ дѣйствій съ опредѣленной цѣлью, является армія, имѣющая назначеніе дѣйствовать по извѣстному стратегическому заданію.

Армія эта раздѣлялась на разряды, которые мы можемъ приравнять къ современнымъ корпусамъ: разряды состояли изъ войскъ различныхъ родовъ и видовъ, формируемыхъ въ извѣстномъ территориальномъ районѣ; понятію о разрядѣ въ это время соответствуетъ также и «большой полкъ» съ той только разницей, что онъ находился подъ непосредственной командой главнаго воеводы и составленъ былъ изъ войскъ, собранныхъ со всей территоріи государства и московскаго гарнизона. Разряды дѣлились на полки въ прежнемъ широкомъ смыслѣ. Эти полки можно приравнять современнымъ дивизіямъ и они состояли изъ нѣсколькихъ родовъ и категорій войскъ.

Наконецъ, эти полки въ широкомъ смыслѣ, въ свою очередь, состояли изъ нѣсколькихъ полковъ въ тѣсномъ современномъ намъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ отдѣльныхъ строевыхъ и административныхъ единицъ.

Особенностью этой системы организаціи являлась ея неопредѣленность и случайность, а отсюда и неустойчивость: отдѣльные полки разныхъ категорій войскъ и даже одной и той-же категоріи были различной численности. Въ составъ полка въ широкомъ смыслѣ слова входило разное число различной силы каждой категоріи войскъ. Разряды были тоже различнаго состава какъ по числу полковъ, такъ и по категоріи войскъ, составляющихъ эти полки. Были разряды, которые даже не дѣлились на полки.

Другими особенностями организаціи арміи были: во 1-хъ, подчиненное положеніе генераловъ, завѣдывающихъ солдатскими полками, и невозможность для нихъ сдѣлаться самостоятельными начальниками большихъ отрядовъ, которыми назначались только въ силу мѣстничества придворные чины.

Такимъ образомъ, для генераловъ, которые были и иноземцы, и русскіе, не смотря на то, что они являлись начальствующимъ элементомъ, наиболѣе подготовленнымъ, было закрыто дальнѣйшее движеніе впередъ, и правительство и армія не могли извлечь изъ нихъ всей той пользы, какую они дѣйствительно могли принести.

Второй особенностью организаціи являлась ея двойственность въ устройствѣ низшихъ соединеній полковъ иноземнаго строя, съ одной стороны, и помѣстной конницы и стрѣльцовъ — съ другой стороны.

Эта двойственность также представляла громадную неудобства и была крайне не выгодна: она затрудняла служебныя передвиженія начальныхъ людей изъ одной группы войскъ въ другую, она влекла за собой двѣ организаціи, двѣ тактики, двѣ разныя системы обученія, два разныхъ способа боевого употребленія частей арміи.

Какъ уже было сказано выше, эта двойственность отчасти была уничтожена приданіемъ стрѣльцамъ организаціи полковъ иноземнаго строя. Оставалось ввести эту организацію въ помѣстную конницу или вовсе отказаться отъ послѣдней.

Что касается невыгоднаго какъ для правительства, такъ и для генераловъ ихъ ненормальнаго положенія, очерченнаго выше, то такъ какъ эта ненормальность зависѣла отъ мѣстничества, то естественно въ концѣ концовъ былъ поднятъ вопросъ о цѣлесообразности существованія этого установленія, приносящаго такъ много зла арміи и государству.

Этотъ смѣлый и рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ въ царствованіе Федора Алексѣевича и въ 1682 г. особымъ соборомъ, которому

этотъ вопросъ былъ данъ на разсмотрѣніе, было постановлено съ благословенія духовенства уничтожить пагубный обычай мѣстничества.

Съ уничтоженіемъ мѣстничества иноземная іерархія у насъ окончательно восторжествовала; организація войскъ достигла необходимаго единства, а при замѣщеніи высшихъ должностей правительство получало полную свободу дѣйствій.

Нужно, однако, замѣтить, что правительство свободой этой пользовалось весьма осторожно: вплоть до Петра Великаго оно избѣгало ставить во главѣ арміи лицо съ иноземскимъ чиномъ. Оно, по прежнему, отдааетъ предпочтеніе воеводѣ среди генераловъ, однако, при этомъ власть больше не считается съ родовитостью лица, назначаемого воеводой, и этия окончательныя подготовляетъ общественную мысль къ шагу, который еще до начала преобразования вооруженныхъ силъ осуществилъ Петръ, поставивъ въ голову арміи генерал-ссимуса Шенна и генераловъ Гордона, Головина и Ригимона.

Вооруженіе.

Обратимся къ вооруженію русскихъ войскъ въ XVII столѣтіи.

Прежде всего необходимо замѣтить, что ручное огнестрѣльное оружіе къ концу XVII вѣка, значительно усовершенствованнѣе, сдѣлалось менѣе длиннымъ и тяжелымъ, а потому и болѣе удобнымъ для употребленія. Особенно это удобство было достигнуто замѣной фитильно-колеснаго замка замкомъ ударно-кремневымъ. Въ то-же время появляются отдѣльные образцы ружей, заряжающихся съ казенной части, наръзныхъ и даже повторительнаго, являющагося прототипомъ нашихъ скорострѣльныхъ ружей.

Главными видами ручного оружія въ это время были пищали, карабины и пистолеты, перешедшіе еще съ XVI вѣка, и затѣмъ вновь появились мушкеты довольно большого калибра, изъ которыхъ стрѣляли съ виллообразной подставки.

Хотя у насъ постепенно и развивалось производство огнестрѣльнаго ручнаго оружія, но все-же отечественныхъ издѣлій этого рода не хватало и въ значительной степени приходилось выписывать ихъ изъ-за границы.

Холодное оружіе состояло изъ сабли, шпига, пика, топоровъ, бердышей, копья и мечей.

Это оружіе частью также выдѣлывалось дома, но большая часть закупалась въ западной Европѣ.

Наконецъ, существовало еще предохранительное вооруженіе, которое состояло изъ шишака, латъ и панцирей.

Въ частности помѣстная конница и городовая войска были вооружены пинцалами, карабинами, пистолетами и саблями, стрельцы — мушкетами, бердышами и саблями, а первыя сотни въ полкахъ — копьями и мечами.

Рейтары имѣли на вооруженіи шишакъ, латы или саблю, мушкетъ или карабинъ и пистолеты; драгуны — мушкетъ или карабинъ, шпагу и топоръ или бердышъ; солдаты: мушкатыры — мушкетъ, шпаги; пикинеры — латы, шишаки, шпаги и длинныя копья.

У драгуновъ и солдатъ оружіе было казенное.

Довольствіе войскъ.

Относительно остальныхъ видовъ довольствія необходимо сказать, что рейтары, имѣвшіе помѣстья, должны были выѣзжать на службу на собственныхъ лошадей и содержать себя сами. Неимѣвшіе, тѣмъ содержать себя изъ собственныхъ доходовъ, получали на время похода жалованье, одежду и лошадей.

Въ некоторыхъ случаяхъ рейтарамъ во время войны для продовольствія назначались особыя волости, съ которыхъ они получали хлѣбъ для себя и фуражъ для лошадей. Драгуны получали денежное жалованье и обязаны были сами себя довольствовать и одѣвать. Лошадей и все снаряженіе они получали отъ казны.

По окончаніи похода драгуны лошадей со всѣмъ конскимъ снаряженіемъ отсылали по областямъ на кормленіе жителямъ, по одной на 4 двора.

Солдаты, подобно стрельцамъ, жили въ особыхъ солдатскихъ слободахъ, гдѣ имъ давались двory, въ которыхъ они жили съ семействами. Кромѣ вооруженія, они, какъ въ мирное, такъ и въ военное время все должны были имѣть свое, для чего получали жалованье.

Центральное управленіе вооруженными силами.

Съ увеличеніемъ численности войскъ вообще и съ появленіемъ постоянныхъ войскъ, вызвавшихъ необходимость постоянныхъ заботъ со стороны государства объ ихъ содержаніи, верховная власть не могла непосредственно управлять войсками. Вслѣдствіе этого появляется новая система приказнаго управленія.

Первыя указанія о существованіи приказовъ относятся къ 1612 г., а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ число приказовъ подъ разными наименованіями доходить до 42.

Сущность приказнаго управления заключается въ томъ, что государственная власть ввѣряла опредѣленному и организованному на известныхъ началахъ учрежденію точно указанный родъ дѣлъ и лицъ, которымъ это учрежденіе вѣдало постоянно и притомъ самостоятельно, разрѣшая собственною властью всѣ подвѣдомственные ему дѣла за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя по самому существу и свойству должны были идти на непосредственное разрѣшеніе царя и царской власти.

Нужно, однако, замѣтить, что хотя приказное управленіе образовывалось на началахъ раздѣленія дѣлъ по ихъ роду и виду, но правильнаго и точнаго разграниченія между приказами предметовъ вѣдомства не было. Нѣкоторые указы вѣдали дѣла, ничего общаго между собой не имѣющія. Такъ, напримѣръ, оружейный приказъ, вполнѣдствіи известный подъ именемъ оружейной палаты, вѣдалъ въ одно и то-же время изготовленіемъ огнестрѣльнаго оружія, выдѣлкой и разсылкой гербовой бумаги и наблюденіемъ за писаніемъ иконъ. Не было также строгаго разграниченія предметовъ вѣдомства между центральной властью и органами областного управленія.

Каждое новое дѣло съ развитіемъ государственной дѣятельности вело къ учрежденію новыхъ приказовъ, число и характеръ дѣятельности которыхъ видоизмѣнялись до крайности.

Путаница въ распредѣленіи между приказами предметовъ вѣдомства разными дѣлами имѣла послѣдствіемъ то, что многіе находились въ полномъ недоумѣніи относительно того, какому приказу они подвѣдомственны по тому или другому дѣлу. Иногда одни и тѣ-же лица и тѣ-же дѣла были подвѣдомственны нѣсколькимъ приказамъ, отчего нерѣдко происходила та историческая волокита, отъ которой страдали какъ отдѣльныя лица, такъ и государство.

Съ развитіемъ вооруженныхъ силъ и осложненіемъ военной системы Московскаго государства росло и число военныхъ приказовъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ было болѣе 15, причемъ ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: во 1-хъ, указы съ чисто военнымъ характеромъ дѣятельности, и во 2-хъ, смѣшанные, вѣдавшіе военными дѣлами и дѣлами гражданскаго управленія. Личный составъ этихъ приказовъ, какъ и вообще всѣхъ, состоялъ изъ двухъ элементовъ: стариннаго родового дворянства и дьяковъ.

Дьяки, имѣвшіе спеціальную подготовку, хотя и происходили большей частью изъ людей худородныхъ, но имѣли большое значеніе, такъ какъ безъ ихъ подписи никакая канцелярская бумага не исполнялась.

Значеніе ихъ было настолько велико, что иностранцы въ своихъ извѣстіяхъ о Россіи говорятъ о нихъ съ большимъ почтеніемъ и называютъ ихъ канцлерами.

Изъ приказовъ вѣдающихъ военными дѣлами, наибольшее значеніе имѣлъ Разрядный приказъ или Разрядъ, такъ какъ онъ составлялъ высшее управленіе вооруженными силами Россіи.

Въ этомъ приказѣ, по словамъ Катошихина, были вѣдомы „всякія воинскія дѣла и города строеніемъ и крѣпості починкою и ружьемъ и служивыми людьми. Также вѣдомы бояре, окольничіе и думные; и ближніе люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дьяки, и жильцы... и казаки, и солдаты всякою службою; и кого куда случится послать на службу на войну... то указъ о томъ въ приказѣ разрядномъ“.

Изъ этого можно заключить, что разрядъ былъ почти единственнымъ центральнымъ управленіемъ вооруженными силами, гдѣ сосредоточивались всѣ дѣла, которыя вѣдаются теперь Главнымъ Штабомъ, канцеляріей Военнаго Министерства и разными главными управленіями.

Только учетъ помѣстныхъ войскъ не входилъ въ кругъ обязанностей разряда.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя дѣятельность разряда въ военное время. При ежегодномъ приведеніи войскъ, оберегавшихъ южныя границы, на военное положеніе разрядъ завѣдывалъ не только нарядомъ войскъ, устройствомъ и ремонтомъ крѣпостей, но несомнѣнно и первыми стратегическими распоряженіями.

Это выражается какъ распредѣленіемъ отрядовъ различнаго состава по важнымъ пунктамъ оборонительныхъ линій, такъ и направленіемъ резервовъ на фланги и въ тылъ.

Во главѣ разряднаго приказа въ половинѣ XVII вѣка стоялъ окольничій. Дѣлами управлялъ думный дьякъ и два простыхъ дьяка, его помощника.

Дѣлопроизводство распредѣлялось по пяти столамъ и исполнялось подъячими. Какъ дьяки, такъ и подъячіе, имѣвшие громадное значеніе, повидимому, не имѣли никакой связи съ арміей.

Такимъ образомъ, въ сущности говоря, все дѣлопроизводство находилось въ рукахъ у людей хотя сравнительно и съ высокимъ уровнемъ образованія, но совершенно неслѣдующихъ въ военномъ дѣлѣ.

Изъ другихъ приказовъ, имѣвшихъ непоосредственное отношеніе къ войскамъ, были слѣдующіе: стрѣлецкій, пушкарскій, оружейный, иноземный, рейтарскій и помѣстный.

Стрѣлецкій приказъ вѣдалъ стрѣлецкія войска во всѣхъ отношеніяхъ, но въ полной зависимости отъ Разряда, по указанію котораго дѣлалъ и наряды стрѣльцовъ. Пушкарскій вѣдалъ артиллеріей и инженернымъ дѣломъ. Иноземный и рейтарскій приказъ вѣдали служилыми иностранцами и русскими въ составѣ полковъ иноземнаго строя. Оружейный приказъ вѣдалъ заготовкой и покупкой изъ-за границы оружія. Помѣстный приказъ завѣдывалъ описаніемъ и меже-

ваніемъ земель, разрѣшеніемъ разныхъ правъ по землевладѣнію, раздачею земель, переходомъ земельныхъ участковъ въ другія руки и т. п. Въ самый нарядъ войскъ помѣстный приказъ не кмѣшивался и дѣльно опредѣлять, кто именно и въ какомъ размѣрѣ долженъ былъ исполнить нарядъ Разряда.

Кромѣ этихъ приказовъ, было еще нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ.

Въ общемъ, приказная система управленія приводила во 1-хъ, къ чрезвычайной централизаціи власти какъ въ мирное, такъ и въ военное время и во 2-хъ, — къ огромному вліянію дьяковъ на всѣ военно-административныя дѣла и даже на боевыя дѣйствія.

Такимъ образомъ, на военныя дѣла пренормественное вліяніе оказывали люди, совершенно чуждые имъ, что, въ связи съ злоупотребленіями дьяковъ, являвшимися слѣдствіемъ безконтрольности ихъ дѣятельности, вредно отражалось на службѣ войскъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Управленіе войсками, въ военное время, было организовано слѣдующимъ образомъ:

Доминирующее положеніе занималъ Разрядъ, который могущественно вліялъ на дѣйствія войскъ. Непосредственное командованіе дѣйствующей арміей возлагалось на главнаго воеводу. При отправленіи къ арміи главный воевода получалъ наказъ, въ которомъ указывалось: 1) съ какими народами и за что вести войну; 2) Откуда и куда собираться главному войску и отдѣльнымъ полкамъ и ратямъ и подъ чьимъ начальствомъ; 3) Кому быть старшими начальниками; 4) Какихъ городовъ и строевъ людямъ участвовать въ походѣ, причемъ изъ разряднаго и другихъ приказовъ доставлялись подробные свѣдѣнія людямъ и описи матеріальныхъ запасовъ; 5) Планъ войны или похода. Однако, этимъ планомъ дѣйствія воеводы не стѣснялись: онъ долженъ былъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и смотря по обстоятельствамъ, съ обязательствомъ только доносить о своихъ дѣйствіяхъ, возможно чаще; и, наконецъ, 6) какъ сносятся съ непріателемъ и поступать съ жителями страны.

Такимъ образомъ, главный воевода получалъ почти полную мочь, но на практикѣ эта мочь стѣснялась указаніями разряда.

3) Боевая подготовка, тактика, духъ и дисциплина войскъ.

Боевая подготовка войскъ.

Однимъ изъ наиболее интересныхъ вопросовъ при изученіи состоянія военнаго искусства въ Россіи въ XVII вѣкѣ является

вопросъ о подготовкѣ войскъ. Не останавливаясь на подготовкѣ войскъ стараго, русскаго строя, такъ какъ въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ перемѣнъ по сравненію съ предшествовавшей эпохой, обратимся къ подготовкѣ войскъ иноземнаго строя.

Съ этой точки зрѣнія интересно прежде всего, какимъ образомъ несли эти войска службу.

Рейтары въ мирное время были свободны отъ службы и жили по своимъ помѣстьямъ. Осенью послѣ уборки хлѣба они собирались по царскому указу для ратнаго обученія въ областные города. Для обученія изъ Москвы высылались въ соответствующіе города рейтарскаго строя полковники. Обыкновенно сборъ рейтаръ продолжался около мѣсяца.

Драгуны по окончаніи похода распускались по домамъ и въ мирное время ни въ какіе учебные сборы не собирались.

Обученіе солдатъ производилось такъ-же, какъ и обученіе рейтаръ, т. е. они собирались въ опредѣленные пункты, куда прибывали соответствующіе инструктора, обучающіе солдатскіе полки въ теченіе одного мѣсяца въ году.

При только-что очерченныхъ условіяхъ врядъ-ли серьезно можно говорить о предварительномъ обученіи войскъ иноземнаго строя. Не говоря уже о драгунахъ, которые въ этомъ отношеніи ничѣмъ, въ сущности говоря, не отличаются отъ войскъ русскаго строя, но и обученіе въ теченіе одного лишь мѣсяца рейтаръ и солдатъ да при томъ еще обученіе учителями—иноземцами, которые сами были подготовлены не всегда хорошо, да къ тому-же еще плохо знали русскій языкъ, врядъ-ли могло привести къ положительнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе, однако, несомнѣнно войска иноземнаго строя въ смыслѣ боевой подготовки должны быть поставлены выше войскъ русскаго строя: во 1-хъ, все-же они хотя и не много, да обучались, во 2-хъ, нѣтъ начальниками людей, специально посвятившихъ себя военной службѣ, а потому и лучше подготовленныхъ, чѣмъ начальствующіе войска русскаго строя, рейтарскіе, солдатскіе и даже драгунскіе полки могли быть, лучше руководимы и несомнѣнно скорѣе усваивали требованія боевой службы.

Наконецъ, необходимо указать, что для солдатскихъ полковъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ изданъ уставъ.

Уставъ этотъ, изданный въ 1647 г., носилъ названіе „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, уставъ этотъ является переводомъ съ австрійскаго устава, изданнаго при Карлѣ V; по мнѣнію другихъ,—переводомъ сочиненія датской службы капитана Вильгаузена, изданнаго въ 1615 г.

Для насъ, конечно, не важно, переводомъ какого именно сочинения является уставъ времени царя Алексея. Для насъ достаточно знать, что это не было оригинальное русское произведение. Гораздо интереснее выяснить, сказались-ли въ этомъ уставѣ влияния, чисто русскія, каково содержаніе устава и имѣли-ли онъ какое-нибудь влияние на боевую подготовку нашихъ войскъ того времени.

Несомнѣнно, что въ „ученье и хитрость ратнаго строенія“ пѣхотныхъ людей при переводѣ были включены пѣкоторыя измѣненія. Однако, измѣненія эти не касались сущности, а лишь въ немногихъ случаяхъ—формы. Это, впрочемъ, вполне естественно, такъ какъ у насъ теоретически никто въ то время еще не разрабатывалъ тѣхъ вопросовъ, которые затрагивались въ уставѣ.

„Учение и хитрость ратнаго строенія“ состоитъ изъ введенія и 8 главъ.

Въ введеніи прежде всего опровергается мнѣніе, что „истиннаго спасенія въ войнѣ“ и доказывается, что „ратному чину уставитель и сотворитель есть самъ Богъ Всемогущій, — еже начало и вѣща всему добру... и первые ратные люди были патриархи: Авраамъ, Моисей, Ааронъ, Иисусъ Навинъ, воины велии и ратные полковники были...“

Далѣе въ введеніи говорится съ осужденіемъ о междуособныхъ войнахъ, причѣмъ въ доказательство аморальности такихъ войнъ приводятся примѣры изъ древней римской исторіи.

Въ противоположность междуособнымъ войнамъ — указывается на законныя войны, къ которымъ отнесены всѣ войны, ведущіяся противъ „недруговъ, кои Божіи чести и слова Его ничуть попрали...“ кои есть враги имени Христову, какъ турки, татаровья язаки и варварскіе люди“. И, наконецъ, „когда одинъ государь отъ другого ищетъ землю осилити и отнять“.

Далѣе говорится о тѣхъ нравственныхъ началахъ, которыми должны обладать войска. Здѣсь подчеркивается то положеніе, что въ войска не должны приниматься люди, нравственный уровень которыхъ не высокъ, и что военная служба не есть приубжище, куда могутъ скрываться всѣ тѣ, которые избѣгаютъ ответственности за совершенныя преступленія, или тѣ, которые оказались неспособными на дружныхъ поприщахъ общественнаго служенія.

Послѣ этого въ разсматриваемомъ введеніи доказывается необходимость обученія войскъ въ мирное время. Доказывается это путемъ историческимъ, что „люди паралены всегда въ мирное время учились ратному строю и въ томъ навикли... и римляне въ мирное время сильно ратному дѣлу училися...“ и т. д.

Въ первой части говорится объ организаціи роты, объ обязанности и правахъ всѣхъ чиновъ и о вооруженіи мушкетеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ приемы мушкетомъ и стрѣльба изъ него. Для характеристики

этих приёмов. (достаточно указать, что для того, чтобы взять мушкетъ на подготовку для стрельбы, нужно было произвести во приёмы.

Во второй части указывается общепринятый тогда порядокъ стрельбы алипсой или 10-шеренжного строя.

Въ третьей части говорится о вооружении, о снаряжении копейщиковъ и о приёмахъ копейки.

Четвертая часть заключаетъ въ себя понятие о шеренгѣ, фронтѣ, рядѣ и о поворотахъ. Тутъ-же показанъ походный колонный роты, въ 280 человекъ, и боевой ея порядокъ.

Въ походномъ порядкѣ рота следовала такъ: впереди шла половина мушкетеровъ, за ними пиккеры, среди которыхъ—знамя, а сзади—вторая половина мушкетеровъ.

При построении боевого порядка рота строилась въ 10 шеренгъ, причемъ въ центрѣ строились пиккеры, а на флангахъ—мушкетеры. Между рядами расстояние—въ 1—1½ шага.

Въ пятой части последуютъ всевозможные боевые порядки роты, начиная отъ квадратнаго въ 18 шеренгъ и переходя къ болѣе сложнымъ фигурамъ, проходящимъ отъ стремленія придать квадратному строю болѣе усиленное огнестрѣльное дѣйствіе.

Шестая часть заключаетъ въ себя понятія объ организаціи полка, боевыхъ и походныхъ его построенияхъ. При этомъ полкъ предполагается въ 3000 человекъ, раздѣленныхъ на 10 ротъ.

При всѣхъ построенияхъ по дѣлѣ роты соединяются висеть и строить фигуры такія-же, какъ одна рота при отдельныхъ дѣйствіяхъ. Вообще всѣ построения полка отличаются чрезвычайной сложностью, и самое простое, какъ говорить самъ уставъ, „одна-ли въ четверть часа учинить можно“.

Въ этой части устава, между прочимъ, дается правило для встрѣчи кавалерійской атаки: на 6 шеренгъ мушкетеровъ первая двѣ должны были принять съ земли приантъ копейкомъ и не стрѣлять. Черезъ головы ихъ стрѣляли 3-я и 4-я, которая послѣ выстрѣла тоже становилась на правое колено, а за ними стрѣляли 5-я и 6-я шеренги. Когда-же конница наскочивала, то первая двѣ шеренги мушкетеровъ должны были дулами прямо на глотку поставити и стрѣляти....”

Часть седьмая разсматриваетъ походныя движенія и расположеніе на отдыхъ однимъ полкомъ.

Здѣсь сначала упоминается о тѣхъ данныхъ, которыя могутъ вліять на походный порядокъ, т. е. свѣдѣнія о противникѣ, о мѣстности и т. д.

Затѣмъ говорится о необходимости впереди походнаго порядка вести особую команду для исправленія дорогъ, и констатируется во

водить въ головѣ походной колонны одну и ту-же роту, а постоянно ее мѣнять.

Слѣдованіе остальныхъ ротъ опредѣляется жребіемъ. Въ разстояніи версты или полуверсты должны идти аррьергарды, примерно по 100 чел. На обязанности аррьергарда возлагается подбирать раненыхъ и больныхъ.

Въ уставѣ особенно подчеркивается, что начальствующие чины въ ротахъ всегда должны быть на своихъ мѣстахъ и тщательно наблюдать, чтобы люди не мародерствовали.

Въ этой-же главѣ говорится о томъ, какъ полкъ долженъ располагаться на привалахъ и почлегахъ при различной обстановкѣ, зависящей главнымъ образомъ отъ условій мѣстности.

Восьмая часть устава трактуетъ о сторожахъ. Здѣсь разсматривается значеніе и различные виды сторожи, причемъ упоминается 15 ихъ видовъ, а также служба дозоровъ, боевыя позиціи на случаѣ тревоги и т. п.

Въ 4-й главѣ восьмой части говорится о необходимости имѣть шанцевый инструментъ, въ видѣ лопаты, ломовъ, кирокъ, топоровъ, причемъ количество всякаго рода инструментовъ опредѣляется на полкъ въ 200 штукъ.

Въ 6-й главѣ этой-же части разсматривается вопросъ, „какъ полкъ отъ недруга укрѣплити“, т. е. другими словами, — объ инженерномъ усиленіи позиціи. При этомъ совѣтуется, „если недругъ силенъ, то сторожевцы свой станъ имѣющими телѣгами какъ городомъ укрѣпитися“. Въ случаѣ-же, если телѣги нѣтъ, то указывается станъ обнести валомъ. При занятіи-же деревни рекомендуется „въ дороги и проходы въ деревнѣ телѣгами заставить, а также ограду вокругъ деревни, а если есть въ деревнѣ костель, то и его тоже занять“.

Въ 7-й главѣ части восьмой помѣщено „про ученіе скальщикова“, т. е. объ атакѣ укрѣпленій и укрѣпленныхъ пунктовъ.

Интересно, что въ началѣ этой главы подробно доказывается необходимость обученія ратныхъ людей въ мирное время.

Затѣмъ, послѣ ссылки на римскихъ писателей, что „у римлянъ въ мирное время валы и шанцы, и рвы, и дороги дѣлали... и сооруженіемъ черезъ рвы скакати училися“, уставъ заключаетъ, что „подобаетъ иныя шанцы и иныя статьи сдѣлати“.

Не вдаваясь далѣе въ подробное разсмотрѣніе нашего перваго воинскаго устава, необходимо сказать, что въ общемъ, весь построеніе, предлагаемаго уставомъ, весьма сложна, что редакція устава до того запутана, что даже въ настоящее время крайне трудно понять

способы предлагаемых имъ построений, не смотря на приложенные чертежи, что, наконецъ, уставъ отличается многословіемъ, совершенно неотносящимся къ дѣлу и только затрудняющимъ понять самый уставъ.

При такихъ условіяхъ исполнѣ понятнo, что уставъ этотъ не могъ въ сильной степени способствовать боевой подготовкѣ войскъ, для которыхъ онъ предназначался, и съ этой точки зрѣнія, очевидно, онъ весьма мало вліялъ на наше военное искусство того времени.

Однако, было-бы ошибочно думать, что появленіе этого устава прошло для нашей арміи совершенно безслѣдно.

Уже изъ краткаго разсмотрѣнія содержанія устава, только-что сдѣланнаго, негрудно заключить, что въ уставѣ есть много тактическихъ указаній, проведено много строго определенныхъ тактическихъ воззрѣній. Того и другого въ уставѣ такъ много, что его скорѣе можно признать за курсъ тактики, въ которомъ помѣщена и уставная часть.

Вслѣдствіе этого переводъ, изданіе и знакомство съ уставомъ разныхъ начальствующихъ лицъ несомнѣнно должны были служить къ распространенію среди нашихъ войскъ современныхъ тактическихъ европейскихъ понятій и воззрѣній, что, очевидно, должно было оказывать огромное вліяніе на поднятіе въ войскахъ уровня военныхъ званій и военного образованія вообще.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что уставъ этотъ не пользовался большою распространенностью: напечатанный по указу царя Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, въ Синодальной типографіи, въ количествѣ 1200 экземпляровъ и продаваемый по 1 рублю, онъ въ первые 4 года разошелся въ количествѣ 95 экземпляровъ, а въ подлѣдующіе 6 лѣтъ—еще въ количествѣ 39 экземпляровъ, т. е. за 10 лѣтъ было куплено всего 134 экземпляра.

Приводимыя свѣдѣнія, между прочимъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что „ученіе и хитрость ратнаго строенія“ не было разослано въ войска, какъ обязательное руководство, какъ уставъ. Очевидно, что на него тогда смотрѣли, только какъ на пособіе, какъ на курсъ тактики.

Такимъ образомъ, не обходимо сказать, что, въ сущности говоря, нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что войска ппоземнаго строя въ разсматриваемую эпоху могли быть подготовлены, въ смыслѣ обученія, значительно лучше, чѣмъ войска русскаго строя.

Нѣкоторое преимущество въ этомъ отношеніи, конечно, было на сторонѣ первыхъ, но преимущество, строго говоря, едва уловимое.

Строй и способ дѣйствія войскъ.

Обращаясь къ способу дѣйствія войскъ въ разсматриваемую эпоху, прежде всего необходимо замѣтить, что если войска русскаго строя, въ смыслѣ подготовки, нисколько не ушли впередъ по сравненію съ предыдущей эпохой, что если войска иноземнаго строя въ этомъ отношеніи мало отличались отъ войскъ русскаго строя, а новыя тактическія воззрѣнія еще не успѣли распространиться въ массѣ войскъ, то и большой разницы въ образѣ дѣйствія ихъ съ предыдущей эпохой быть не могло. Такая разниа могла явиться только какъ результатъ распространенія огнестрѣльнаго оружія, его однообразія, болѣе совершенной организаціи, до нѣкоторой степени болѣе умѣлаго руководства.

Походныя движенія совершались въ прежнемъ порядкѣ: вперед и по сторонамъ — конница для развѣдки и дальняго охраненія.

Непосредственно маршъ-маневръ прикрывался авангардомъ, составленнымъ изъ наиболѣе надежныхъ войскъ. За авангардомъ шли главныя силы, имѣя артиллерію въ серединѣ, а обозы —зади. Обозы были громадны, что стѣсняло армію, и движеніе ея совершалось очень медленно: не болѣе 10—15 верстъ въ день. Впрочемъ, эта медленность въ значительной, если не въ главной мѣрѣ, должна быть объяснена слѣдующимъ: по своимъ свойствамъ и условіямъ службы, русскій человекъ того времени предпочиталъ оборонительный бой наступательному. Съ распространеніемъ въ русскіхъ войскахъ огнестрѣльнаго оружія это предпочтеніе оборонительнаго боя естественно усилилось.

Вслѣдствіе этого, войдя въ сферу дѣйствія противника, армія всегда старалась двигаться такимъ образомъ, чтобы въ каждую данную минуту быть готовой принять оборонительный бой. Для этого же необходимо было двигаться возможно болѣе сосредоточенно, такъ какъ это позволяло очень скоро „стать въ обозъ“, т. е. окружить себя повозками. Непосредственнымъ же слѣдствіемъ этого явилось движеніе арміи вблизи противника, гдѣ только позволяла мѣстность, въ боевомъ порядкѣ, въ которомъ конница располагалась вперед и по сторонамъ, а пѣхота съ артиллеріей и обозами — назад. Такъ выработалось тяжеловѣсное движеніе арміи, известное подъ именемъ полкохожденія.

При встрѣчѣ съ противникомъ пѣхота съ артиллеріей спѣшила укрыться за обозами или въ гуляй-городѣ, а конница стремительно бросалась на непріятеля казачьимъ обычаемъ, беспорядочно, густой толпой. Въ случаѣ неудачи, конница укрывалась за пѣхоту и послѣдняя уже выдерживала ударъ, стараясь только отбиться отъ нападенія.

Вообще, наши войска охотнѣе прибѣгали къ бою за укрѣпленіями и въ крѣпостяхъ, и удачнѣе выдерживали осады, чѣмъ полевые сраженія. За окопами они выказывали чрезвычайную стойкость, въ полѣ же для наступательнаго боя они не обладали достаточнымъ порывомъ.

Къ этому необходимо прибавить, что сторожевая служба не отличалась бдительностью, что нерѣдко вело къ нечаяннымъ нападеніямъ противника и пораженіямъ русскихъ войскъ, причемъ артиллерія и обозы часто попадали въ руки неприятеля.

Такимъ образомъ, дѣйствительно образъ дѣйствія русскихъ войскъ въ XVII столѣтіи почти ничѣмъ не отличался отъ дѣйствій въ XVI вѣкѣ. Появленіе войскъ нпоземнаго строя въ этомъ отношеніи оказало весьма мало вліянія, распространеніе же огнестрѣльнаго оружія привело даже къ большому предпочтенію обороны въ тактикѣ.

Дисциплина и духъ арміи.

Сущность помѣстной системы, ослабляющая воинственность служилаго населенія и непрививающая дисциплину въ войскахъ; сильное развитіе всевозможныхъ льготъ для стрѣльцовъ; обычаи войны, приводящіе къ разгрому и разграбленію неприятельскихъ областей и городовъ, занятыхъ войсками; система довольствія войскъ въ военное время, способствующая развитію мародерства; общее разореніе государства, какъ слѣдствіе постоянныхъ войнъ; частыя неудачи въ войнахъ XVII столѣтія, какъ слѣдствіе несовершенной организаціи и неудовлетворительнаго руководительства войсками, — все это, очевидно, не могло благоприятно отзываться на духъ и дисциплинѣ русскихъ войскъ разсматриваемаго періода, особенно войскъ стараго строя.

Одинъ изъ русскихъ людей того времени такъ рисуетъ войска наши XVII вѣка:

„У пѣхоты ружье было плохое, и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безоружны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядитъ пшцали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль: убить двоихъ или троихъ татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили, — ничего. Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы неприятеля убить, — одна забота, какъ бы домой поскорѣе. Молятся: „Дай, Боже, рану нажать легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ Великаго государя получить за нее

пожалованіе. Во время бою того не смотря, чтобъ за кустомъ спрятаться; цѣлыми ротами прячутся въ тѣсу или въ долину, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними будто также съ бою ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: „Дай, Богъ, Великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ суровомъ отзывѣ есть преувеличенія, однако, многочисленныя побѣги даточныхъ людей, частыя нарушенія дисциплины въ особенности въ стрѣльцкихъ полкахъ, уклоненіе отъ службы законными и незаконными путями служилыхъ людей, — все это показываетъ, что приводимый отзывъ хотя и суровъ и обиденъ, но во многомъ справедливъ. II если полки иноземнаго строя и представляли нѣкоторое исключеніе въ омыслѣ большей дисциплинированности, то исключеніе въ качественномъ отношеніи весьма незначительное: они также подвергались влиянію почти всѣхъ приведенныхъ выше неблагоприятныхъ условий.

Но было бы несправедливо, указывая на всѣ недостатки русскихъ войскъ XVII вѣка, не указать и на присущія русскому человеку и воину качества, постоянно проявлявшіяся въ походахъ и бояхъ; къ нимъ относятся: чрезвычайное упорство и безмѣрная выносливость.

Заключеніе объ эпохѣ.

Переходя къ общимъ выводамъ относительно состоянія военнаго искусства въ Россіи въ XVII вѣкѣ, необходимо сказать слѣдующее:

У насъ на Руси наряду съ прежними войсками появляется новая категория войскъ — полки иноземнаго строя.

Войска эти, вызванныя къ жизни несовершенствомъ устройства старыхъ войскъ, которая сохраняютъ всѣ свои особенности, отличаются прежде всего стройней, вполне законченной организацией, которая при другихъ благоприятныхъ условіяхъ могла бы дать блестящіе результаты. Однако, сохраненіе за новыми войсками характера ополченія, собираемаго почти исключительно только на военное время, всю пользу новой организаціи сводитъ къ тому, что она, не давая почти ничего въ боевомъ отношеніи, способствуетъ только проведенію сознанія въ населеніи, и особенно служиломъ классѣ, необходимости новой иноземной организаціи, немалому приучаетъ къ такой организаціи и этимъ подготавливаетъ вообще переходъ къ устройству вооруженной силы на совершенно новыхъ основаніяхъ.

Вооруженіе арміи измѣняется въ томъ смыслѣ, что въ значительной мѣрѣ распространяется огнестрѣльное оружіе, и въ войскахъ иноземнаго строя оно становится болѣе однообразнымъ. Отсюда невозможность отечественнымъ заводамъ удовлетворить потребности войскъ

въ этомъ оружїи; необходимость заказа его за границей, а значитъ, и зависимость отъ послѣдней. Въмѣстѣ съ тѣмъ, распространеніе огнестрѣльнаго оружїа способствуетъ еще большому укорененію при боевѣхъ дѣйствїяхъ оборонительному и въ лучшемъ случаѣ — оборонительно-наступательному образу дѣйствїи.

Въ дѣлѣ боевой подготовки войскъ сдѣлано очень мало. Однако, сознается необходимость такой подготовки и притомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, не только съ точки зрѣнія технической, но и высшей, научной. Результатомъ является изданіе устава-тактики. Уставъ этотъ, будучи переводнымъ, неприиспособленнымъ къ условїямъ русской жизни, дурно отредактированный и къ тому-же, невведенный для обязательнаго пользованїя, оказываетъ мало вліянія на обученїе войскъ, но приобретаетъ значенїе, какъ средство распространенїя въ войскахъ научныхъ практическихъ знанїи и нравственныхъ началъ.

Образъ дѣйствїи войскъ мало измѣняется, но усиливается стремленїе къ оборонительной тактикѣ, что и выражается въ утвержденїи полководенїя.

Содержанїе войскъ, особенно въ военное время, крайне неудовлетворительно, такъ какъ воины должны были сами заботиться о себѣ, что вело, съ одной стороны, къ большимъ обзамъ и необезпеченности довольствїемъ, а съ другой стороны, — къ мародерству и распатанности дисциплины.

Послѣднее обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими, подрываетъ воинственный духъ арміи, однако, не успѣваетъ окончательно убить доблесть русскаго человѣка.

Выводы о значенїи эпохи для развитїя военнаго искусства.

Въ общемъ, къ разсматриваемую эпоху впервые ясно было сознано, что организационные порядки въ вооруженныхъ силахъ Московскаго государства требуютъ усовершенствованїя, чтобы стать въ уровень съ общимъ ростомъ государственнаго организма. Но мало того, что это было сознано, было приступлено самымъ рѣшительнымъ образомъ къ практическому осуществленїю необходимыхъ для этого мѣръ. Эти мѣры если и не всегда приводили къ желательнымъ, положительнымъ результатамъ, то все-же онѣ служили подготовительной работой въ намѣченномъ направленїи: онѣ расчищали путь дальнѣйшимъ реформамъ въ томъ-же духѣ.

Осудивъ старое, мирясь съ нимъ по нуждѣ, не будучи въ состоянїи создать необходимое новое, но сознавая, что это новое нужно, зная даже, какимъ должно быть это новое, русское правительство того времени подготовляеть почву для того, чтобы переходъ

отъ стараго къ новому совершился наиболѣе незамѣтно и безъ всякихъ потрясеній какъ интересовъ государства, такъ и интересовъ материальныхъ и духовныхъ всего населенія.

Съ этой точки зрѣнія эпоха XVII вѣка въ исторіи нашего военнаго искусства является эпохой подготовительной, эпохой переходной. Она связываетъ XVI вѣкъ съ XVIII не только во времени, но и духовно и, сохранивъ для послѣдняго въ военномъ дѣлѣ всѣ національныя законныя русскія особенности, дала въ то же время возможность этимъ особенностямъ одухотворить тѣ нововведенія въ военномъ искусствѣ, которыя являлись логически необходимыми въ будущемъ.

Вслѣдствіе этого не будетъ преувеличеніемъ сказать, что, только благодаря работѣ людей XVII вѣка, явилась возможность продуктивной работы въ нашемъ дѣлѣ людей XVIII вѣка, не исключая и гениальнаго Великаго Петра.

4) Шереметевскій походъ 1660 года *).

Чтобы познакомиться съ образомъ веденія военныхъ дѣйствій въ XVII вѣкѣ и такимъ образомъ, въ связи съ изложеннымъ выше, составить ясное понятіе о состояніи у насъ военнаго искусства въ эту эпоху, рассмотримъ, такъ называемый Шереметевскій походъ, кампанію 1660 г. во вторую Польскую войну.

Въ январь 1654 г. Малороссія, руководимая гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, послѣ двухлѣтней отчаянной борьбы съ Польшей, отдалась подъ покровительство Россіи и была присоединена къ ней. Очевидно, что это добровольное присоединеніе Малороссіи въ значительной степени затрагивало интересы Польши, почему въ 1654 г. возникла война между Россіей и Польшей, такъ называемая первая Польская война.

Присоединеніе Малороссіи, улучшивъ значительно стратегическое положеніе Россіи въ борьбѣ ея съ Польшей и Крымомъ, позволило царю Алексѣю первому войну съ Польшей въ его царствованіе вести наступательно и притомъ крайне рѣшительно.

1) Личное руководство военными операціями Алексѣя Михайловича, выступившаго въ походъ съ главными силами, что парализовало всѣ невыгодныя стороны мѣстности; 2) неготовность къ войнѣ Польши, выставившей, вслѣдствіе этого, для первоначальныхъ операцій весьма незначительныя силы; 3) приказаніе царя Алексѣя

*) См. схема № 2.

Михайловича всѣмъ войскамъ наступать весьма энергично, чтобы не дать времени полякамъ приготовиться; 4) распоряженіе царя избѣгать разоренія страны, что привлекало на нашу сторону мѣстное населеніе; 5) наконецъ, искусное обезпеченіе южныхъ границъ государства со стороны Крыма, — все это создавало такія благоприятныя условія для веденія операцій русской арміей, которыя повлекли за собой оди́нъ ея успѣхъ за другимъ.

1656 концу сентября 1654 г. наши войска, взявъ множество городовъ, въ томъ числѣ и Смоленскъ, заняли зинию Двины и Двѣпра и готовы были продолжать наступленіе въ глубь Бѣлоруссіи. Но наступившіе холода, отъѣздъ изъ арміи по дѣламъ государственнаго управленія царя Алексѣя, начавшіяся вслѣдъ за этимъ несогласія среди нашихъ воеводъ — приостановили дальнѣйшія рѣшительныя операціи.

Это обстоятельство дало противнику возможность оправиться отъ поражений и усилить свои войска; въ результатъ — въ началѣ 1655 г. поляки перешли въ Литвѣ въ наступленіе, однако, почти безъ всякаго успѣха.

Принятіе руководства операціями русской арміи самимъ царемъ полагаетъ конецъ наступательнымъ стремленіямъ поляковъ. Напротивъ, Алексѣй Михайловичъ самъ переходитъ въ рѣшительное наступленіе, беретъ Вильну, Ковну, Гродну и множество другихъ важныхъ пунктовъ Литвы.

Такимъ образомъ, въ одинъ походъ Алексѣй Михайловичъ овладѣлъ почти всѣмъ нынѣшнимъ сѣверо-западнымъ краемъ съ линіей Нѣмана на фронтѣ и съ польсьемъ на югѣ.

Походъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ былъ первымъ наступательнымъ походомъ на западъ въ исторіи Россіи, — со времени прекращенія энергической дѣятельности князей до — удѣльнаго періода.

Успѣхи царя въ Литвѣ привели къ войнѣ со Швеціей. Поэтому Алексѣй Михайловичъ прекратилъ войну съ Польшею, заключивъ съ нею перемиріе на условіи оставленія всей Литвы въ нашемъ обладаніи.

Трехлѣтняя война со Швеціей велась съ переменнымъ успѣхомъ и объ стороны не достигли рѣшительныхъ результатовъ. Необходимость Россіи вновь вести войну съ Польшею заставила Алексѣя Михайловича заключить со Швеціей перемиріе.

Польша, успѣвшая нѣсколько оправиться послѣ поражений первой войны, увеличившая свои силы малороссійскими казаками, которые, во главѣ съ гетманомъ Выговскимъ, назѣвнивъ Россіи, перешли на ея сторону, рѣшила воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Руси,

созданнымъ войной со Швеціей и измѣной Выговскаго, и началъ въ 1658 г. противъ нея военныя дѣйствія.

Переходъ Выговскаго на сторону Польши перенесилъ въ Малороссіи войну на лѣвый берегъ Днѣпра.

Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что наши отряды были выдвинуты на р. Наревъ, допускало возможность казакамъ, татарамъ и полякамъ вторгнуться въглубь Россіи въ направленіи къ Москвѣ или къ Сѣверскимъ княжествамъ, отрывая всѣ наши отряды, находившіеся въ Литвѣ, къ западу отъ Днѣпра.

Такое положеніе вещей, не говоря уже о томъ, что покореніе Украины было само по себѣ очень важнымъ дѣломъ для Россіи, побуждало царя Алексѣя Михайловича перенести главныя операціи изъ Литвы въ Малороссію и указывало, что здѣсь должно было дѣйствовать наступательно, ведя изъ Литвы дѣль оборонительную войну, удерживая Вильну и города по Нареву.

Между тѣмъ, наступательная война въ Малороссіи очень затруднялась крайней подвижностью противника—казаковъ и крымскихъ татаръ, а также случайнымъ выборомъ ими пунктовъ для сосредоточенія и нападеній.

Война открылась осенью 1658 г.

Въ этомъ году въ Литвѣ князь Долгорукий наноситъ пораженіе наступавшимъ въ Вильнѣ отрядамъ Сапѣги и Гонсевскаго, по велѣдъ за тѣмъ отступаетъ къ Минску, такъ какъ развить свои успѣхъ по условіямъ мѣстничества не могъ.

На югѣ наступательныя дѣйствія гетмана Выговскаго также потерпѣли неудачу. Шереметьевъ у Киева, и затѣмъ Ромадановскій—съ успѣхомъ отбиваютъ атаки казаковъ.

Такимъ образомъ, въ 1658 г. наступательныя предпріятія противника на обонхъ театрахъ войны были отразены, по, въ свою очередь, безъ рѣшительнаго успѣха.

Въ слѣдующемъ, 1659, году мы переходимъ въ наступленіе также на обонхъ театрахъ оразу.

Въ Литвѣ русскія войска одержали рядъ частныхъ побѣдъ, взявъ нѣсколько городовъ между Минскомъ и Наревомъ.

На югѣ наше рѣшительное наступленіе окончилось неудачей у Конотопа, и если эта неудача не привела къ печальнымъ послѣдствіямъ, то это потому, что Выговскій не воспользовался одержанной побѣдой, не преслѣдовалъ наши войска, а обратился къ югу, въ полтавскія земли, гдѣ и приступилъ къ осадѣ городовъ.

Оставленіе Выговскаго ханомъ и выборъ казаками, тяготѣвшими къ Руси, новаго гетмана, Юрія Хмельницкаго не позволили Выговскому удержаться на лѣвомъ берегу Днѣпра, причеиъ при отсту-

плени онъ былъ на-голову разбитъ у Чигирина отрядомъ, подо-
спѣвшимъ изъ Кіева.

Не смотря на одержанные русскими войсками успѣхи, къ концу
1689 г. цѣль войны не была достигнута. Пришлось ее продолжать и
въ слѣдующемъ году, а между тѣмъ, обстановка измѣнилась для
насъ въ невыгодную сторону.

Польша заключила съ Швеціей Оливскій миръ и такимъ
образомъ могла всѣ свои силы обратить противъ насъ.

Благодаря этому, въ Литвѣ сосредоточилось до 80000 польскихъ
войскъ, противъ которыхъ мы могли выставить не болѣе 45000.

Однако, энергичное и въ началѣ весьма успѣшное наступленіе
Сапѣги, разбишаго отрядъ Хованскаго у м. Полонки; было престо-
новлено удачными дѣйствіями отряда князя Долгорукова у Черикова,
и Сапѣгѣ продвинуться за Днѣпръ не удалось.

Между тѣмъ, на югъ царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ
дѣйствовать энергично, наступательно, двинувъ изъ Кіева русско-
черкасскую армію Василя Борисовича Шереметева.

Смыслъ инструкцій, данныхъ Шереметеву по этому поводу
царемъ, заключался въ слѣдующихъ словахъ: „Не дать недругу
войти въ свои города, чтобы его встрѣтить въ его землѣ; до тѣхъ
мѣстъ огонь и тушить, доколѣ не разгорѣлся, а какъ разгорится,
нѣкоя тушить“.

Другими словами,—энергическое наступленіе во что-бы то ни
стало.

Армія Шереметева, силой около 40000 чел.; была составлена изъ
войскъ трехъ категорій: во 1-хъ, изъ войскъ русскаго строя, которыхъ
было около 10000. Во 2-хъ, изъ войскъ иноземнаго строя, которыхъ
было тоже около 10000, и въ 3-хъ, изъ малороссійскихъ казаковъ подъ
начальствомъ Цецары, въ количествѣ около 20000.

Артиллерія арміи Шереметева состояла изъ 40 орудій.

Независимо этого, при обозѣ дворянъ и иноземнаго строя
находилось до 10000 прислуги, невключенныхъ въ боевой элементъ.

Армія Шереметева была раздѣлена на 4 отряда: а) собственно
Шереметева, б) князя Коаловскаго, в) князя Щербатова и г) казаковъ
Цецары.

Останавливаясь на составѣ арміи, прежде всего видимъ, что
половину ея составляютъ казаки, совершенно необученные и весьма
непослушные въ нравственномъ отношеніи, главнымъ образомъ, съ
точка арміи преданности общему дѣлу. Затѣмъ, что конница
составляетъ значительно больше, чѣмъ половину всей арміи, причемъ
въ двухъ отрядахъ—Шереметева и князя Коаловскаго—конница
значительно преобладала, а два другіе отряда—князя Щербатова и
Цецары—были исключительно конные.

Такое преобладаніе конницы приводило къ тому, что въ арміи Шереметева было строевыхъ только лошадей не менѣе 35000. Это же обстоятельство, въ связи съ большимъ обозомъ, не менѣе 8000 повозокъ—дѣлало крайне затруднительнымъ довольствіе арміи.

Къ этому необходимо добавить, что командующій арміей, Шереметевъ, имѣлъ полную мочь полководца, хотя тѣмъ не менѣе всѣ важныя рѣшенія при операціяхъ принималъ не иначе, какъ по постановленіямъ собираемаго имъ военнаго совѣта.

Армія Шереметева должна была усилиться присоединеніемъ къ ней 35000 кзаковъ Юрія Хмѣльницкаго, который обѣщаль присоединиться къ Шереметеву уже на походѣ, а именно въ Слободичахъ.

Казакки Юрія Хмѣльницкаго представляли также ненадежное войско и, увеличивая армію Шереметева численно, врядъ-ли значительно усилили-бы ее въ боевомъ отношеніи.

Медленность мобилизаціи арміи, запозданіе прибытія изъ Москвы отряда князя Щербатова, умышленная нерѣшительность Юрія Хмѣльницкаго,—все это привело къ тому, что Шереметевъ только 8-го авг. могъ выступить изъ Кіева.

Къ этому времени Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславль и другіе важныя пункты Сѣверной Украины были заняты небольшими русскими гарнизонами. Наиболѣе значительный изъ нихъ находился въ Кіевѣ подъ начальствомъ князя Барятинскаго, силой въ 8000 чел. Въ непродолжительномъ времени онъ могъ быть унесенъ гарнизонами другихъ городовъ въ количествѣ не болѣе 2000 человекъ.

Шереметевъ поставилъ себѣ цѣлью рѣшительное наступленіе въ Червоную Русь, имѣя въ виду движеніемъ на Межибужье и Тарнополь нанести ударъ Польшѣ въ центрѣ ея областей. Самъ съ арміей онъ рѣшилъ идти на Котельню, а Хмѣльницкій долженъ былъ идти на Бердичевъ и Слободиче.

Въ то-же время коронный гетманъ Потоцкій, занимавшій Тарнополь, присоединивъ къ себѣ направленные къ нему подкрѣпленія, въ томъ числѣ и казаковъ Выговскаго, двинулся на Межибужье противъ Шереметева.

27-го августа онъ перешелъ въ Константиновъ, гдѣ соединился съ 40000 татаръ.

Такимъ образомъ, противъ Шереметева и Юрія Хмѣльницкаго, еще несоединившихся, у поляковъ было сосредоточено въ одномъ мѣстѣ до 70000 чел.

Отбрасывая въ обѣихъ арміяхъ ненадежный элементъ, получимъ, что противъ 20000 слабо обученныхъ русскихъ направлялись 30000 хорошо подготовленнаго польскаго войска. Что касается ненадежнаго элемента въ обѣихъ арміяхъ, то несомнѣнно татары все-же стояли выше, чѣмъ малороссійскіе казакки. Правда, они не были способны

къ упорному бою, боялись артиллерійскаго и ружейнаго огня, но, дѣйствуя на сообщенія или преслѣдуя послѣ неудачнаго для русскихъ боя, они явились внушительной силой, противъ которой не могли ничего подѣлать 20000 казаковъ, совершенно незаинтересованныхъ въ выигрышъ русскими дѣла.

Безразличіе казаковъ къ интересамъ русской арміи сказывалось прежде всего въ томъ, что Шереметевъ не получалъ отъ нихъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ непріятеля. Въ виду этого онъ выслалъ на развѣдки конницу Скорнякова-Писарева и драгунъ Ховена, которымъ было приказано тоже войти въ связь съ Юріемъ Хмѣльницкимъ.

15-го августа армія прибыла къ Котельнѣ и здѣсь отъ Хмѣльницкаго было получено извѣстіе, что онъ вмѣсто того, чтобы, какъ было условлено, прибыть въ Слободище, къ 5-му или 6-му сентября придеть прямо къ Межибужью.

Приблизительно въ это-же время Шереметевымъ были получены крайне неблагоприятныя свѣдѣнія о присоединеніи къ полякамъ татаръ.

Въ такихъ затруднительныхъ условіяхъ Шереметевъ собираетъ военный совѣтъ изъ 4 старшихъ начальниковъ арміи.

Князь Козловскій высказался рѣшительно противъ наступленія внутрь Польши. Сомнясь на дѣятельность обетановки—тогда въ точности не было извѣстно даже численности силъ противника—и на ненадежность казаковъ, Козловскій предлагалъ отступить безъ боя за Днѣпръ, гдѣ и занять укрѣпленные пункты Украины.

Шереметевъ, однако, не согласился съ мнѣніемъ Козловскаго и рѣшился исполнить условленный съ Хмѣльницкимъ планъ.

Въ виду этого онъ выступилъ 27-го августа изъ Котельни къ Чуднову, куда и прибылъ 2-го сентября.

Въ это-же время польско-татарская армія Потоцкаго также двигалась къ Чуднову черезъ Любаръ.

Потоцкій, благодаря перебѣжчикамъ изъ числа казаковъ, всегда былъ хорошо освѣдомленъ о дѣйствіяхъ арміи Шереметева. Поэтому онъ и рѣшилъ разбить Шереметева до его соединенія съ Хмѣльницкимъ.

Между тѣмъ, прибывъ въ Чудновъ, Шереметевъ узналъ о близости непріятеля и, въ свою очередь, рѣшилъ двинуться къ Любару съ цѣлью атаковать Потоцкаго.

4-го сентября у Любара произошелъ кровопролитный бой, однако, безъ рѣшительныхъ результатовъ для обѣихъ сторонъ. Хотя русскіе и оставили за собою поле сраженія, но для Шереметева было ясно, что необходимый для дальнѣйшаго движенія къ Тарнополю прорывъ сквозь почти вдвое превосходныя силы непріятеля будетъ очень труденъ.

— Въ виду этого тотчас послѣ боя 4-го сентября онъ ставитъ себя задачей сначала упорно держаться, чтобы выиграть время, а затѣмъ медленно отходить на оплывшійся подкрѣпленн. Хмѣльницкаго и князя Барятинскаго изъ Кіева.

Вслѣдствіе принятаго Шереметевымъ рѣшенія имъ былъ возведенъ у Любара укрѣпленный лагерь.

Здѣсь въ теченіе 4-хъ дней Шереметевъ отбивалъ всѣ атаки поляковъ, неоднократно переходя въ наступленіе. Однако, вслѣдствіе превосходства противника въ силахъ добиться рѣшительнаго результата онъ не могъ.

— Не смотря на успѣхъ первыхъ дней обороны, русскіе не могли долго держаться въ лагерь у Любара. Поляки были сильны какъ разъ, тѣмъ, чего не доставало русскимъ, и они не преминули воспользоваться своимъ превосходствомъ. Поляки имѣли многочисленную и хорошо устроенную артиллерию, хорошо подготовленную пѣхоту и массу татарской конницы, весьма способной для дѣйствій на сообщенія.

Послѣ нѣсколькихъ отбитыхъ штурмовъ поляки начали усиленно обстрѣливать нашъ обозъ, т. е. самое уязвимое наше мѣсто. Въ то же время 40000-ная татарская конница окружила русскій лагерь и начала истреблять фуражъ, а между тѣмъ, у Шереметева было болѣе 35000 только строевыхъ коней, ежедневно нуждающихся въ фуражѣ. Необходимо было также для арміи и топливо.

Съ 8-го сентября русскіе уже начали чувствовать недостатокъ въ этихъ запасахъ. Тѣмъ не мене, Шереметевъ держался въ укрѣпленномъ лагерь у Любара до 16-го сентября. Все это время онъ производилъ частыя вылазки изъ укрѣпленнаго обоза, что было крайне полезно, такъ какъ этимъ онъ держалъ непріятеля въ постоянной тревогѣ и поддерживалъ духъ въ своихъ войскахъ. Къ тому же эти вылазки удерживали поляковъ отъ отдѣленія части силъ противъ Хмѣльницкаго и препятствовали имъ принять болѣе серьезныя мѣры для захвата пути отступленія русскихъ.

Потери, понесенныя Шереметевымъ въ теченіе 12-дневнаго его сидѣнія у Любара, вынудили его, наконецъ, начать отступленіе. Въ ночь на 16-е число Шереметевъ, для подготовки дороги къ движенію арміи широкимъ фронтомъ, выслалъ рабочихъ: затѣмъ, выстроивъ обозъ въ нѣсколько рядовъ связанныхъ между собой повозокъ, сбѣгивъ часть конницы и распредѣливъ войска, кругомъ обоза въ кареобразномъ построеніи, 16-го сентября двинулся къ Чуднову. Поляки не замедлили атаковать нашу армію съ трехъ сторонъ, имѣя въ виду отбросить ее въ болото, бывшее на правомъ флангѣ движенія. Вначалѣ это имъ не удавалось, такъ какъ къ нимъ не успѣла еще прибыть артиллерию и 8000 лучшей пѣхоты Вольфа, но въ 11 часовъ

утра по прибытіи отряда Вольфа уснѣхъ быстро склонился на сторону поляковъ. Огонь артиллеріи по повозкамъ огромнаго обоза и дружная атака польской пѣхоты съ трехъ сторонъ повели къ кровопролитному бою за обозомъ, результатомъ котораго была потеря Шереметевымъ около 1000 повозокъ обоза и 7 орудій.

Отстоявъ остальной обозъ, Шереметевъ успѣлъ устроить его и, не смотря на новую атаку польской конницы, успѣлъ довольно благополучно отступить къ Чуднову, куда и прибылъ 18-го сентября утромъ. Но едва онъ прибылъ въ Чудновъ, какъ вслѣдъ за нимъ явились поляки и заняли возвышенности, господствовавшія надъ городомъ.

Шереметевъ, захвативъ сколько могъ продовольствія, зажегъ городъ, а самъ расположился возлѣ него въ укрѣпленномъ лагерѣ, рѣшивъ выждать подкрѣпленія.

Вскорѣ въ арміи Шереметева почувствовался недостатокъ продовольственныхъ припасовъ, а съ 22-го сентября русскіе пытались уже конницей, нарядка добывая изъ ямъ оставленный хлѣбъ. Военныя дѣйствія за это время ограничиваются артиллерійскимъ огнемъ, но безъ рѣшительныхъ результатовъ.

4-го октября, окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ и лишенный продовольственныхъ средствъ, Шереметевъ рѣшилъ пробиться къ Слободищамъ, гдѣ, онъ зналъ, былъ уже Юрій Хмѣльницкій, и выступилъ въ д. Пятки тѣмъ-же порядкомъ, какъ и до Чуднова.

Поляки знали о предстоящемъ отступленіи и только-что началось движеніе русскихъ, какъ Потоцкій атаковалъ ихъ, но эта первая атака была отбита и русскіе даже на короткое разстояніе преслѣдовали поляковъ. Затѣмъ, послѣдовали еще двѣ атаки поляковъ и татаръ, но только при третьей непріятелю удалось сбить часть русскаго прикрытія въ лѣсъ, что позволило татарамъ ворваться въ обозъ, за грабежъ котораго они и принялись. Этимъ обстоятельствомъ весьма умѣло воспользовался Шереметевъ. Онъ лично организовалъ контръ-атаку и выбилъ ворвавшихся татаръ топорами и рогатками.

Въ этотъ тяжелый для русской арміи день Шереметевъ потерялъ до 8000 человекъ, 17 орудій и часть обоза.

5-го октября Шереметевъ вновь окопался, но здѣсь онъ узнаеть, что Юрій Хмѣльницкій, стоявшій уже въ Слободищахъ, передался на сторону поляковъ.

8-го октября Хмѣльницкій подписалъ договоръ съ Польшей, а черезъ 3 дня переманилъ къ полякамъ и казаковъ Цецюры.

Имяна Хмѣльницкаго и Цецюры нанесла Шереметеву окончательный и рѣшительный ударъ. У него не стало ни продовольствія, ни пороха, ни свинца; къ тому-же наступилъ холодъ. Люди, питаясь наившими лошадьми, умирали отъ холода и голода.

Въ такомъ критическомъ положеніи Шереметевъ рѣшаетъ двинуться по направленію къ Кіеву для соединенія съ подкрѣпленіями князя Барятинскаго, вышедшими изъ этого города.

Не смотря на свое тяжелое положеніе, Шереметеву удается продвинуться еще на 3—4 перехода и пробиться къ Кодиць, но, не доходя двухъ верстъ до этого пункта, онъ получаетъ свѣдѣніе, что и это мѣстечко занято поляками. Окончательно изнеможенный, Шереметевъ успѣваетъ, однако, и здѣсь окружить себя насилью, послѣ чего вступаетъ въ переговоры съ Потоцкимъ.

20-го октября Шереметевъ согласился на тяжелыя условія капитуляціи. Войска должны были положить оружіе. Русскіе обязывались вывести гарнизоны изъ городовъ Украины и отступить къ Путивлю.

До приведенія въ исполненіе этого договора Шереметевъ и остатки его арміи оставались военно-плѣнными, а послѣ того имъ общали свободу и возвращеніе знаменъ и оружія въ Путивль.

25-го октября армія выполнила условіе, но въ ту-же ночь, когда было отобрано оружіе, на остатки русскаго войска ночью напали татары. Завязался ожесточенный бой, чѣмъ попало, причемъ масса русскихъ погибла. Имущество Шереметева, вопреки договора, было разграблено. Самъ Шереметевъ переданъ татарамъ, въ мучительномъ плѣну у которыхъ пробылъ 22 года.

Барятинскій, имѣя главной своей задачей охраненіе ненадежной Украины, не могъ выдѣлать подкрѣпленія Шереметеву болѣе 3000 чел. Однако, и этому отряду не удалось соединиться съ Шереметевымъ.

Въ виду необходимости доставить Шереметеву главнымъ образомъ запасы продовольствія, Барятинскій свой 3000-ный отрядъ вынужденъ былъ обратитъ въ прикрытіе къ взятому имъ изъ Кіева обозу.

При такихъ условіяхъ полякамъ легко было, отдѣливъ часть войскъ изъ дѣйствовавшихъ противъ обезснѣнной уже арміи Шереметева, преградить путь князю Барятинскому. Не считая возможнымъ при малочисленности своего отряда, стѣсненнаго къ тому-же обозомъ, предпринять что либо рѣшительное, Барятинскій, отойдя отъ Кіева верстъ 70, вернулся обратно, преслѣдуя главную свою цѣль—оборону Украины.

Уже прибывъ въ Кіевъ, Барятинскій получилъ капитуляцію Шереметева съ его письмомъ. Естественно, что Барятинскій отказался выполнить условія капитуляціи, но поляки не имѣли уже силъ заняться осадой украинскіхъ крѣпостей и возвратились въ Польшу, удовлетворившись почти полнымъ уничтоженіемъ арміи Шереметева.

Остановливаясь на Шереметевскомъ походѣ съ точки зрѣнія состоянія военнаго искусства у насъ въ XVII столѣтіи, нужно отмѣтить:

1) Организация армии Шереметева наглядно показывает постепенность видоизмѣненія въ составѣ русской армии, которая была начата еще при царѣ Михаилѣ.

2) Готовность нашихъ военачальниковъ вести стратегическія наступательныя операціи даже иногда вопреки обстановкѣ.

3) Слабую боевую подготовку войскъ какъ русскаго, такъ и иноземнаго строя.

4) Неумѣнье организовать развѣдку и вслѣдствіе этого отсутствіе необходимой ориентировки.

5) Неумѣнье Шереметева правильно оцѣнить войска какъ противника, такъ и союзныхъ намъ казаковъ. Достоинство первыхъ онъ уменьшаетъ, достоинство вторыхъ — преувеличиваетъ.

6) Пользованіе обозомъ, какъ подвижной оборонительной позиціей, во время марша и окопами во время остановки.

7) Способность производить контръ-атаки изъ укрѣпленнаго лагеря, однако, лишь на короткое разстояніе.

8) Неготовность конницы дѣйствовать въ конномъ строю.

9) Упорство нашихъ войскъ и замѣчательную ихъ выносливость.

10) Намѣнецъ, невыработанность взгляда на значеніе временнаго уклоненія отъ боя, т. е. на своевременный переходъ въ стратегіи къ отступленію въ виду измѣнившихся обстоятельствъ.

Чудновскій погромъ войскъ Шереметева былъ переломомъ въ ходѣ второй Нодьской войны. Средства для веденія дальнѣйшей борьбы были истощены, войска разстроены и денегъ въ казнѣ мало.

При такихъ условіяхъ царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ отказаться отъ наступательныхъ плановъ и ограничиться обороной, тѣмъ болѣе, что поляки, пользуясь одержанными успѣхами, перешли въ наступленіе, обративъ свои удары прежде всего на Литву.

Уже весной 1661 г. была взята Гродна. Затѣмъ, послѣ неудачнаго для насъ боя въ концѣ октября этого года въ д. Глубокое была взята Вильна. Поляки мало по малу распространялись по всей Бѣлорусіи. Къ зимѣ они расположились по квартирамъ вдоль Днѣпра, а въ 1662 г. начали грабить и разорять окрестности Витебска, Полоцка и Великихъ Лукъ.

Осенью 1663 г. король Янъ Казимиръ началъ энергично наступать черезъ Украину и изъ Литвы. Вначалѣ удачный походъ этотъ въ 1664 г. привелъ поляковъ къ отступленію къ исходнымъ его пунктамъ. Послѣ этого война продолжалась еще до 1666 г.

Въ этотъ періодъ борьба шла преимущественно между поляками и казаками, лишь отчасти поддерживаемыми нашими отрядами. Борьба эта представляетъ собой рядъ безпощадныхъ избиеній, быстрыхъ налетовъ и взаимнаго разоренія.

Наконецъ, 30-го января 1667 г. въ с. Андрусовѣ было заключено на 13 лѣтъ перемиріе, по которому Россія получила обратно Малороссію до лѣваго берега Днѣпра, Смоленскъ и Сѣверскія земли и во временное владѣніе—Кіевъ съ ближайшими окрестностями.

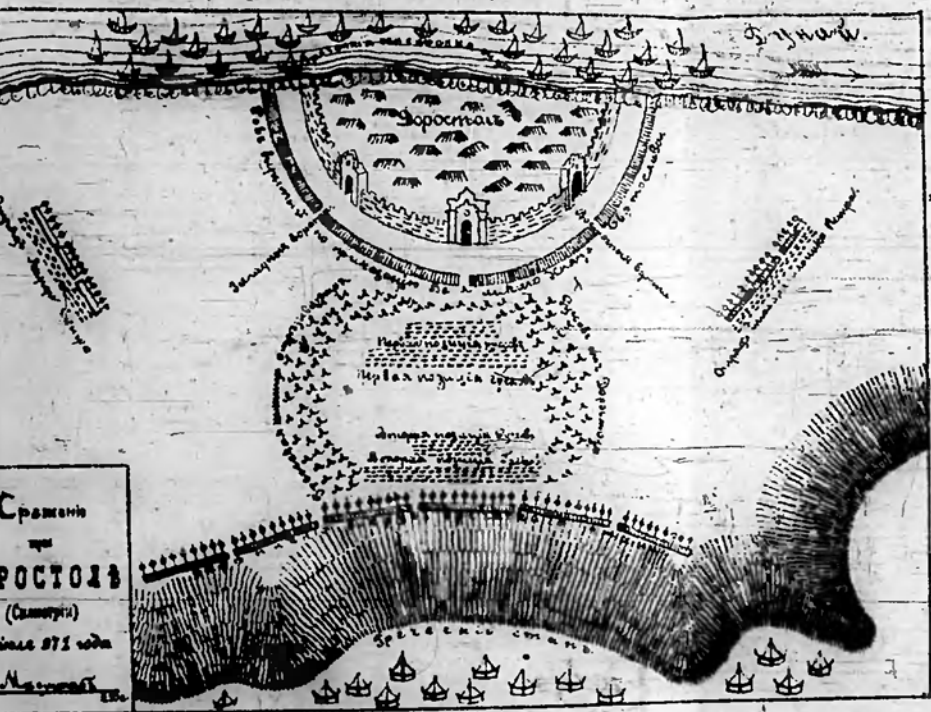
Такимъ образомъ, вторая Польская война не привела къ результатамъ, соответствующимъ усиліямъ затраченнымъ на веденіе ея. Это можно объяснить въ значительной степени неискуснымъ веденіемъ операциі вообще и бездѣйствіемъ нашихъ войскъ въ важнѣе и опаснѣе періоды для врага—въ частности: Это же, въ свою очередь, явилось слѣдствіемъ во 1-хъ, отсутствія общаго руководства дѣйствіями со стороны Алексѣя Михайловича, при какомъ условіи мѣстничество вводитъ сказалось во всей силѣ, во 2-хъ, превосходства польско-литовскихъ войскъ, въ искусствѣ и въ обученіи—надъ войсками русскими, въ 3-хъ, ненадежности нашихъ союзниковъ на главномъ театрѣ войны, малороссійскихъ казаковъ, въ 4-хъ, полнаго истощенія средствъ государства, являющагося послѣдствіемъ затянувшейся войны, и приведенія къ ослабленію энергій въ веденіи войны, особенно послѣ Птереметевскаго похода.

СХЕМА №2
ПОХОДЪ СВЯТОСЛАВА
 в 965 году
 ----- Граница Руси
 в 965 году

Карта похода
 русского воителя
 Св. Св. Св. Св.
 в 965 г.

СХЕМА №.

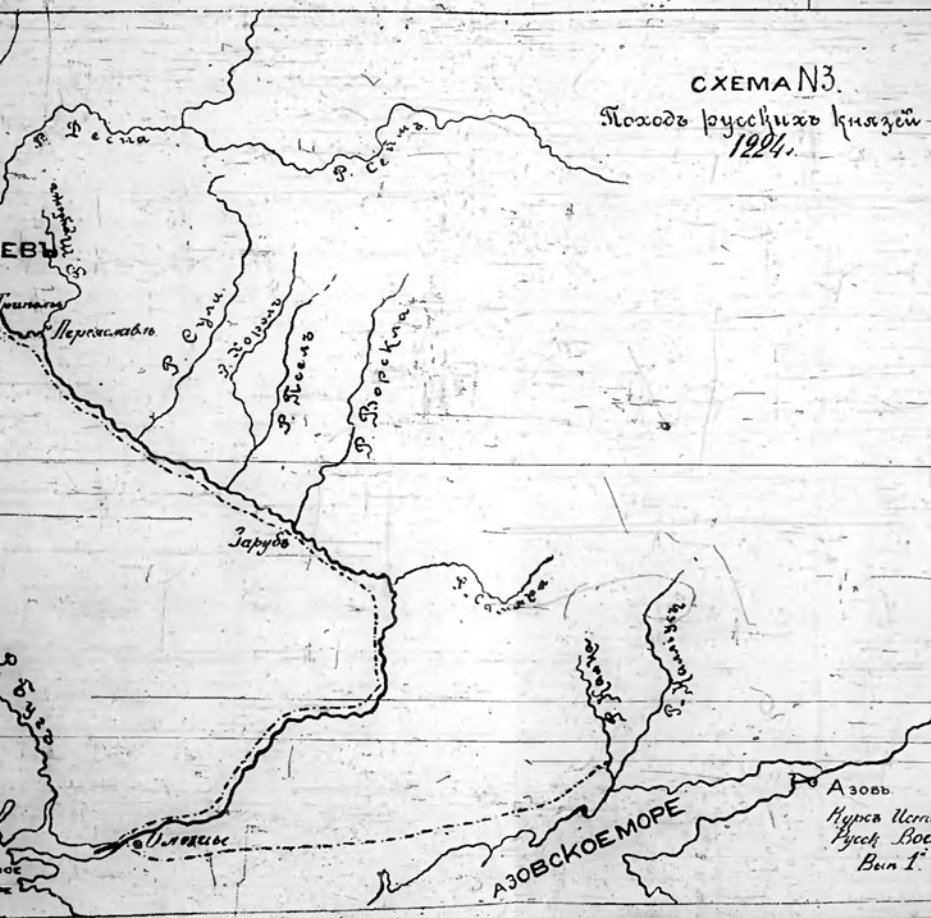

Сражение
у
РОСТОЯ
(Спасский)
года 1711 года
Масштаб 1:1000

Купон памяти павших воинов
1711 г.

СХЕМА №3.

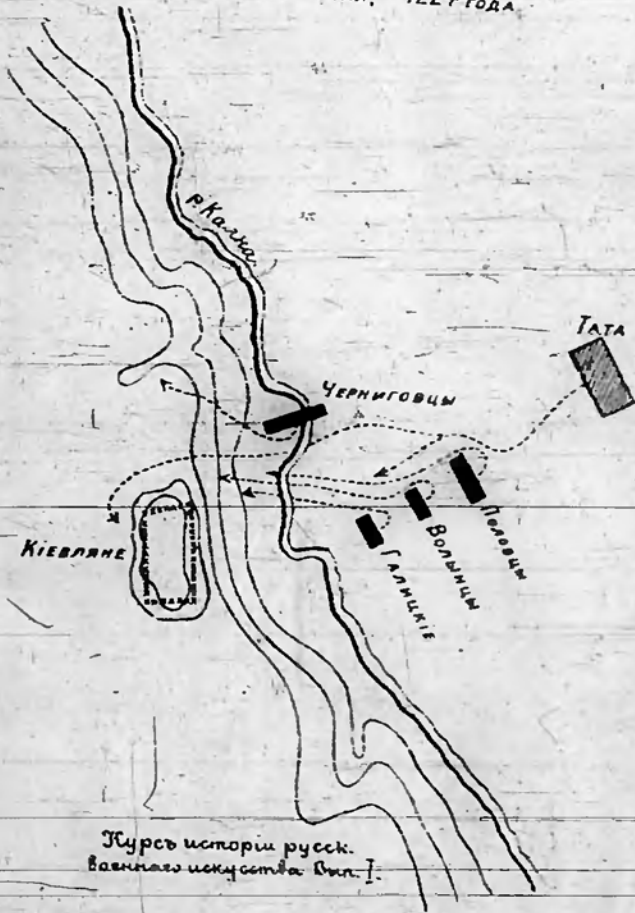
Поход русских князей
1224.

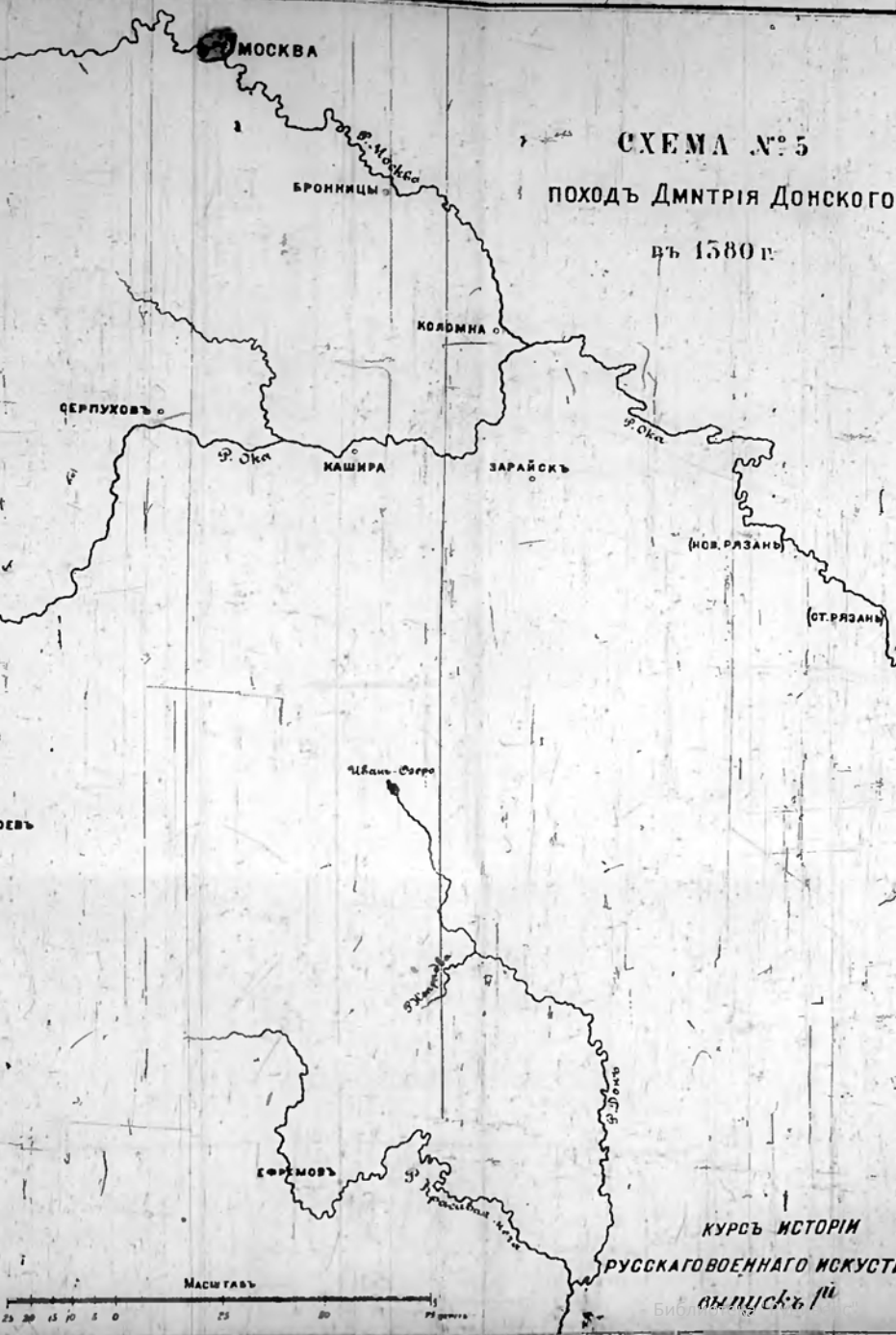

ПЛАНЪ №4

СРАЖЕНІЯ НА Р. КИУТКІЙ.

31 МАЯ. 1224 ГОДА.

МОСКВА

СХЕМА № 5

ПОХОДЪ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО
въ 1580 г.

БРОННИЦЫ

КОЛОДНА

СЕРПУХОВЪ

р. Ока

КАШИРА

ЗАРАЙСКЪ

(НОВ. РЯЗАНЬ)

(СТ. РЯЗАНЬ)

Иванъ Стрелъ

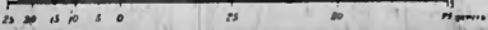
СЕРГОВЪ

КУРСЪ ИСТОРИИ

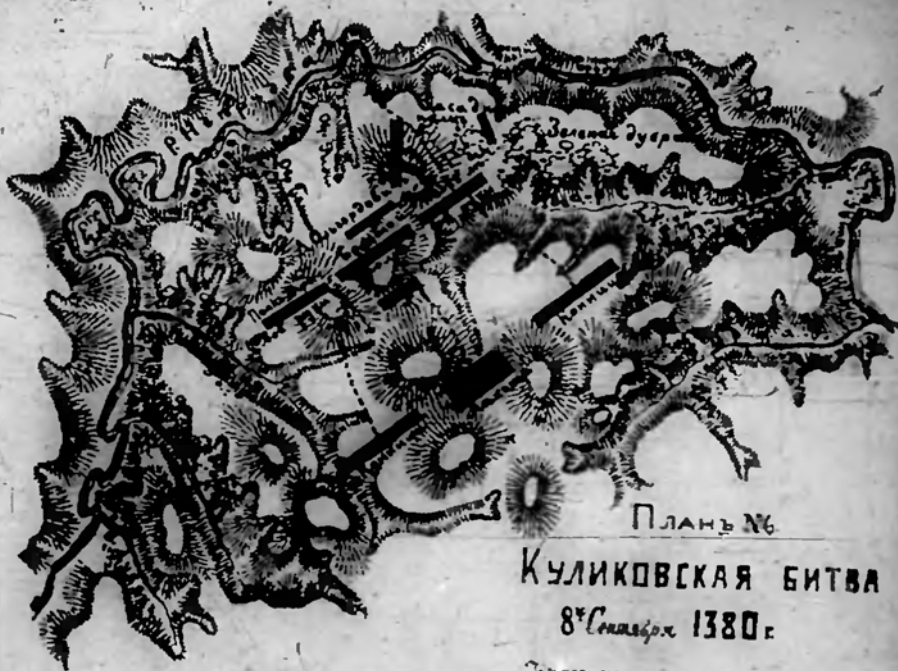
РУССКАГО ВОЕННАГО ИСКУССТВА

выпускъ II

МАСШТАБЪ

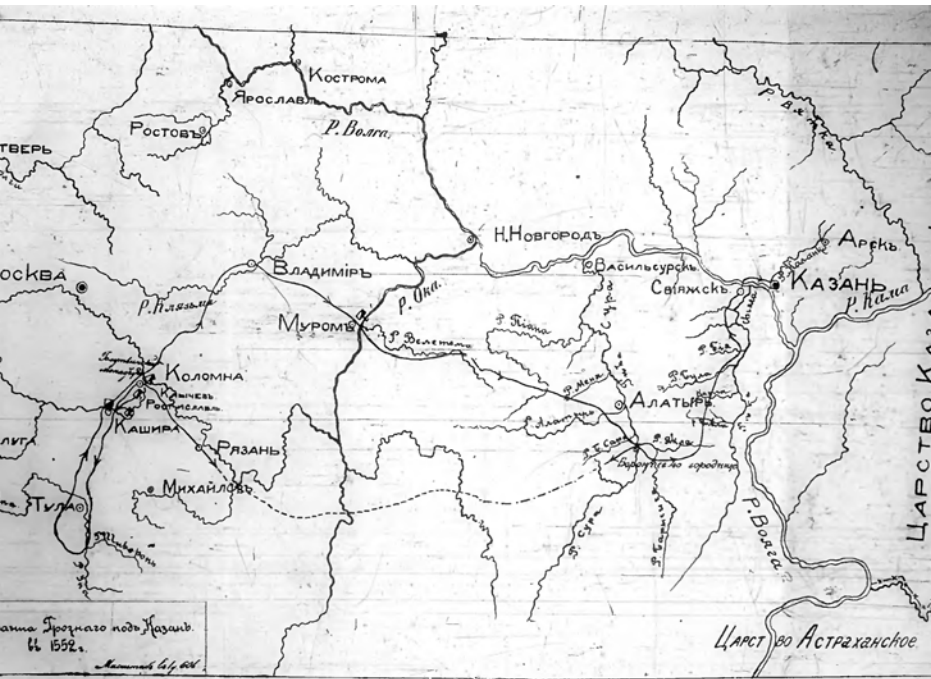

Библио

ПЛАНЪ № 6
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
8го Сентября 1380 г.

Татары стояли в лесу восточнее
русских
Дон. 7

№ 8.
Г. КАЗАНИ
1552 г.

СХЕМА № 9

Похода Д. Ф. Улерштейна
1660 года

Миссия 60 верст долина

